

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2021**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
В.С. Золотарёв (заместитель главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Прижленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 27.09.2021. Выход в свет 30.09.2021.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 17,61. Тираж 250 экз. Заказ № 8183

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,

тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
V.S. Zolotarev (Deputy Editor-in-Chief),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Humagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print September 27, 2021. Publication September 30, 2021.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 16.27. Publ. sign. 17.61. Edition 250 copies. Order number 8183

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

doi 10.18522/2687-0770-2021-3

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (211) 2021 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (211) 2021*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Акимов Р.А., Бабаева Дж.П. Гносеологическая дилемма эмпирического и рационалистического подходов в исследовании проблемы времени 4
Хоконов М.А., Соблирова З.Х., Лисеев Р.П. К вопросу о междисциплинарном исследовании невербальной (кинестической) культуры черкесов 14

Akimov R.A., Babaeva J.P. Epistemological Dilemma of Empirical and Rationalistic Approaches in the Study of the Problem of Time 4
Khokonov M.A., Soblirova Z.Kh., Liseyev R.P. On the Question of an Interdisciplinary Study of the Non-Verbal Culture of the Circassians 14

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке 22
Айриян Р.С., Комарова А.А. Роль США в разрешении первого северокорейского ядерного кризиса 32
Булатов Б.Б., Гусейнов М.Ш. Российские учёные и развитие производительных сил Дагестана со второй половины XIX века по 1930 год 39
Егорова В.П. Борьба с инфекционными болезнями у народов Дагестана в XIX – начале XX века 43
Кислицын С.А. Арон Френкель. Судьба ростовского революционера: от революции и Гражданской войны на Дону до китайской революции и сталинского террора 48
Лобова В.В. Университетская хроника (Варшавский императорский университет 1915–1916 годы) по материалам газет 59

Agafonov A. I. Armorial Images on Portraits of the Military Ataman of the Don Army D. E. Efremov and Features of the Formation of the Southern Russian Nobility in the 18th Century ... 22
Ayriyan R.S., Komarova A.A. The Role of the United States in Resolving the First North Korean Nuclear Crisis 32
Bulatov B.B., Huseynov M.Sh. Russian Scientists and the Development of the Productive Forces of Dagestan in the Second Half of the 19th Century - 1930s 39
Egorova V.P. The Fight Against Infectious Diseases Among the Peoples of Dagestan in the 19th - Beginning of the 20th Century 43
Kislitsyn S.A. Aron Frenkel. The Fate of the Rostov Revolutionary: From the Revolution and the Civil War on the Don to the Chinese Revolution and Stalin's Terror 48
Lobova V.V. University Chronicle (Warsaw Imperial University 1915-1916) Based on Newspaper Materials 59

Малыхин К.Г., Щекатунов О.В. Больше- вистская модернизация России 20–30-х годов XX века и ее военно-технологические, кадро- вые и политические последствия для борьбы с нацизмом в первые годы Второй мировой войны (по оценкам В.М. Чернова)	67
Моргунов К.Г. Работа органов земского само- управления по развитию народного здравоохранения в Таврической губернии в первое десятилетие земской деятельности (1866–1875 гг.)	74
Разиньков М.Е. Предприниматели Централь- ного Черноземья в 1917 – начале 1918 года	82
Чорнян С.К. От церковно-приходской школы к высшему городскому училищу (училище святых Саака и Месропа в Нахичевани-на-Дону)	89
Шереузов А.Ж. Особенности объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов. Положение от 17 августа 1922 года	94

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евченко Н.Н., Койка К.А. Региональные бан- ки России в условиях консолидации банковско- го капитала: динамика и перспективы развития	101
Жаринов И.О. Экономическое управление высо- котехнологичной компанией с использованием планирования и проектно-процессного подхода ...	110
Ниворожкина Л.И. Доходное неравенство и относительная бедность российских домохо- зяйств: есть ли связь с экономическим ростом?	118
Узнародов И.М. Перспективы глобализации в XXI веке	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сухов Р.И. Итоги проведения IV Междуна- родной научно-практической конференции студен- тов, аспирантов и молодых ученых «Современ- ные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса. Государственное и муниципальное управление туристско- рекреационным комплексом: российский и за- рубежный опыт» (г. Ростов-на-Дону, 22–23 ап- реля 2021 г.)	134
---	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В.Д. О трагедии осетин 1920 года (Пухаев К.П. История геноцида осетин в 1920 г. Цхинвал, 2020)	137
---	-----

Malikhin K.G., Schekatunov O.V. Bolshevik Modernization of Russia in the 20-30s of the 20th Century and Its Military-Technological, Personnel and Political Consequences for the Fight Against Nazism in the First Years of World War II (Ac- cording to V.M. Chernov)	67
Morgunov K.G. The Work of the Zemstvo Self- Government on the Development of Health Care in the Tauride Province in the First Decade of Zemstvo Activity (1866-1875)	74
Razinkov M.E. Entrepreneurs of the Central Black Earth Region in 1917 - Early 1918	82
Choriyan S.K. From the Parish School to the City Higher School (St. Sahak and Mesrop School in Nakhichevan-On-Don)	89
Shereuzhev A.Zh. Specific Features of the Com- bination of the Kabardian and Balkar Executive Commissions. Regulation of August 17, 1922	94

ECONOMIC SCIENCES

Yevchenko N.N., Koyka K.A. Regional Banks of Russia in Conditions of Banking Capital Consolida- tion: Dynamics and Development Prospects	101
Zharinov I.O. Economic Management of a High- Tech Company Using Planning and a Project- Process Approach	110
Nivorozhkina L.I. Income Inequality and Rela- tive Poverty in Russian Households: Is There a Link to Economic Growth?	118
Uznarodov I.M. Prospects of Globalization in the 21st Century	128

SCIENTIFIC LIFE

Sukhov R.I. Results of the IV International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Modern Problems and Technologies in the Sphere of Tourism, Hotel Business, Service. State and Municipal Management of the Tourist and Recreational Complex: Russian and Foreign Experience” (Rostov-on-Don, April 22-23, 2021)	134
---	-----

BOOK REVIEWS

Dzidzoev V.D. On the Tragedy of the Ossetians in 1920 (Pukhaev K.P. History of the Genocide of Ossetians in 1920. Tskhinval, 2020)	137
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.1

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-4-13

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ЭМПИРИЧЕСКОГО И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ

© 2021 г. Р.А. Акимов^а, Дж.П. Бабаева^б

^а Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия,

^б Дагестанский государственный медицинский университет, Махачкала, Россия

EPISTEMOLOGICAL DILEMMA OF EMPIRICAL AND RATIONALISTIC APPROACHES IN THE STUDY OF THE PROBLEM OF TIME

R.A. Akimov^а, J.P. Babaeva^б

^а Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia,

^б Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russia

Акимов Рустам Акимович –
доктор философских наук, профессор,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: rustamakimov@mail.ru

Rustam A. Akimov -
Doctor of Philosophy, Professor,
Dagestan State
Pedagogical University,
Yaragskogo Str., 57, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: rustamakimov@mail.ru

Бабаева Джамия Платоновна –
кандидат химических наук, доцент,
Дагестанский государственный
медицинский университет,
пл. Ленина, 1, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: dgma@list.ru

Jamila P. Babaeva -
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
Dagestan State
Medical University,
Lenina Sq., 1, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dgma@list.ru

Познание времени составляет одну из фундаментальных задач философии и науки. Можно сказать, что прогресс общества в немалой степени был обеспечен обретением человечеством идеи времени. Без этого знания неосуществима была бы ни экономическая, ни духовная жизнь общества. Для экономической жизни общества время – это периоды работы в области сельского хозяйства, установление режимов трудовой деятельности и т. п. Для духовной деятельности людей – это «история» общества, культур, цивилизаций, регулирования традиционных ритуалов, праздников, тайна жизни, смерти и бессмертия. Если экономическая жизнь предъявляет требование познания времени, обусловленное природой человеческого существования, то стремление к познанию времени самого по себе, в целях духовного обогащения, без опосредованности прагматическими запросами составляет одну из тайн человеческого ума. Философия представляет собой ту специфическую форму познания, которая обеспечивает удовлетворение потребности человека в знании сущности мира и его существования во времени, сущности временного бытия общества и человека и сущности самого времени.

Рассматриваются сложившиеся в философской традиции исследования времени в аспекте гносеологических альтернатив эмпиризма и рационализма. Анализируются концепции времени, данные в трудах мыслителей Нового времени. Предлагается и обосновывается вариант номологической концепции времени.

Ключевые слова: время, познание, наука, философия, гносеология, сущность, закон.

Cognition of time is one of the fundamental tasks of philosophy and science. We can say that the progress of society was to a large extent ensured by the acquisition of the idea of time by mankind. Without the knowledge of time, neither the economic nor the spiritual life of society would be feasible. For the economic life of society, time is periods of work in the field of agriculture, the establishment of work regimes, etc. For the spiritual activity of people, time is the "history" of society, cultures, civilizations, the regulation of traditional rituals, holidays, the secret of life, death and immortality of people, etc. If the economic life of people makes a demand for the knowledge of time, due to the nature of human existence that striving for cognition of time itself, for the purpose of spiritual enrichment, without being mediated by pragmatic demands, is one of the secrets of the human mind. Philosophy is that specific form of cognition that ensures the satisfaction of a person's need for knowledge of the essence of the world and its existence in time, the essence of the temporal existence of society and man and the essence of time itself.

The article examines the study of time that has developed in the philosophical tradition in the aspect of epistemological alternatives to empiricism and rationalism. The analysis of the concepts of time given in the works of modern thinkers is given. A variant of the nomological concept of time is proposed and substantiated.

Keywords: time, cognition, science, philosophy, epistemology, essence, law.

Человеческое общество имеет свою историю, знание о которой формируют специальные науки. Настоящее человечества осмысливается общественными науками, предлагающими теоретические конструкты социального бытия. Будущее в теориях футурологов рисуется либо в светлых тонах, с оптимизмом заявляя о благополучии, ждущем людей, либо выдвигаются проекты эсхатологического типа, связанные с воздействием как внешних сил, так и неразумно-потребительской деятельностью людей по отношению к природе, последствия которой приведут к экологической катастрофе [1]. Многие вопросы о бытии людей, общества неразрывно связаны с осмыслением такой фундаментальной категорией философии, как время [2, 3]. Время структурирует, упорядочивает события человеческой жизни и окружающего мира, способствует раскрытию смысла и цели человеческого бытия [4]. С переосмыслением человеческой истории меняется содержательный выбор презентующих время событий, связанных то с последовательностью социальных событий, то со становлением идеологических моделей, реализацию которых ассоциируют с «концом истории», концом социокультурной эволюции общества [5]. Открытие идеи времени инициировало формирование гносеологических вопросов не только о человеке, его прошлом и будущем, но и о генерации самой идеи времени, ее становлении и развитии, соотношении каузальности и времени [6, 7]. Знание о природе времени, его структуре, функциях находит и прикладное значение практически во всех сферах жизнедеятельности людей, областях научного знания.

В данной статье дается анализ и осмысление времени в ракурсе философских размышлений представителями философских традиций рационализма и эмпиризма Нового времени.

В Новое время рационализм возрождается в философии Декарта, Спинозы, Лейбница в чьих учениях мир рисуется в новых логических моделях, достоинства и недостатки которых развиваются и критикуются в философии последующих поколений мыслителей. Кант проникает не только в глубинные основы познания, но и ставит вопрос о пределах рационального познания. Гегель выходит на вершину философского рационализма, полностью утопив эмпирический мир в сверхмощной идее. Однако при всей привлекательности и авторитетности рационализма влияние его на умы мыслителей и ученых постепенно ослабевает под воздействием радикальных изменений экономической и социальной организации общества, возрастания авторитета научно-эмпирических исследований, повлиявших на становление техногенной цивилизации.

Физика, механика, экономика, химия, биология и другие науки вторгаются в духовный мир общества, ломая мировоззрение, стиль мышления, входят в ткань философии, меняя ее конструктивно и методологически.

Механика и геометрия, занимая доминирующее положение в системе наук, оказывают серьезное влияние на формирование мировоззрения философов и ученых. Немалая заслуга в формировании «геометризованного мировоззрения» принадлежит Р. Декарту. Геометризация мира в философии Декарта сказалась и на выборе образа времени в качестве геометрической линии, который, в частности, был воспринят Дж. Локком. В «Правилах для руководства ума» Декарт пишет, что «из измерений непрерывной величины нет ни одного, которое представлялось бы более отчетливо, чем длина и ширина» [8, с. 135]. Сущность материальных тел в картезианской философии выражается протяжением, а сущность души – мышлением. Дуалистичность времени в такой философии

выражается зависимостью от того, модусом чего оно рассматривается – вещей или мышления. «Длительность, порядок и число, – пишет Декарт, – также мыслятся нами весьма отчетливо, если только мы не приписываем к ним никакого понятия субстанции, но считаем длительность всего лишь модусом любой вещи, в свете которого мы мыслим эту вещь с точки зрения сохранныости ее существования» [8, с. 336].

Итак, длительность как понятие, выражающее временное в мире вещей, отражает в себе степень долговечности, качественной устойчивости, неизменности в существовании материального мира. Декарт говорит и о времени, которое выступает в качестве атрибута мышления. Он пишет: «Одни из тех свойств, кои мы именуем атрибутами или модусами, существуют в самих вещах, другие же – в нашем мышлении. Так, когда мы отличаем время от длительности, взятой в общем смысле этого слова, и называем его числом движения, то это лишь модус мышления; ведь мы никаким образом не разумеем в движении иную длительность, нежели в неподвижных вещах... Однако для измерения длительности любой вещи мы сопоставляем данную длительность с длительностью максимально интенсивных и равномерных движений вещей, из которых складываются годы и дни; вот эту-то длительность мы и именуем временем. А посему такое понимание не добавляет к длительности, взятой в общем смысле, ничего, кроме модуса мышления» [8, с. 337].

Поворот философии от божественного к человеческому в размышлениях Декарта о времени проявляется в дифференциации понятия времени на время (длительность) мира вещей и время мыслимое. Предшествующая философия, как правило, сопрягала время природного, вещественного мира с вневременностью, вечностью божественного мира. Таким образом, Декарт акцентирует внимание на исследовании не только времени природного мира, но и времени осмысливаемого разумом человека, времени как атрибута мысли.

Поиски представлений о времени в образах природных процессов достигли в философской мысли достаточно всестороннего и глубокого состояния. Но требование новой эпохи ставило перед учеными и философами задачу открытия таких представлений о времени, которые бы органично и непротиворечиво вплетались в научную картину мира. Одно из таких представлений о времени, ставшее определяющим

вплоть до начала XX в., было предложено И. Ньютоном. Становление ньютоновской концепции времени осуществляется на базе возникновения физической науки, закладка фундамента которой начинается в XVII в. Развитие же физики как самостоятельной науки происходит в XVIII в. и связано с освоением ньютоновского метода [9, с. 13]. Если для Декарта основанием достоверности физической теории служит логическая стройность, то для Ньютона условием построения физической теории служил метод индуктивного обобщения опытных данных. В отличие от Декарта Ньютон строит феноменалистическую теорию, в которой нет места гипотезам [9, с. 137]. Из науки о машинах физика начинает превращаться в науку о движении.

Сама по себе градация времени и пространства на абсолютные и относительные, которую предложил Ньютон, не являлась новым шагом в философии познания времени и пространства. Выше отмечалось, что Ньютон строит физическую науку на индуктивных обобщениях опытных данных в отличие от Декарта, использовавшего логический метод в построении научного знания. Но, что примечательно, в разделе «Поучений» «Математических начал натуральной философии» Ньютон выводит истинное время не из интегрированного опытного знания, а из математического знания, получаемое не эмпирическим, а формально-логическим путем. Итак, истинное время, по Ньютону, выводится из отношений математических и отличается от времени обыденного, относительного, выводимого из чувственных восприятий, и выступающего неустойчивой мерой продолжительности какого-либо движения. «Абсолютное, истинное математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью.

Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год» [10, с. 30]. Таким образом, Ньютон находит возможность строить феноменалистическую физику, в которой есть место и формально-логическим утверждениям, в частности касающимся представления о времени, истинное знание о котором не выводимо из эмпирических обобщений.

Хотя причины, приведшие к установлению абсолютного характера времени и пространства, и представляют явления физического мира, но ни инерция, ни мгновенность действия не выведены непосредственно из явлений физического мира. Если инерция еще может быть наглядно представлена проявлениями в физическом мире, хотя сама из них не выводима, ибо в теории Ньютона она носит субстанциальный характер, то мгновенность действия никак не обнаруживается в физическом мире и не находит в нем наглядных проявлений. В принципе установление мгновенности действия на расстоянии относится в большей степени к области гипотез, чем эмпирических обобщений, хотя Ньютон отрицательно относился к использованию гипотез в физической теории. Мы видим, что построение физической теории на чисто феноменалистической платформе, к которой стремился Ньютон, не достигнуто.

Ориентация на сенсуалистическое построение философского знания о мире проявляется у Т. Гоббса. «Предметом философии, – пишет Гоббс, – или материи, о которой она трактует, является всякое тело, возникновение которого мы можем постичь посредством размышлений и которое мы можем в каком-либо отношении сравнить с другими телами... Это определение, однако, вытекает из определения самой философии, задачей которой является познание свойств тел из их возникновения или их возникновение из их свойств. Следовательно, там, где нет ни возникновения, ни свойств, философии делать нечего» [11, с. 79]. Гоббс через определение предмета философии ограничивает круг проблем философии миром реальных, становящихся вещей. Следовательно, проблема познания вневременного и вечного перестает составлять предмет философского исследования. Так Гоббс реализует тенденцию нового времени в эмансипации философии и науки от религии и философско-схоластической традиции.

Познание идеи времени он связывает с тем образом, который человек получает благодаря наблюдению за движущимся телом. «Подобно тому, – пишет Гоббс, – как тело оставляет в нашем уме образ своей величины, движущееся тело оставляет в нашем сознании образ своего движения, т. е. идею тела, непрерывно меняющего свое место. Эта идея, или этот образ, есть то, что я называю временем...» [11, с. 140]. Но Гоббс не считает, что время реально существует в мире в форме модуса, акциденции или состоя-

ния тел. Время для него – это только образ, существующий исключительно в нашем мышлении. «Те, кто говорят, что дни, годы и месяцы суть движения Солнца и Луны, утверждают (так как прошлое движение означает то же, что исчезнувшее, а будущее – то же, что еще не существующее), хотя бы они сами того и желали, то же, что и я, именно что никакого времени вообще не существует, не существовало и не будет существовать. Время есть, следовательно, образ, но образ движения» [11, с. 140].

Если Ньютон, не обнаруживая в физическом мире адекватного физического референта времени, все же выводит время на статус субстанциальной сущности, то Гоббс, наоборот, лишает время какого-либо реального статуса, объявляя его иллюзорным образом сознания. Гоббс более принципиален, чем Ньютон, в стремлении использовать в теоретических рассуждениях только позитивно определяемые понятия. Однако если время есть нереальный образ, то нелогично из нереального выводить реальное. Гоббс же, рассуждая о категории количества, пишет, что количество как непрерывное понятие благодаря линии представляет время, благодаря линии и времени – движение. Гоббс считает, что его представление и определение времени полностью совпадает с аристотелевским. Можно добавить только, что в аристотелевскую концепцию времени он вносит геометрический элемент в виде линии, по направлению которой перемещается тело, продуцируя в сознании образ времени.

Для Гоббса теряет всякий смысл рассуждение о бесконечности времени, ибо все, что человек представляет себе, всегда конечно. Бесконечное же невозможно ограничить, а следовательно, невозможно и показать. «Всему тому, – пишет Гоббс, – что известно нам людям, мы научились благодаря имеющимся у нас образам. Но у нас нет ни образа бесконечной величины, ни образа бесконечного времени, ибо ни человек, ни любое иное существо, которое само не является бесконечным, не может обладать каким-либо понятием о том, что бесконечно» [11, с. 208].

Наиболее ярко антирационалистическая направленность в познании прослеживается в философии Дж. Локка. Концепция построения человеческого знания из индивидуального опыта, уже высказывавшаяся эпикурейцами и стоиками, была закреплена Гоббсом и Гассенди в формуле: нет ничего в разуме, чего не было бы

прежде в ощущениях. Локк в своей философии не просто апеллирует к опыту, но исследует гносеологические основания опытного познания. Он различает внешнюю и внутреннюю составляющие опытного познания. Именно рефлексивная, внутренняя активность объясняет, по Локку, происхождение в уме человека фундаментальной идеи времени. Но не следует переоценивать участие ума в ее генерации. Обретение умом идеи происходит в результате «внутреннего» наблюдения ума за своими собственными психологическими процессами. Психологизм Локка стал парадигмой теоретико-познавательных исследований для разных философских учений эмпирической ориентации.

В локковской парадигме психологического времени идея времени предстает уже не как сопряженная с идеей пространства, а как производная от последней. Локк пишет, что «есть другой вид расстояния, или длины, идею которого мы приобретаем не от постоянных частей пространства, а от текучих и беспрерывно гибнущих частей последовательности. Мы назовем его продолжительностью. Простыми модусами продолжительности являются длины ее, отчетливые идеи которых мы имеем в уме, как, например, часы, дни, годы и т. д., время и вечность» [12, с. 231].

Определяя время как «вид расстояния», Локк, видимо, стремился найти какое-то реальное объяснение происхождению идеи времени. Ведь он в своей философии руководствуется принципом, что нет ничего в разуме, чего бы не было в чувствах. С одной стороны, он объявляет время иллюзорным образом. Но поскольку люди в своей практической деятельности оперируют временными понятиями – день, час, год и т. д., – то время, хотя и «скрыто» от нас как конкретно чувственная реальность, однако проявляется через другие виды реальности. В таком случае следовало бы признавать время реально существующим в природе, но не воспринимаемым нами в силу ограниченности наших физиологических способностей. Но тогда знание о времени мы получаем не из чувственного опыта, а из оснований самого разума, выводящего идею времени из своих внутренних способностей, априорно. Однако такой вывод рушит исходные сенсуалистические принципы философии Локка. Тот утверждает, что образ времени нереален, т. е. у него нет соответствующего реального референта в мире. Но поскольку в нашем уме все же образовывается идея времени,

то в опыте должны быть реальные процессы, которые «провоцируют» образование ее в уме. Такой провоцирующей образование времени в уме реальностью служит становящаяся течучесть частей природного мира. Ум продуцирует идею времени не из самого себя, а из ассоциации с последовательностью возникающего и гибнущего, текучего, становящегося в реальном мире. Наиболее подходящий, с точки зрения Локка, образ, в рамках которого ум способен уложить постигаемые в опыте процессы, – это образы ассоциируемые с пространственными конфигурациями. Поэтому время и определяется Локком в качестве пространственно-подобного образования как вида расстояния или длины. Кроме того, время как идея формируется не непосредственно из ассоциации с текучим миром, а из идеи «продолжительности», которая фундаментальна в отношении своих модусов, в числе которых находит свое место и время. Итак, Локк устанавливает, что время является всего лишь модусом продолжительности.

Локк солидаризуется с Августином в том, что время, с помощью которого мы обнаруживаем другие вещи, само не обнаруживается. Говоря словами Августина, Локк определяет свое отношение к пониманию времени так: «Чем больше я заставляю себя думать об этом, тем меньше это (время. – Р.А., Д.Б.) понимаю». Скептицизм Локка в отношении понимания времени не перерастает, однако, в агностицизм, и он высказывает мнение, что «как бы ни казались эти идеи (продолжительности, времени, вечности. – Р.А., Д.Б.) далеки от нашего понимания, все-таки (если мы проследим их прямо до их истоков) я не сомневаюсь, что один из двух источников всего нашего знания, т. е. ощущения или рефлексии, будет в состоянии доставить нам эти идеи столь же ясными и определенными, как и многие другие, которые считаются гораздо менее ясными» [12, с. 231].

Рефлексивное наблюдение за изменениями наших чувственных представлений, согласно Локку, и служит гносеологическим объяснением идеи последовательности. Продолжительность в такой логике познания определяется как результат обнаружения расстояния между частями последовательности. Локк убежден, что понятия последовательности и продолжительности обнаруживаются в результате рефлексии в наш ум, где открывается цепь чередующихся друг за другом вещей. С прекращением чередования идей прекращается и образ продолжительности

в уме человека. Локк пишет, что для него «совершенно ясно, что люди получают свои идеи продолжительности от своей рефлексии о цепи идей, которые они наблюдают в своем уме следующими одна за другой» [12, с. 233]. Под идеями Локк понимает не только абстрактные понятия, вырабатываемые в теоретической деятельности, но весь запас понятий людей, выражаемый в словесной форме. Происхождение идей, в его представлении, имеет двойной путь: они происходят либо от ощущений, либо от рефлексии в деятельность человеческого ума. Локк категорически отрицает возможность существования каких-либо других источников происхождения идей.

В истории философского исследования времени до Локка уже имела место концепция определения последовательности во времени через ассоциацию с последовательностью в движении событий реального мира. Однако Локк убежден в том, что идея последовательности не происходит от наблюдения за движением событий реального мира. Он считает, что не само движение порождает идею последовательности, но цепь следующих друг за другом идей, которые возникают в нашем уме в результате наблюдения за движением.

Нам известно сегодня, что временные изменения в мире должны иметь предельную скорость реализации, ибо в противном случае при бесконечной скорости распространения изменений время потеряло бы возможность своей эмпирической регистрации. Во времена Локка наука еще не имела окончательного решения вопроса о предельности распространения действия в мире, но Локк, исходя из анализа способностей человека в восприятии идей, делает вывод, что у человека существуют «определенные пределы быстроты и медленности наших идей друг за другом в нашем уме» [12, с. 235]. Локк не делает заключения, что в природе невозможны события с беспредельной скоростью, но обращает внимание на то, что для человека есть предел восприятия быстроты и медленности процессов в мире и соответственно в самом уме в форме идей. За порогом психофизической возможности человека определять изменения событий в мире теряется возможность определения последовательности во времени. Но в природе все же существуют изменения, скорость которых такова, что мы не в состоянии определить последовательность реализации таких изменений. «Подобную часть продолжи-

тельности, – пишет Локк, – в которой мы не замечаем последовательности, мы и можем назвать мгновением; оно занимает время одной только идеи в нашем уме без последовательности другой идеи, отчего мы не воспринимаем никакой последовательности» [12, с. 235]. Исследуя время, Локк неявно приходит к выявлению такого признака времени, как невозможность остановить его течение. Эта мысль, как нам видится, проистекает из утверждения Локка, что «помешать постоянной последовательности свежих идей... нельзя» [12, с. 235].

Локк высказывает также мнение, что идеи продолжительности и последовательности не являются производными от движения. Более того, сами идеи заключают в себе ощущения движения. В таком случае, как нам представляется, идеи продолжительности и последовательности можно было бы определить как вневременные и по своему смыслу схожие с аристотелевскими «теперь», через которые определяется время, но которые не представляют собой части времени.

Противоречивость учения Локка о времени проявляется в том, что, с одной стороны, время образуется из чувственного опыта, в котором обнаруживается становление, последовательность реализации процессов, рождение и гибель, с другой – время выступает в качестве некоего заданного, бесконечно протяженного, геометрически-подобного образования, на фоне которого разыгрываются события временного мира. Невольно Локк вводит идею двух времен – бесконечно протяженного, ставшего пространственно-подобным и становящегося, представляемого уходящими в прошлое и привходящими из будущего событиями, рождением и гибелью. Но если Ньютон обосновывает существование двух времен (абсолютного и относительного) уровнями познания времени – обыденным и научным, – то Локк не дает ясных разъяснений по поводу дуалистичности времени.

Рационалистическая философия нового времени была обогащена оригинальными идеями Лейбница, значимость которых для Германии Дидро сравнивал со значимостью для Древней Греции того интеллектуального вклада, который внесли Платон, Аристотель и Архимед вместе взятые. Прогресс науки и прагматического мировоззрения проявился и в требованиях Лейбница: ясности в словах и пользы в вещах, ибо без ясности в словах невозможно верное суждение, а без пользы в вещах невозможно откры-

тие. Именно стремление к ясности в языке обуславливает его отказ называться картезианцем [13, с. 86]. Лейбниц принимает декартовский метод, но упрекает его за неследование своему методу, нестрогости в рассуждениях, использование «странных» гипотез. В связи с этим Лейбниц высказывает большее предпочтение аристотелевской «Физике», чем размышлениям Декарта.

В своей философии Лейбниц эволюционирует от приверженца строго научной философии, в ее механико-геометрической форме, к философии, адаптирующей метафизические идеи. «Было время, – пишет Лейбниц, – тогда я полагал, что все явления движений можно объяснить из чисто геометрических начал, не принимая никаких метафизических положений... но после глубокого размышления я убедился, что это невозможно... сами механические исходные начала зависят от метафизических... т.е. совершенным образом творящего Бога» [13, с. 214]. Изменение отношения Лейбница к метафизическим аргументам прослеживается в следующих его рассуждениях: «Пространство, как и деятельность, неизмеримо, неизменно и вечно. Но из этого отнюдь не следует, что вне Бога существует что-то вечное, ибо пространство и деятельность не существуют вне его, а представляют собой обусловленные им непосредственные и необходимые последствия существования» [13, с. 459].

Антисенсуалистические взгляды Лейбница воплотились в его труде «Новые опыты о человеческом разумении». Данная работа, противопоставлявшаяся работе Локка «Опыты о человеческом разумении», закладывала фундамент в учении об априорности существующих в уме человека идей. Лейбниц оценивает свою философскую систему как наиболее родственную системе Платона, а Локка – системе Аристотеля. Он отрицательно относится к представлениям Локка о том, что духовное и телесное являют собой модификации единой субстанции, и считает, что следует различать модификации и атрибуты. Последние представляют собой постоянные и основные свойства, такие как протяженность, плотность, способность к восприятию и действию. Модификации же атрибутов – мышление, фигура, движение, стремительность. Следует также проводить различие между физическим (реальным) родом и логическим (идеальным) родом.

«Вещи, относящиеся к одному и тому же физическому роду или однородные, состоят, так

сказать, из одной и той же материи и могут часто быть превращены друг в друга путем изменения модификации; таковы круги и квадраты. Но две разнородные вещи могут иметь общий логический род, и тогда их различия не являются простыми модификациями одного и того же субъекта или одной и той же метафизической материи. Так, время и пространство – вещи весьма разнородные, и было бы ошибочно представлять себе какой-то общий реальный субъект, который обладал бы непрерывным количеством вообще и модификации которого образовывали бы время и пространство» [14, с. 4]. Отсюда можно заключить, что Лейбниц отрицает возможность существования в природе какой-либо сущности, которая была бы способной выступить объединяющим началом для времени и пространства. В логическом же роде время и пространство могут находить общие основания, что, например, следует из придания времени пространственно-подобных образов.

Эпицентром новой волны сенсуализма в Англии послужила философия Дж. Беркли, явившегося создателем классической формы субъективного идеализма в новое время. Восприняв у Локка психологизм как парадигму теоретико-познавательного исследования, Беркли предельно субъективизирует познание и своим отрицательным отношением к существованию «вторичных качеств», демаркирует сенсуализм и рационализм. Критически относится Беркли и к теориям образования отвлеченных идей Локка, категорически отрицая возможность существования общих понятий. Беркли убежденно доказывает, что абстрактные понятия – материя, пространство, время и т. п., – используемые в философии, являются заблуждениями ума, закрепленные в языке. Общие понятия невозможны, ибо они включали бы в себя одновременно частные понятия, наделенные несовместимыми признаками.

Поэтому Беркли предлагает пользоваться репрезентативными понятиями, которые представляют собой чувственные идеи конкретных предметов, способных быть представителями всех предметов соответствующего класса. Онтология Беркли такова, что в действительности существует только Бог и сотворенные им души. Как души существуют относительно Бога, так и мир вещей существует только относительно ощущений (идей), присущих душам. Порядок и организация мира, определяемые умом, – не результат отражения познающего ума отноше-

ний вещей таковых, как они есть в природе, а врожденная чувственная способность воспринимать мир таким образом. В соответствии со своей гносеологией и онтологией Беркли дает объяснение понятию времени. Он находит основание того скептицизма, который высказывал Локк в отношении познания времени. А основанием таким является представление о времени как о простой идее. «Протяжение, движение, время, число не являются простыми идеями, – пишет Беркли, – но включают в себя последовательность, которая, очевидно, есть простая идея» [15, с. 42]. Естественно было бы задаться вопросом: есть ли в последовательности идей какой-либо порядок, объяснимый, например, с точки зрения причинных отношений? В философии Беркли такое объяснение недопустимо. Он считает, что «идеи, которые наблюдаются связанными друг с другом, обычно рассматриваются с точки зрения отношения причины и действия, тогда как, согласно строгой философской истине, они относятся только как знак к обозначаемой вещи» [15, с. 140].

Беркли находит то, что, по его мнению, делает всякое познание трудным и запутанным. И это не природная ограниченность ума и не сложность организации предметного мира, а «мнение», что ум способен образовывать абстрактные идеи. Беркли утверждает, что он не может составить абстрактную идею движения, отличную от движущегося тела, движения – ни медленного, ни быстрого, ни криволинейного, ни прямолинейного. Такой вывод распространяется на все абстрактные идеи, включая и идею времени. «Самые ясные вещи в мире... становятся странным образом затруднительными и непонятными, – пишет Беркли, – когда мы рассматриваем их абстрактно. Время, место и движение, взятые частно и конкретно, суть то, что всякий знает; пройдя через руки метафизика, они становятся слишком абстрактными и утонченными для понимания людей с обычными способностями... каждый раз, когда я пытался составить простую идею времени с абстрагированием от последовательности идей в моем духе, которая протекает единообразно и сопричастно всему сущему, я терялся и путался в безвыходных затруднениях. Я вовсе не имею понятия о нем; я слышу только от других, что оно до бесконечности делимо, и их речи таковы, что возбуждают во мне странные мысли о моем существовании, так как это учение требует от каждого как безусловной необходимости мысли,

признания или того, что он провел бесконечные годы без мысли, или что он уничтожается в каждое мгновение своей жизни; и то, и другое представляется одинаково нелепым» [15, с. 215–216].

Таким образом, следует заключить, что идея времени, как репрезентативное понятие, возникает в качестве обобщающего многообразный род времен понятия. Времени же как некоей всеобщей сущности нет. Именно признание философиями существования некоего абстрактного, абсолютного времени дает основание, по мнению Беркли, выдвигать такие концепции времени, в которых оно представляется либо как уже «развернутое» во временной последовательности, либо как импульсивно происходящего рождения и гибели, разрушающего связь прошлого и будущего. Таким образом, проблемы познания времени в главной своей основе порождены метафизическими спекуляциями с абстрактным временем; реальное время ясно в понимании человека, ибо дано ему в чувствах его. Многообразие чувственных восприятий обуславливает многообразие времен в нашем духе. Длительность же существования духа и вещей определяется количеством следующих друг за другом идей, фиксируемых нашим духом. Таким образом, Беркли отрицает возможность существования объективного времени природы, а те всеобщие меры времени, которыми пользуются люди в своей жизни, представляют собой конвенциональные установления, принимаемые в целях упорядочения жизненной практики.

Рассмотренные нами аспекты исследования времени, как генерируемого чувственными формами познания мира и присущими человеку рациональными способностями, представленные мыслителями Нового времени, позволяют сделать следующие выводы.

Философы Нового времени не предложили иного решения о вопросе истоков идеи времени, помимо традиционного сведения ее к одному из оснований – чувственно-опытному, либо рациональному-логическому. Обосновывая продуктивность в познании времени эмпирического либо рационалистического подходов, философы не пришли к абсолютизации гносеологического статуса одного из них.

В XVII в. западноевропейская философия обращает внимание на вопрос обоснованности знания, осуществив так называемый «эпистемологический поворот», сосредоточивает внимание на критике классических моделей познания с позиции принятия идеалов знания, которые

также должны быть обоснованы. Классическая эпистемология сформировалась под влиянием науки Нового времени. В этой связи выработка познавательных концепций соотносилась с требованиями научности. В контексте современной неклассической эпистемологии рекомендуется отказаться от ряда требований классической эпистемологии, в частности нахождения новых смыслов в познавательных традициях, отказ от фундаментализма, субъектизма и др.

Видимо, выбор концепции времени должен осуществляться с учетом парадигмы научности. В этой связи представляется перспективной и верной номологическая концепция времени. Признание того, что время обладает статусом закона, всеобщего закона мира, определяющего порядок становления событий мира, снимет проблему гносеологического спора о приоритетности эмпиризма или рационализма в познании времени. Преимущество номологической концепции времени видится в привлечении для решения поставленного вопроса категории «закон», что сближает философию с научным знанием. Смысл научности философии сопрягается с ее практичностью, выраженный О. Контом в формуле: знание, на основе которого предвидение; предвидение, на основе которого действие. Наука нацелена на познание функциональных формализуемых, номологических отношений, связей. В перспективе научного познания всегда стоит задача открытия закона, в основе своей имеющего прагматическое назначение.

Определение времени как закона включает ряд принципиальных положений:

- в мире нет ничего, что существовало бы и происходило вне действия закона времени;
- все процессы в мире происходят только в асимметричном по отношению к «настоящему» порядке;
- порядок становления событий во времени осуществляется непрерывно;
- в мире не существует привилегированных систем отсчета времени;
- в каждой системе отсчета времени «настоящее» всегда уникально;
- исчисление «настоящего» носит конвенциональный характер.

В литературе, конечно, обсуждаются различного рода аномальные явления, необъяснимые в рамках существующего научного знания, однако они носят спорадический характер и должны быть глубоко изучены, с одной стороны, в аспекте их достоверности, с другой – в

плане возможности создания объясняющих их научных теорий. Время не определяет содержание происходящих событий и их взаимоотношения в процессе становления, но оно регламентирует номологическую упорядоченность событий во времени, позволяя человеку ориентировать свою жизнедеятельность в оценке ретроспективы, осознания существования в настоящем и предвидения перспективы.

Литература

1. Гранин Р. С. К вопросу о происхождении термина «эсхатология» и его интерпретации в концепциях библейской герменевтики XX столетия // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7: Философия. 2013. № 2. С. 83–91.
2. Лишаев С. А. Старость и время. По ту сторону самореализации // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология. 2020. № 36(2). С. 264–278. Doi 10.21638/spbu17.2020.205.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, Ермак, 2004. 588 с.
5. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / пер. с нем. А. Б. Демидова. Минск: Экономпресс, 2006. 384 с.
6. Фёдоров Д. А. Вопрос о времени: об онтологической первичности настоящего перед прошлым и будущим // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Т. 32, вып. 3. С. 73–82.
7. Севацкий А.К. Эффект Шустерлинга (проблема времени у Канта и Даниила Хармса) // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 408–412.
8. Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
9. Дорфман Я.Г. Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1974. 352 с.
10. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
11. Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 621 с.
12. Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 622 с.
13. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. 636 с.

14. Лейбниц Г.В. Соч. : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1983. 686 с.
15. Беркли Дж. Соч. М. : Мысль, 1978. 556 с.

References

1. Granin R.S. (2013). To the question of the origin of the term "eschatology" and its interpretation in the concepts of biblical hermeneutics of the 20th century. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. 7 : Filosofiya*, No. 2, pp. 83-91. (in Russian).
2. Lishaev S.A. (2020). Old age and time. Beyond Self-Realization. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Filosofiya i konfliktologiya*, No. 36 (2), pp. 264-278. Doi 10.21638/SPb17.2020.205. (in Russian).
3. Heidegger M. (1993). *Time and being: articles and speeches*. Tr. from Germ. by V.V. Bibikhin. Moscow, Respublika Publ., 447 p. (in Russian).
4. Fukuyama F. (2004). *The end of history and the last person*. Tr. from English by M. B. Levin. Moscow, AST, Ermak Publ., 588 p. (in Russian).
5. Hübner B. (2006). *Sense in meaningless time: metaphysical calculations, miscalculations and settling accounts*. Tr. from Germ. by A. B. Demidov. Minsk, Econom-press Publ., 384 p. (in Russian).
6. Fedchuk D.A. (2016). The question of time: on the ontological primacy of the present over the past and the future. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 17 : Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie*, vol. 32, No. 3, pp. 73-82. (in Russian).
7. Sekatsky A.K. (2016). Schusterling effect (the problem of time in Kant and Daniil Kharms). *Izv. Saratovskogo un-ta. Novaya seriya : Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, vol. 16, No. 4, pp. 408-412. (in Russian).
8. Descartes R. (1989). *Works: in 2 vol.* Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 654 p. (in Russian).
9. Dorfman Ya.G. (1974). *World history of physics from ancient times to the end of the 18th century*. Moscow, Nauka Publ., 352 p. (in Russian).
10. Newton I. (1989). *Mathematical principles of natural philosophy*. Moscow, Nauka Publ., 688 p. (in Russian).
11. Hobbes T. (1989). *Works: in 2 vol.* Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 621 p. (in Russian).
12. Locke J. (1985). *Works: in 3 vol.* Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 622 p. (in Russian).
13. Leibniz G.V. (1982). *Works: in 4 vol.* Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 636 p. (in Russian).
14. Leibniz G.V. (1983). *Works: in 4 vol.* Moscow, Mysl' Publ., vol. 2, 686 p. (in Russian).
15. Berkeley J. (1978). *Works*. Moscow, Mysl' Publ., 556 p. (in Russian).

УДК 008(=35)
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-14-21

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ (КИНЕСИЧЕСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ

© 2021 г. М.А. Хоконов^а, З.Х. Соблирова^а, Р.П. Лисеев^а

^а Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия

ON THE QUESTION OF AN INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE NON-VERBAL CULTURE OF THE CIRCASSIANS

M.A. Khokonov^a, Z.Kh. Soblirova^a, R.P. Liseyev^a

^a *Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia*

*Хоконов Мурат Анатольевич –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра этнологии, истории
народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: mhokonov@gmail.com*

*Murat A. Khokonov -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of the Peoples of the KBR and Journalism,
Berbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: mhokonov@gmail.com*

*Соблирова Зарета Хасанбиевна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра этнологии, истории
народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru*

*Zareta Kh. Soblirova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of the Peoples of the KBR and Journalism,
Berbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: zareta.soblirova@inbox.ru*

*Лисеев Роман Петрович –
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра этнологии, истории
народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Россия.
E-mail: romalis@mail.ru*

*Roman P. Liseyev -
Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Ethnology, History
of the Peoples of the KBR and Journalism,
Berbekov Kabardino-Balkarian
State University,
Chernyshevskogo Str., 173, Nalchik,
Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia.
E-mail: romalis@mail.ru*

Рассматриваются вопросы, связанные с социокультурными проявлениями телесности в черкесском традиционном обществе. Приводятся культурологические, философско-антропологические исследования, интерпретирующие телесность как особый социокультурный феномен. Уделяется внимание таким научным подходам к изучению культуры тела, как проксемика, кинесика, многие положения которых используются в качестве теоретических установок для изучения невербальной системы коммуникации в культуре черкесов. Поднимается вопрос о необходимости комплексного анализа знаковых, жестовых элементов как неотъемлемых составляющих черкесского этоса. Впервые предлагается философско-антропологическое видение соматической культуры как одной из важнейших подсистем ментальности традиционного черкесского социума. Объективные представления о языковых структурах общения черкесов проливают свет на многие специфические особенности этнокультурной картины мира этноса. Приводятся определения «кинесика», «проксемика», «телесность». Рассматриваются такие пространственные формы структурирования социальных отношений, как социальная дистанция, личное пространство, скрытые смыслы разнообразных видов и форм

социальных дистанций. Определяется, что кинесические, а в целом телесные аспекты традиционного воспитания имели большое значение в социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: жесты, культура, кинесика, невербальная коммуникация, символ, телесность, проксемика, социум, черкесы.

The article discusses issues related to socio-cultural manifestations of corporeality in the Circassian traditional society. The article presents cultural, philosophical and anthropological approaches on corporeality as a specific socio-cultural phenomenon. Particular attention is paid to proxemics and kinesics, that are used in the paper as theoretical basis of the study of the non-verbal communications in the Circassian's culture. The paper argues the need in a comprehensive study of sign and gesture systems as integral part of the Circassian ethos. Authors suggest a new philosophical and anthropological view on somatic culture as one of the most important subsystems of the traditional Circassian mentality. Objective ideas on the non-linguistic components of communication shed light on many specific features of the ethnocultural picture of the world of the Circassians. The authors focus on such spatial forms of structuring of social relations as social distance, personal space, hidden meanings of various types and forms of social distances. The paper justifies that the corporeality, in general, and the kinesic aspects of traditional upbringing, in particular, were of great importance in socialization of younger generations.

Keywords: gestures, culture, kinesics, non-verbal communication, symbol, corporeality, proxemics, society, Circassians.

Телесность, ставшая предметом изучения семиотики, биоэтики, философской и физической антропологии, эстетики, герменевтики, прочно вошла в состав европейского и российского общенаучного дискурса как проблема, которая должна открыть новые перспективы в области постижения экзистенциальных вопросов человеческого бытия. Проблема тела и телесности – одна из фундаментальных в современных междисциплинарных исследованиях, так как представляет собой по сути аксиологический феномен, связанный с такими фундаментальными категориями и ценностями, как нравственность, любовь, истина, физическая красота, свобода. Предметом интенсивных размышлений ученых самых разных специализаций и направлений становятся исследования социокультурной природы тела, анализ роли тела и телесного в ракурсе наличных социальных проблем, попытка холистического понимания тела как механизма межличностных и институциональных отношений. Так, в обозначенном аспекте нашего исследования впервые предлагается интерпретация социокультурных проявлений телесности в традиционном социуме черкесов, а также анализ телесности как особого социокультурного феномена в различных теоретических школах и направлениях.

Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что комплексное изучение телесности как специфической формы бытия культуры необходимо, с одной стороны, для обогащения научно-методологических подходов к природе телесного, а с другой – историко-философская рефлексия логики, эволюции идей о теле может способствовать переосмыс-

лению и уточнению антропологической парадигмы человека как экстра-соматической сущности. Исследование социокультурных, антропологических форм репрезентации телесности в конкретно взятой культуре позволит основательно заглянуть в архаические глубины менталитета этноса, понять сложную парадигму взаимосвязи физического воспитания тела и его социокультурного конституирования.

Перед началом постановки проблемы телесности как специфического языка культуры необходимо разъяснение теоретико-методологических оснований, которые позволяют прояснить основные принципы рассмотрения социокультурной природы телесности. Несмотря на значительный наукоемкий потенциал междисциплинарного исследования неартикулированных элементов культур, необходимо учитывать важность комплексного понимания символических, знаковых проявлений телесности в различных социокультурных практиках. В этом смысле для анализа невербальных компонентов социокультурной коммуникации важное место следует уделить кинесике.

Кинесика в наиболее упрощенной дефиниции – это наука о языке тела, жестовых и мимических единицах, их функциях. Из множества информационно-ценностных сфер, через которые человеческое тело передает культурную семантику того или иного феномена, наиболее неизученным и перспективным можно считать культурную кинесику. В социогуманитарном дискурсе она исследуется в двух основных аспектах.

Во-первых, кинесика определяется как система невербальных, неартикулированных язы-

ковыми элементами единиц информации – кинемы. Американский антрополог Р.Л. Бердвистелл заложил основы кинесики как научной отрасли и одним из первых исследовал проблемы невербальной коммуникации в различных культурах. Он предложил и реализовал идею фундаментального каталога, который должен был включать простейшие, атомарные движения человека, интерпретацию их психической, социокультурной семантики, поз и других статических и динамических явлений телесности. Самые элементарные частицы человеческой кинесики ученым были названы «кинами», им давалась дефиниция как мельчайших, неделимых, наименее заметных движений, обладающих отличием чрезвычайной медлительности. Для ученого кин – синоним жеста [1, р. 532]. Исследователь долгое время собирал этнографический материал в полевых условиях среди одного из аборигенных племен Канады. Находясь среди реликтовых обществ страны, он смог создать систематику практически всех проявлений телесной коммуникации, сумев при этом отследить, как трансформируется в традиционной культуре жестовая, знаковая, символическая составляющая невербального взаимодействия.

Во-вторых, кинесика позиционируется самим Р.Л. Бердвистеллом и рядом крупных антропологов, лингвистов, лингвокультурологов как верифицируемая через данные множества эмпирических наук самостоятельная отрасль междисциплинарного знания, имеющая в качестве важнейшей научно-исследовательской интенции тело как социокультурный феномен. Р.Л. Бердвистелл первым поставил проблему соотношения голоса и жеста. Он был уверен в существовании жесткой корреляции между голосовыми и кинесическими признаками. Исследователь считал отношения между ними причинно-следственными и утверждал, что при достаточной тренировке можно научиться по голосу определять, какое движение сделает человек в данный момент произнесения, и наоборот, наблюдая за жестами в момент речи, можно установить, каким голосом говорит человек.

Следующий антропологический подход концентрирует свое внимание на утверждении идеи, что в традиционных и в ряде других социокультурных систем (например, Франция, Япония) невербальные, телесные средства общения обладают существенным удельным ве-

сом. Речь идет о культурно-антропологической теории и типологии культур по критерию коммуникативности Э.Т. Холла. Сравнимая культуры по критерию их отношения к многоуровневой информационной иерархии, которая оплетает то или иное социокультурное пространство, Э.Т. Холл называет это сцепление события и информации контекстом. Если воспользоваться контекстом для определения субстанциональных в коммуникативном отношении различий, то можно рассматривать два типа культуры: высококонтекстуальный и низкоконтекстуальный. В культурах с высоким контекстом основные феноменальные структуры смыслообразования заключены в неязыковых признаках: в телесной, социально-статусной, возрастной позициональности, одежде, в материальной культуре. Обществам с подобной организацией свойственны также существование неявных языков, языковых систем замкнутых социальных групп. Э.Т. Холл ввел в научный оборот термин «проксемика» как название отрасли науки, ставящей теоретической доминантой идею о существовании как в историкокультурных фазах человечества, так и в современной цивилизации паралингвистических средств дистанцирования межличностного общения [2, р. 256].

Исследованию проксемики, кинесики в той или иной степени посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых. Серьезным вкладом в развитие объективных научных представлений о структуре невербальной коммуникации в различных культурах являются труды американского психолога, антрополога А. Пиза. Ученый создал целое направление в области кинесического понимания человеческого поведения, в котором детально изучаются смысловые конструкции таких невербальных элементов коммуникации и поведения, как жесты, позы, мимика, манеры, походка. Исследователь делает вывод, что культуры во многом отличаются друг от друга, но основные сигналы языка телодвижений остаются одинаковыми повсеместно. Аргументируя свой вывод, А. Пиз пишет: «Большинство основных сигналов общения являются одинаковыми во всем мире. Когда люди счастливы, они улыбаются; когда печальны – хмурятся или насупливаются. Кивок почти везде означает “да”, то есть подтверждение. Эволюционное происхождение некоторых жестов можно выяснить, если углубиться в первобытное животное прошлое человека» [3, с. 29].

Научный подход А. Пиза к изучению невербальной культуры общения отличается социально-эволюционной, биологической трактовкой происхождения кинесической системы. На наш взгляд, его подход убедительно и обоснованно вскрывает психофизиологические, исторические основы становления неязыковых компонентов социокультурного поведения человека. Кроме чисто жестовых форм взаимодействия ученый изучал пространственные формы структурирования социальных отношений. Он дифференцировал интерсубъективные интервалы для самых различных социально-ролевых взаимоотношений, выделял скрытые смыслы разнообразных форм социальных дистанций, а также вещественных и предметных способов передачи информации. Теоретические взгляды вышеназванных исследователей на невербальную (телесную) систему коммуникации значимы для изучения разнообразных форм и способов репрезентации культуры тела в черкесском традиционном обществе.

Солидный материал по этнографии общения, гендерной коммуникации, сословных факторах, влияющих на культуру тела в черкесском традиционном социуме, собран известными просветителями и учеными – Б.Х. Бгажноковым, А.С. Марзеем [4, 5] и др. Авторами исследованы такие подсистемы черкесской этнокультуры, как домонотеистические религиозные верования, этнокультурное образование, пространственная организация обрядов, ритуалов. Человеческое тело в их работах представлено предметом табуирования и символическим объектом повседневного поведения. Тело как носитель различных смысловых, символических структур в повседневном бытии и коммуникации занимает особое место. В традиционных социокультурных отношениях черкесов предпочтение оказывалось физической дистанции [4, с. 38].

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет теоретический подход Б.Х. Бгажнокова. Анализ видов дистанции, устанавливаемых в межличностном и групповом контакте в традиционной культуре черкесов, показывает, что соблюдение правил демаркации социального пространства исторически обусловлено определенными условностями этикета. Соблюдение лиминальных зон телесного пространства объясняется неконтактностью самой организации кинесической культуры черкесов. Ядром структурирования коммуни-

кативного топоса в межличностных отношениях выступает целый лингвокультурный концепт «цЫху пашхэ». Б.Х. Бгажноков переводит его как синоним личного пространства [4, с. 46].

Действительно «цЫху пашхэ» (культурно-топологически это некая личная невидимая сфера, охватывающая человеческое тело во всех трех пространственных измерениях) упоминается в повседневных речевых оборотах негативного, зачастую императивного содержания: «Си пашхэм ик!», что переводится как «Выйди из моего личного пространства!». Часто стоять возле пашхэ – это не просто нахождение рядом с физическим телом другого человека, быть визуально наблюдаемым, недистанцированным, но еще и быть социально-ответственным, подчеркивая необходимость соблюдения этических параметров личного дистанцирования. В черкесской традиционной этике существует следующая моральная заповедь, которая обращается к младшему поколению: «Узэпкьрылэлу, уи Iэр уи жыпым илгу, уи макьыр Iэтауэ упсалэу нэжыж пашхэм уитыныр икIагэщ» (Стоять сгорбленным в личном пространстве старшего человека, держа руки в карманах, разговаривая громко – это верх бесстыдства и ничтожности).

Следующим важным компонентом выражения различных сторон культуры тела является организация или структурирование, символизм социального пространства жилища в зависимости от сословных, возрастных, статусных маркеров, т.е. проксемические структуры. В рамках черкесской проксемической культуры особый интерес к комплексному исследованию представляют бинарные оппозиции «центр – периферия», «анфас – спина», «фронт – тыл». Б.Х. Бгажноков отмечает, что с переднего фасада – унэгупэ в традиционный дом заходили и выходили только мужчины, а с противоположной стороны находился выход и вход для женщин – шыгъуэгубжэ [6, с. 86]. По всей видимости, описанный пример отражает патриархальные гендерные отношения, которые прослеживаются даже на уровне соотношения «социальное пространство/телесность».

Примечательны и кинесические проявления при перемещениях людей относительно той или иной комнаты, постройки, двора, огорода. Выходя из комнаты, где располагались представители старшего поколения, молодежь, чтобы не показать им спину, пятилась. Такое расположение символически демонстрировало не

только почет и уважение к старшим людям, а также открытость к дальнейшей коммуникации, но только в том случае, если инициатива, исходила от первых. Находясь вне каких-либо помещений, младший должен был повторить ту же самую телесную локацию: перед тем как повернуться и уйти от старшего, он отступал и, пятясь, отходил назад на несколько шагов.

В этом смысле значимыми для теоретического обоснования наших суждений о культуре телесности представляются идеи основоположника биосемиотики Я. Икскуля. Он отмечал, что в отличие от животного человек всегда есть существо символическое, и все, что он творит вокруг себя, создает в результате духовно-творческой или материально-производственной деятельности, можно трактовать как грандиозный символический космос, символическую Вселенную, включая туда само тело как социокультурный символ [7]. Если исходить из мысли исследователя, символическое бытие человека – это то, что позволяет нам рассматривать человека как транс-соматическое существо. Вид Номо живет не просто в физически воспринимаемой реальности, где он – биоэнергетически активное тело с набором инстинктов и условных рефлексов. Он выходит далеко за условные границы плотскости, меняясь и расширяя горизонты воздействия на бытие.

О том, что человек прежде всего – телесная потенция и находится в постоянном трансцендировании, выходе за грани своего сущего, писал один из основоположников современной философской антропологии Х. Плеснер. Экпликация тела как социокультурного феномена опирается на базовые теоретические идеи о позициональности, эксцентричности человеческого существования. Антропологическая концепция Х. Плеснера принципиально отличается от обозначенных выше научно-философских моделей телесности и строится на герменевтическом подходе. Исследователь сосредоточивает внимание на многих явлениях чувственно-эмоциональной, телесной природы человека, его бессознательной телесной практике – мимика, смех, плач, жесты, характеризует их как глубокие формы экспрессии, переживаний, которые часто не обнаруживаются за повседневной объективацией. Ученый называет тело, плоть «телесной экзистенцией» [8, с. 87].

Экзистенциальную составляющую кинов (жестов) в культуре повседневности черкесов иллюстрирует оппозиция «фронт – тыл». В ка-

честве примера может выступать, например, позиция рук по отношению к двери и дверной ручке. У черкесов до сих пор бытует необычный захват ручки, при котором рука как бы выворачивается влево и обращается к двери тыльной стороной ладони. Тыльная сторона руки имеет скрытый кинесический смысл и всегда ассоциируется с мыгъуэ (несчастье, горе, трагический случай). Отсюда и одно из самых известных в общечеркесской культуре проклятие: «Зи унагъуэбжэр ЭщЫбкІэ хуэзщЫбжын» (Да закроешь ты дверь своего дома тыльной стороной руки).

Прямое отношение к этому имеет народное предание, которое приводится Б.Х. Бгажноковым: «У княгини погиб сын, и никто из дома не решался сообщить ей горестную весть. Наконец, сделать это вызвалась одна старушка из числа прислуги. Она вошла к княгине и медленно закрыла за собой дверь вышеуказанным способом. Этого было достаточно, чтобы княгиня догадалась о случившемся несчастье». Здесь можно, на наш взгляд, увидеть, как специфические кины (жесты) с манипулированием предметами материальной культуры могут концентрировать в себе огромный духовный потенциал, становиться невербальными средствами передачи той информации, сообщение которой языковым путем представляется этически неприемлемым в описанных выше ситуациях. В этом смысле был прав Жак Ле Гофф, который дал весьма точное определение традиционным обществам Средневековья: «Феодализм – это мир жестов, а не записанного слова» [9, с. 333–334].

Четвертым важным элементом в доисламской кинесической и проксемической культуре черкесов выступают похоронные обряды. В них явно прослеживается бинарная кинесическая оппозиция «лево – право». По этому вопросу хотелось бы привести краткое содержание одного любопытного эмпирического материала, который был нами зафиксирован со слов народного артиста КБР, известного собирателя фольклора А.С. Думанишева. В соответствии с традиционными нормами группа людей, которые пришли к семье на соболезнование, должна выстроиться во дворе напротив группы ближайших родственников усопшего. Старший в группе должен был выйти из стоящих мужчин на один шаг вперед с левой ноги. Левая часть тела, предмета, жилища – любого пространственно-протяженного объекта в черкес-

ской культуре символизирует ущерб, печаль, смерть. Затем старший поднимает медленно левую руку к левому виску и произносит несколько фраз, выражающих сопереживание близким умершего. Он разворачивается направо так, что левое плечо выдвигается вперед и физическая позиция человека оказывается левой стороной к ближайшим родственникам умершего, подчеркивая еще раз символизм левой стороны как *мыгыз* (горесть, смерть). Соболезнование (эмпатия) приносится не персонально, а коллективно от рода (*льэпкь*) к роду, от одной родовой структуры общества к другой в абхазской культуре.

Пятым компонентом общечеркесской культуры, позволяющим конституировать множество кино, выступает национальная одежда (*адыгэ фащэ*). Костюм занимал особо место в неартикулированных смыслах окружавших человека вещей. Известный исследователь символики средневекового костюма А. Чернова пишет, что костюм каждого указывает на пол, возраст, национальную и культурную принадлежность, а также отдельные черты характера и настроение души. Платье – это признание, а подчас даже и исповедь [10, с. 6]. Архитектоника черкески не предполагает релаксацию тела в виде сгорбленности, сутулости, лишние эмоциональные телодвижения. Костюм предписывал этически детерминированные строгие позы, телодвижения и жесты. Как отмечает А.С. Марзей, черкеска – не просто одежда, а определенный образ, которому необходимо следовать всем, кто ее носит. Умение носить черкеску подразумевало как раз умение достойно держать себя, имея в виду поведенческий аспект [5, с. 216].

Одежда – всего лишь информация о пропорциях тела, комплекции индивида, о тех или иных его вкусовых (цветовых, стилистических) предпочтениях. Черкеска несет не только возрастные и статусные функции, но и содержит весь символизм, этос телесной культуры. Как можно предположить, она конституирует плоть, располагая ее в онтологически полярных измерениях войны и мира, выступая плодом чистой минималистской эстетики.

В ракурсе этих мыслей следует обратить внимание на концептуальное видение И.Н. Быховской относительно философского понимания многомерности телесности. Исследователь дифференцирует телесность на три важнейших измерения: природное, социальное и культур-

ное тела человека. Культурное тело выводит человеческое существование за пределы обезличенности. Физическая телесность используется для перехода к окультуриванию личного и окружающего пространства символов и знаков [11, с. 9]. Так, *адыгэ фащэ* как бы этически конституирует, окультуривает тело, каждый раз возвращая человека к сакральной исторической памяти тех, кто создавал ее в единстве рационального и эстетического порыва.носителем невербально-коммуникативной культурной информации выступает не только покрой национальной одежды, но и сочетание цветов в одежде [12, с. 24].

По этому поводу Е.Н. Студенецкая писала: «...Цвет обуви отражал социальное положение ее владельца. Туфли красного цвета – у князей, желтые – у дворян, и из простой кожи – у простых черкесов шьются точно по ноге, со швом посередине, и не имеют подошвы» [13, с. 33]. Согласно Е.Д. Смирновой, красный цвет – один из самых популярных цветов одежды высокопоставленных светских и церковных лиц в Средневековье. Он ассоциировался с богатством и властью. Еще со времен Юлия Цезаря он считался аристократическим, привилегированным, царским цветом [14].

Важное значение кинесические практики имели в инкультурации подрастающего поколения, их полноценной интеграции в структуры традиционного общества. Так, большое внимание в совершенствовании физических навыков уделялось развитию мелкой моторики пальцев рук, причем каждое упражнение обладало скрытым, невербализированным смыслом. Например, мальчиков и девочек обучали, пригнув средний и безымянный пальцы к ладони, касаться кончиком указательного пальца кончика мизинца. Символически это означало, что тот, кто может это проделать без особых усилий, никогда не будет иметь никаких недовольств со стороны матери. И, наоборот, недовольств со стороны матери будет столько, сколько свободного пространства останется между указательным пальцем и мизинцем.

Несмотря на кажущуюся нетривиальность подобных упражнений, они имели мощную мотивационную подоплеку: если принимать во внимание отношение каждого черкеса к матери, то становится ясным, как ребенок стремился хорошо выполнить упражнение. При этом после прохождения первичного этапа социализации прецеденты телесных контактов своди-

лись к минимуму и подобные коммуникации регламентировались целым комплексом табуирования. В частности, половозрелым молодым людям в соответствии с неписаными нормами черкесской этики предписывалось избегание вторжения в личное пространство любого человека, особенно женщины.

Неконтактность кинесической культуры черкесов, иллюстрируется примером, приводимым Ш. Инал-Ипа: «Младший, вступая в контакт со старшим, выдерживает социальную дистанцию около 100–120 сантиметров, для чего после рукопожатия отступает на полшага или шаг. Пространство между беседующими женщинами немного сокращается, а между женщиной и мужчиной, юношей и стариком, наоборот, увеличивается до полутора метров, если позволяет обстановка» [15, с. 74]. В любых социальных ситуациях у адыгов абсолютным исключением являлись практически все формы телесного контакта. Не имели никакого места в культуре тела и прикосновения (к руке, плечам, шее, лицу и т.п.).

Данные формы табуирования телесных коммуникаций не связаны с всесторонней инфильтрацией в ментально-поведенческое поле адыгов мусульманской доктрины, произошедшей с первой четверти XIV в. Возможность трактовки причин формирования неконтактности между возрастными группами в черкесском традиционном социуме нивелируется ознакомлением с уже давно устоявшейся традицией изучения социально-нормативной культуры и фольклора адыгов, в которых приведены примеры и неопровержимо доказаны наличие сложнейшей системы табуирования аутентичной природы. На основе солидного этнографического материала убедительно показана этнокультурная аутентика различных компонентов невербальной коммуникации черкесов и их прамонотетистический характер, т.е. их несводимость к запретам, нормам и санкциям, бытующим в шариате.

Таким образом, в ходе исследования кинесических, проксемических компонентов традиционных форм и способов коммуникации выделены следующие положения.

Во-первых, телесность функционирует как целостный социокультурный феномен и ее жестовые, символические, знаковые единицы, их динамические, семантические характеристики обусловлены теми ценностями, социальными нормами, образцами поведения, которые ха-

рактерны для конкретного традиционного общества.

Во-вторых, позиционирование телесности как средства невербального общения свойственно любой культуре и не является специфичным для конкретно взятой традиционной культуры. Однако тот или иной жест или телесное действие в традиционной социокультурной системе имеет больше смысла и знаковости, чем, например, в современной. Это связано в первую очередь с тотальной знаковостью, символизмом традиционной культуры, с тем, что все в мире профанного находит свой смысл в мире сакрального, магического. Дальнейшее изучение невербальных компонентов в контексте черкесского общества полагаем целесообразным проводить с привлечением самых различных параллелей из невербальных пластов культур народов мира.

В-третьих, телесность как социокультурный феномен конституируется в традиционном черкесском социуме в ее различных дисциплинирующих подпространствах – это обряды, институции, культура повседневности, гендерные взаимоотношения. Все эти зоны и формализованные устойчивые формы влияния создают гетерогенное социальное бытие: физическое, соматическое людей, находящихся в различных социально-ролевых положениях. Это различие обусловлено не только осанкой, походкой или конституцией тела, а еще и культурными манипуляциями, традициями (танцевальная культура, жесты, манеры и т.д.). Такая трактовка позволяет говорить о феноменальной телесности, направленной на духовное воспроизводство человека и ставит вопрос о необходимости ее дальнейшего углубленного изучения.

Литература

1. Birdwhistell R.L. Kinesics: Inter- and Intra-channel communication research // *Essais de semiotique*. 1971. P. 527–546.
2. Hall E.T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Press, 1976. 256 p.
3. Пиз А., Пиз Б. *Язык телодвижений: как читать мысли окружающих по их жестам*. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 448 с.
4. Бгажноков Б.Х. *Очерки этнографии общения адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
5. Марзев А.С. *Черкесское наездничество*. Зеклуэ. Адыг (черкес) означает воин. Нальчик: Эльфа, 2004. 305 с.

6. Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи. Нальчик : КБИГИ, 2010. 128 с.

7. Князева Е.Н. Понятие UMWELT Я. Иксюля и перспективы экологической мысли. URL: http://www.heraldrsias.ru/download/articles/12_Knyazeva.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

8. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М. : РОССПЭН, 2004. 387 с.

9. Гофф Ж.Л. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

10. Чернова А.Д. Все краски мира, кроме желтой. М. : Искусство, 1987. 221 с.

11. Быховская И.Н. «Быть телом» – «иметь тело» – «творить тело»: три уровня бытия «Homo somatis» и проблемы физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1993. № 7. С. 2–5.

12. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.

13. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М. : Наука, 1989. 288 с.

14. Смирнова Е.Д. Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znaki-srednekovyih-sosloviy-tsvet-kostyuma-i-ego-simvolika/viewer> (дата обращения: 24.04.2021).

15. Инал-Ипа Ш.Д. Традиции и современность. Сухуми : Алашара, 1978. 112 с.

4. Bgazhnokov B.Kh. (1983). *Essays on the ethnography of Circassian communication*. Nalchik, El'brus Publ., 232 p. (in Russian).

5. Marzey A.S. (2004). *Circassian equestrianism. ZekIue. Adyg (Circassian) means a warrior*. Nalchik, El'-Fa Publ., 305 p. (in Russian).

6. Bgazhnokov B.Kh. (2010). *Social organization of the family*. Nalchik, KBIGI Press, 128 p. (in Russian).

7. Knyazeva E.N. *The concept of UMWELT J. Ikskyul and the prospects of ecological thought*. Available at: http://www.heraldrsias.ru/download/articles/12_Knyazeva.pdf (accessed May 1, 2021). (in Russian).

8. Plesner H. (2004). *Steps of the organic and man: An introduction to philosophical anthropology*. Moscow, ROSSPEN Press, 387 p. (in Russian).

9. Goff J.L. (1992). *Civilization of the Medieval West*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 376 p. (in Russian).

10. Chernova A.D. (1987). *All colors of the world except yellow*. Moscow, Iskusstvo Publ., 221 p. (in Russian).

11. Bykhovskaya I.N. (1993). "Being a body" - "having a body" - "creating a body": three levels of being "Homo somatis" and problems of physical culture. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury*, No. 7, pp. 2-5. (in Russian).

12. Kreidlin G.E. (2004). *Non-verbal semiotics: body language and natural language*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 581 p. (in Russian).

13. Studenetskaya E.N. (1989). *Clothes of the peoples of the North Caucasus of the 18th – 20th centuries*. Moscow, Nauka Publ., 288 p. (in Russian).

14. Smirnova E. D. *Signs of the medieval estates: the color of the costume and its symbolism*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/znaki-srednekovyih-sosloviy-tsvet-kostyuma-i-ego-simvolika/viewer> (accessed April 24, 2021). (in Russian).

15. Inal-Ipa Sh.D. (1978). *Tradition and modernity*. Sukhumi, Alashara Publ., 112 p. (in Russian).

References

1. Birdwhistell R.L. (1971). *Kinesics: Inter- and Intra-channel communication research. Essais de semiotique*, p. 527-546.

2. Hall E.T. (1976). *Beyond culture*. New York, Anchor Press, 256 p.

3. Pease A., Pease B. (2017). *Body language: how to read the thoughts of others by their gestures*. Moscow, Eksmo-Press Publ., 448 p. (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК 93/94 (929.6+929.7)
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-22-31

ГЕРБОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОРТРЕТАХ ВОЙСКОВОГО АТАМАНА ДОНСКОГО ВОЙСКА Д.Е. ЕФРЕМОВА И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVIII ВЕКЕ

© 2021 г. А.И. Агафонов^а

^а *Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия*

ARMORIAL IMAGES ON PORTRAITS OF THE MILITARY ATAMAN OF THE DON ARMY D. E. EFREMOV AND FEATURES OF THE FORMATION OF THE SOUTHERN RUSSIAN NOBILITY IN THE 18th CENTURY

A. I. Agafonov^а

^а *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

*Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и культурологии,
факультет медиакоммуникаций
и мультимедийных технологий,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru*

*Anatoly I. Agafonov -
Doctor of History, Professor,
Department of History and Cultural Studies,
Faculty of Media Communications
and Multimedia Technologies,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don,
344000, Russia.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru*

Исследуются основные геральдические понятия и категории, затрагивающие спорные вопросы темы. Уделяется внимание причинам и условиям происхождения и помещения геральдических и негеральдических фигур в герб Д.Е. Ефремова, рассматриваются характер и содержание внутригербовых изображений и их символика. Прослеживается идейная и геральдическая преемственность между фамильными гербами различных поколений рода Ефремовых, влияние их на становление региональной дворянской геральдики.

Анализируется процесс складывания донского дворянства от первых высочайших пожалований отдельным лицам до формирования через выслугу чинов и наград социальной корпорации чиновников, превращение ее в результате политики императора Павла I в высшее сословие Российской империи. Исследуется нормативно-правовая база приобретения донскими старшинами прав и привилегий потомственного дворянства, указываются общие и подчеркиваются отличные процессы от таковых в малороссийских и российских губерниях.

Характеризуются новые явления в военной, политической и социальной жизни Донского войска в связи с пожалованиями старшинам чинов русской регулярной армии – это ограничение войскового (обычного) права и складывание субординации на основе имперского законодательства, а также создание новой социальной иерархии и войскового управления.

Ключевые слова: *Российская империя, Донское войско, войсковой атаман Д.Е. Ефремов, гербовые портреты, донское дворянство, геральдика.*

The article examines the main heraldic concepts and categories that affect the controversial issues of the topic. Considerable attention is paid to the reasons and conditions for the origin and placement of heraldic and non-heraldic figures on the coat of arms of D.E. Efremov, the nature and content of the heraldic images and their symbolism are considered.

The author traces the ideological and heraldic continuity between the family coats of arms of different generations of the Efremovs family, their influence on the formation of regional noble heraldry.

The article analyzes the process of formation of the Don nobility from the first highest awards to individuals to the formation of the ranks and awards of the social corporation of officials through seniority, and its transformation as a result of the policy of Emperor Paul I into the highest estate of the Russian Empire. The article examines the legal framework for the acquisition of the rights and privileges of the hereditary nobility by the Don elders, identifies common and emphasizes different processes from those in the Malorussian and Russian provinces.

The article describes new phenomena in the military, political and social life of the Don army in connection with the awards of the ranks of the Russian regular army to the senior officers - this is the restriction of military (ordinary) law and the formation of subordination on the basis of imperial legislation, as well as the creation of a new social hierarchy and military management.

Keywords: *the Russian Empire, Don army, military ataman D. E. Efremov, armorial portraits, the Don nobility, heraldry.*

(Продолжение. Начало в № 2 2021 г.)

Согласно Именному указу царя Петра I от 16 января 1721 г., данному в Сенат, все обер-офицеры из дворян, их дети и потомки признавались дворянами, что закреплялось выдачей им патентов о дворянстве [1, с. 290].

Приобретение высших военных и статских чинов давало Д.Е. Ефремову права потомственного дворянства без каких-либо дополнительных бумаг и ограничений, но это не означало, что его дети с нисходящим потомством обретали таковые. Д.Е. Ефремов имел возможность передать потомственное дворянство только детям, рожденным в обер-офицерстве. Допускалось наследование потомственного дворянства по просьбе отца одному из сыновей, «прочие, не суть дворяне» [2, с. 492]. Принимая во внимание сложные отношения между отцом и сыном Ефремовыми, можно утверждать, что генерал-майор не ходатайствовал перед императрицей Елизаветой Петровной о наследовании потомственного дворянства сыну Степану. В этой связи Данила Ефремов не передавал и свой герб, изображенный на портрете. Необходимо также учитывать следствие, суд, приговор и ссылку С.Д. Ефремова. Поэтому дети и внуки Степана Ефремова самостоятельно приобретали дворянство и фамильные гербы.

В «Табели о рангах» царь Петр I уточнил, что потомственными дворянами по чинам считаются лица первых восьми классов, получивших обер-офицерские чины на гражданской и придворной службе, их признавать дворянами личными.

Оформление прав потомственного дворянства и передача их по наследству закреплялись патентом на дворянство и патентом на герб. Первый документ являлся обязательным для всех дворян, получивших права и привилегии высшего сословия Российской империи вне зависимости от чина.

В «Табели о рангах» царь «милостиво» предупреждал о необходимости предоставления доказательств на право дворянства, а также о наказании за самовольное присвоение себе дворянства и герба, об ответственности и предании за непристойный поступок бесчестьем и штрафом.

Гербы выдавались не всем подряд, а «по заслугам» дворянам, русским и иностранцам, дослужившим до обер-офицерства на военной службе, лицам, которые могли доказать службу российскому государству не менее ста лет. Иностранцы, обретавшиеся на русской службе и имевшие свидетельства на дворянство и гербы, должны были их доказать [2, с. 492–493].

31 января 1756 г. последовал указ императрицы Елизаветы Петровны, согласно которому для доказательства дворянства требовались не только выписки их Разряда, но и свидетельства родственников. За неимением таковых – свидетельства от знатных лиц, в службе состоящих [3, с. 507–508]. Это открывало перспективы соискателям, получившим дворянство по чину, получить патент на дворянство и дворянский герб.

«Табель о рангах» устанавливала важный принцип чинопроизводства, подчинения и управления в российской регулярной армии, на государственной и придворной службе. Военские чины были выше прочих, при равных чинах преимущество получал офицер или генерал, который первый по старшинству времени вступил в чин. Но нередко данный принцип нарушался, что вызывало недовольство в среде офицерского корпуса и генералитета.

Безусловно, бригадир И.М. Краснощекоев не мог быть в подчинении старшины (войскового полковника) Д.Е. Ефремова, он имел чиновные, но не должностные и служебные в Войске преимущества перед войсковым атаманом. Когда император Петр I утверждал «Табель о рангах», в российском обществе сохранялось устойчивое отношение к казакам и представление о них как

вчерашних беглецах, бунтарях и воинах, получивших права и привилегии от монаршей власти. В то же время «Табель...» не накладывала никаких ограничений на получение обер-офицерства и потомственного дворянства казаками. По формальным основаниям все генералы, штаб- и обер-офицеры Донского войска до 22 сентября 1798 г. имели права на потомственное дворянство и фамильный герб, а также их дети, рожденные в обер-офицерстве и выше. Как отмечал Л.М. Савёлов, чин премьер-майора кроме различных служебных преимуществ давал права потомственного дворянства, которые до 1798 г. не предоставляли казачьи чины [4, с. 118].

В 1755 г. императрица Елизавета Петровна определила субординацию между генерал-майором Д.Е. Ефремовым и войсковым атаманом С.Д. Ефремовым, с одной стороны, братьями Федором и Андреем Краснощековыми – с другой, подтвердила преимущества чинов армии перед войсковыми чинами и должностями. Бригадир Федор Краснощек и армии полковник Андрей Краснощек были выведены из подчинения войскового атамана С.Д. Ефремова, но оставались под командой войскового атамана генерал-майора Д.Е. Ефремова и «должны поступать по его ордерам и наставлениям..., а с войсковым атаманом держать общий совет», «как ныне с генерал-майором Даниилом Ефремовым поступано было» [5, ч. 2, с. 735–740, 740–741].

Назначение в 1776 г. на должность войскового атамана А.И. Иловайского и пожалование ему чина российской армии генерал-майора навсегда положило конец самостоятельности бригадиров и штаб-офицеров, которые чинами были выше войсковых старшин, в том числе и некоторых атаманов. С этого времени должность войскового атамана занимали генерал-майоры, генерал-лейтенанты, генерал-аншефы (до 1797 г.), генералы от кавалерии. Все войсковые военные чины независимо от должности и чина подчинялись войсковому атаману.

Многие исследователи рассматривают донское чиновничество как нечто целое по отношению к казачеству и российскому обществу. Оно разделялось на лиц, обладавших чинами регулярной армии и войсковыми чинами. Таковых к 1796 г. в Донском войске насчитывалось 131 штаб-офицер и 6 генералов, 69 войсковых старшин, всего 206 человек. В 1798 г. в Донском войске числилось 206 служивых и отставных

генералов, штаб-офицеров и войсковых старшин, а вместе с обер-офицерами 1898 человек [6–8].

По мнению А.И. Сапожникова, в 1798 г. император Павел I приравнял всех (кто имел войсковые чины) чиновников Войска Донского к офицерам регулярной армии, тем самым включив их чины в «Табель о рангах», что подразумевало пожалование дворянства [9, с. 63]. Указ Павла I уравнил чины *Войска Донского с чинами регулярных войск*, при этом сохранил им по службе прежнее их название в Войске Донском [10, с. 387]. Приобретение дворянства службой позволяло всей корпорации донских чиновников использовать основополагающие статьи «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». «Жалованная грамота» предоставляла права и привилегии, которые донские старшины не имели в войсковых чинах, наследственно сообщать дворянство, приобретать и владеть деревнями и крепостными, продавать продукты труда, произведенные в собственных деревнях и предприятиях, создавать свои сословные организации и т.д. [11]. Для владельцев войсковых чинов, как и обладателей чинов регулярной армии, открывались возможности снискать дворянство, патент на дворянство и дворянский герб. По мнению Л.М. Савёлова, 22 сентября 1798 г. – это день официального возникновения донского дворянства [12].

На каждом из трех портретов Д.Е. Ефремова присутствует гербовое изображение (герб), но одно отличается от другого. Герб на портрете из Киево-Печерской лавры Д.Е. Ефремова появился не случайно, все атаманы и значительная часть старшин и есаулов Войска Запорожского размещали на своих портретах гербы, большинство самовольных, не жалованных, «в силу обычая». Герб подчеркивал не только принадлежность Д.Е. Ефремова к дворянству, он также указывал на новые социальные процессы, происходившие на Дону, являлся правовой формой закрепления за собой захваченных войсковых земель и крестьян.

Герб привлекал внимание исследователей истории донского казачества, донской геральдики и генеалогии. Большинство из них не признают правомерность написания на портретах Д.Е. Ефремова фамильного герба, их суждения противоречивы. Одни называют его «беспочвенным», не имеющим под собой никакого исторического и правового основания, другие при-

знают рисунок гербом, обозначающим социальный статус обладателя – принадлежность его к дворянству [13], третьи частично или полностью его отвергают из-за отсутствия документов у гербообладателя на права и привилегии высшего сословия Российской империи [14]. Ряд ученых считают, что гербовое изображение не ясное, не соответствует геральдическим оригиналам или является авторской реконструкцией [15], объявляют его вымышленным, выдуманным [16], написанным под влиянием малороссийской художественной традиции [17].

В то же время не ставятся вопросы, как появился герб, имелись какие-либо законные и иные основания, почему герб не унаследовал сын – войсковой атаман С.Д. Ефремов и не поместил на своих портретах, какие правовые последствия «незаконного» использования герба и его судьба? Объяснение современных авторов желанием художника угодить заказчику или влиянием художественной малороссийской традиции не выдерживает критики. Согласно «Табели о рангах», помещение или присвоение герба, который не признан и не утвержден государством (императором), преследовалось фискалами и законом в установленном порядке. Как отмечалось выше, награждение генерал-майорским чином Д.Е. Ефремова давало не только потомственное дворянство, но и право на фамильный герб.

Сразу необходимо определиться в понятиях, во-первых, по поводу вымышленных гербов. Любой герб является вымышленным, его задача – не закрепление фантазий художников, правообладателей, герольдмейстеров и иных лиц, а познавательная, правовая, показывающая место человека в социальной иерархии, отличие от себе подобных. Различия закреплялись статусом гербов, их содержанием, они отражали происхождение и древность рода, заслуги на военной, статской и придворной службе, личную преданность и другие качества гербообладателя. Любой герб – это открытая книга жизни гербообладателя, главное ее правильно прочитать через геральдические символы и знаки.

Во-вторых, содержание гербов – имеет реальное историческое и законодательное обоснование. Оно опирается на формулярные списки, выписки из Разрядов, правовые документы на пожалованные земли и крестьян, патенты на чины, награды и проч. Они наряду с прошением о выдаче герба предоставлялись в Герольдию Правительствующего Сената. В Герольдии и

самостоятельно на основе документов составлялась своеобразная биография, художественный образ гербообладателя, а затем и герб, который утверждался императором.

В-третьих, в истории российской геральдики самостоятельные проекты гербов – подтвержденные и не утвержденные, явление достаточно распространенное, если оно вышло на имперский уровень, получило отражение в «Табели о рангах» и других правовых актах. Это также зафиксировали и первые научные исследования о российской геральдике в конце XVIII в., классифицировав их в самостоятельное направление. Некоторые дворяне создавали проекты гербов независимо от Герольдмейстерской конторы, что позже утверждалось высочайшей властью и вносилось в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи».

Об этом также писал во второй половине XVIII в. Л.И. Тальзин. По его мнению, источник происхождения герба находится в государственной власти герб дарующей, правовой основой являлись только «узаконения», а вовсе не личное герботворчество дворян, придумывающих себе герб, пусть даже и по правилам геральдической науки. В 1790-х гг. Л.И. Тальзин разделил гербы на официальные (санкционированные императором) и не утвержденные по различным причинам (самостоятельные авторские, написанные художниками по эскизам и проектам заказчиков, и созданные в Герольдии). Таким образом закладывались основные правила составления гербов, правовые основания ими обладания [18, с. 87–88].

Авторские самостоятельные (самобытные, инициативные, неутвержденные и т.д.) гербы – явление, часто встречающееся в российской геральдике. Необходимо также учитывать, что к середине XVIII в. еще не сложились устойчивые представления о верховенстве государственного герботворчества над фамильным. Отсутствовали точно выработанные и подробные правила для составления гербов, что, безусловно, вносило неразбериху в их написание, а также гербовых символов и их трактовку. Не все гербы в России XVIII в. утверждались официально, многие бытовали без какого-либо юридического закрепления, в силу обычая. Отсутствие в течение долгого времени правовой фиксации гербов, позволяло включать их в «Гербовники», они становились правовым основанием для приобретения и закрепления дворянских прав и привилегий [19].

Герб Д.Е. Ефремова по форме соответствует картуше малороссийского барокко XVII – первой половины XVIII в., он по конфигурации близок к гербу гетмана Войска Запорожского Данилы Апостола (Данилы Павловича Апостола) [20, табл. XLII-L]. Гербы самобытной композиции, неутвержденные высочайшей властью, существовали в Малороссии в течение одного или нескольких поколений до распространения «Жалованной грамоты дворянству» на малороссийское шляхетство со всеми ее правами, привилегиями и обязанностями. Внешний вид гербов носил неустойчивый характер, не утвержденные правительством и не переданные (или переданные) по наследству, они не рассматривались как классический герб, скорее как родовая эмблема. К 70-м гг. XVIII в. в Российской империи окончательно утвердилась форма дворянского щита. По мнению В.К. Лукомского и Н.А. Типольта, «щит дворянского герба, на котором располагались эмблемы, обыкновенно был прямым, внизу слегка заостренным, так называемого французского типа». Только после 1785 г. гербовые изображения, востребованные и одобренные Герольдией Сената, становятся обязательными, устойчивыми, наследственными [19, с. 18–20].

Появление герба на портрете Д.Е. Ефремова – это естественное стремление войскового атамана создать свой самобытный оригинальный символ, так же как это делала малороссийская старшина. Непризнание гербов на портретах Д.Е. Ефремова не означает, что таковых нет. Герб рассечен и пересечен, четверчастный, в которых размещены геральдические символы. В красном верхнем правом поле помещено вензелевое изображение Высочайшего имени императрицы Анны Иоанновны, во второй части – на красном поле серебряный столб, увитый плющом, в правом нижнем красном поле изображен скачущий конь натурального цвета, во второй части на красном поле – казачья лодка с раскрытым парусом. Герб венчает царская корона.

К сожалению, некоторые авторы не только подвергают сомнению существование герба на портрете Д.Е. Ефремова, но и совершают ошибки в области геральдики. Так, по мнению П.А. Авакова, «тезис А.И. Агафонова о том, что одним из элементов герба атамана, представленного на обоих его портретах, является “вензелевое изображение имени императрицы Анны Иоанновны”, не соответствует действительности. Изображенная там монограмма не только

не имеет ничего общего с вензелем этой монархини, но даже не включает в себя латинских литер «А» и «И» (выполненная историком «реконструкция» герба в этой части принципиально отличается от его живописных оригиналов). Судя по всему, происхождение загадочного герба Д.Е. Ефремова сугубо художественное, и его появлению на портрете атамана был обязан исключительно фантазии и таланту неизвестного нам киевского живописца. Вероятно, желая угодить заказчику, художник придумал ему герб по аналогии с гербами тех малороссийских шляхтичей, которые, как и Д.Е. Ефремов, были вкладчиками Киево-Печерской лавры. На неофициальный характер герба указывает и отсутствие его изображения на двух прижизненных портретах войскового атамана Степана Даниловича Ефремова (1715–1784) – сына Данилы Ефремовича и отца Данилы Степановича (ныне экспонируются в Новочеркасском музее истории донского казачества и Ростовском областном музее изобразительных искусств)» [15, с. 128].

Герба на портрете Степана Ефремова и не должно быть, как и герб войскового атамана не мог принадлежать его внукам! Д.Е. Ефремов не передал по закону (на основании «Табели о рангах») права потомственного дворянства своему сыну. Причиной тому: а) являлись сложные отношения между отцом и сыном и б) С.Д. Ефремов родился до пожалования войскового атамана чином генерал-майора в 1753 г. и чином тайного советника в 1759 г. Во-вторых, в российской геральдике вензелевые изображения высочайших имен писались не только в латинизированной транскрипции, но и древнерусской вязью, последнее и было законодательно закреплено 25 июня 1838 г. [21, 22]. В противном случае вензелевые изображения императоров Петра I, Петра II, Петра III и Павла I начинались бы с латинских «Р», Николая I и Николая II – «N». В латинизированной транскрипции чаще всего писали монограммы (не путать с вензелевыми изображениями), заглавные инициалы – имени, отчества, титула, что впервые использовал в политической практике император Петр I.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть содержание и символику герба Д.Е. Ефремова. На Дону и в Киево-Печерской лавре были хорошо знакомы с вензелевыми изображениями и монограммами российской императрицы. На коронационных торжествах императрицы Анны Иоанновны 28 ап-

реля 1730 г. присутствовали на аудиенции в Грановитой палате «атаман станичный с донскими казаками». Донское войско представляли войсковой атаман Андрей Лопатин, а также старшины Роман Емельянов, Тимофей Иванов, войсковой есаул Петр Аркашар, войсковой дьяк Савелий Дмитров, толмач Иван Фетисов и 13 казаков. Также прибыли в Москву Василий сын Иван Фролов, Федор Иванов, казак Макар Персицкий. Все они получили золотые коронационные медали с изображением Ея Императорского Величества. Также атаману были пожалованы серебряный ковш и сабля, кормовые и прогонные деньги [23, с. 45; 5, ч. 1, с. 38–39].

В составе депутатов на коронации императрицы Анны Иоанновны присутствовал и гетман войск Малороссийских Данило Апостол, в его окружение входили люди, которые видели оформление торжества, в том числе и вензелевое изображение императрицы, которое стало известно в Киево-Печерской лавре [23, с. 9]. Но, безусловно, важнейшими источниками информации служили делопроизводственная документация, денежное обращение (вензелевки) различного достоинства и времени, вензелевые изображения и монограммы на знаменах частей российской императорской армии, частных гербах и т.д. К настоящему времени известны около двадцати различных по форме и написанию вензелевых изображений высочайшего имени императрицы Анны Иоанновны. Одно из них, использовавшееся на коронационных торжествах 28 апреля 1730 г., помещено в гербе Д.Е. Ефремова.

Коронационные торжества императрицы Анны Иоанновны детально фиксировались, затем на основе собранных материалов в октябре 1730 г. в Москве был издан альбом с описанием коронации [23]. Он был опубликован на русском и переведен на немецкий язык, поступил в Коллегии, частные библиотеки, а также рассылался в дипломатические посольства за границу, в губернские правления, присутственные места, лавры и крупнейшие монастыри. Учитывая, что в альбоме почти пятнадцать различных по форме и написанию вензелевых изображений и монограмм императрицы Анны Иоанновны, исполнителю портрета Д.Е. Ефремова было из чего выбирать. Художник нарисовал в гербе вензелевое изображение, помещенное в альбоме на странице 34, рис. 15, которые совпадают между собой (но без короны и пальмовых ветвей). Вензелевое изображение высочайшего имени в рос-

сийской геральдической традиции означало личное доверие Ея Императорского Величества, пожалование чинов, наград, должностей, земель и прочих привилегий.

Вензелевое изображение императрицы Анны Иоанновны, использованное при коронации, а позже на портрете Д.Е. Ефремова, трактуется в геральдике как «Анна Иоанновна» или «Анна Императрица» – в зеркальном изображении заглавных букв – имени и отчества, имени и титула. При этом необходимо помнить, что вензель и монограмма – существенно разные виды изображения высочайшего имени. Первые – сложные и информационно насыщенные: корона, вязи, украшения букв, вторые – более простые, преимущественно заглавные инициалы высочайшего имени, в ней нет излишней витиеватости, хитросплетений и дополнительных изображений.

В XVIII в. при написании вензелевых изображений и монограмм высочайших имен одновременно использовались древнерусская вязь и/или латинизированная транскрипция инициалов. При этом часто пользовались таким приемом, как зеркальное отображение инициалов.

Вензелевое изображение императрицы Анны Иоанновны, использовавшееся при оформлении Грановитой палаты во время коронации в Москве 28 апреля 1730 г. / Monogram image of Empress Anna Ioannovna, used in the design of the Granovitaya (Faceted) Chamber during the coronation in Moscow on April 28, 1730

Щит стилизованный, малороссийский картуш, поле красное, разделен на четыре части: в верхнем правом поле показаны вензелевые изображения имени императрицы Анны Иоанновны; в левой верхней части нарисован серебо-

ряный столб, обвитый плющом, что подчеркивало в геральдической символике принадлежность к государственной, особенно к дипломатической службе.

Герб на портрете Д.Е. Ефремова из Киево-Печерской лавры / Coat of arms in the portrait of D.E. Efremov from the Kiev-Pechersk Lavra

С данным изображением связывается участие Д.Е. Ефремова в приведении Калмыцкой Орды во главе с главным управителем калмыков (вскоре ханом) Дундук-Омбо к присяге на верность службы Российскому государству, вручении ханского ярлыка от высочайшего имени и других мероприятиях.

В нижнем левом углу изображено одномачтовое под парусом казачье судно (каюк), вероятно, с казаками. Здесь можно предположить две версии. Первая – появление казачьего судна связано с формированием Донской (Азовской) флотилии под руководством Д.Е. Ефремова и ее участием в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. [24, с. 106–107]. Вторая – данное изображение зафиксировало мореходные традиции донского и запорожского казачества, которые также нашли отражение на печатях и знаменах Низового войска Запорожского, Старого Кубанского войска (XVII в.), казаков-некрасовцев. Причем, по мнению В.И. Мильчева и Д.В. Сеня, «изображения парусного судна занимали ключевое место в иконографии войсковой печати казаков-некрасовцев», они являлись одним из направлений формирования казачьей идентичности [25, с. 277–301].

В нижнем правом углу прописана негеральдическая фигура – конь (на разных портретах телесного и белого цвета – идущий и скачущий), подчеркивавший принадлежность Ефремова к казачьему войску.

Наследование герба Д.Е. Ефремова рассматривалось выше, из чего ясны причины неизменения такого у сына и внука. В середине XVIII в. отсутствие грамоты на дворянство не являлось, как отмечалось ранее, препятствием для обладания самостоятельным гербом. Это – пользование правами и привилегиями дворянства, а также гербом по чину. Достаточно было, согласно «Табели о рангах», патента на генеральский чин и тайного советника. При подаче прошения на его высочайшее утверждение часто одновременно жаловался патент на дворянство.

Не меньшие затруднения вызывают у наших оппонентов общность идей и геральдических символов гербов Д.Е. Ефремова и его внука премьер-майора Д.С. Ефремова. Так, по мнению А.И. Сапожникова и П.А. Авакова, герб Д.С. Ефремова «в геральдическом отношении не имеет ничего общего с гербом на парадных портретах его деда» [15, с. 128; 14, с. 211]. Во-первых, автор никогда не настаивал на общности гербов войскового атамана Д.Е. Ефремова и его внука полковника Д.С. Ефремова. Во-вторых, действительно в гербе отсутствуют геральдические и негеральдические фигуры герба Д.Е. Ефремова, принадлежность к казачьему войску и службе подчеркивается казачьими пистолетами. Д.С. Ефремов получил герб самостоятельно 30 сентября 1802 г. по указу императора Александра I. Это новый герб, составленный в Герольдии Сената на основе формулярного списка соискателя, без опоры на фамильные традиции. Но данный герб не стал гербом рода Ефремовых. В 1806 г. умирает сын Д.С. Ефремова в возрасте 18 лет, Степан Данилович Ефремов, мужская линия прерывается, как и гербонаследие [26, с. 58].

Герб Д.С. Ефремова. Рисунок и реконструкция А.И. Агафонова / Coat of arms of D.S. Efremov. Drawing and reconstruction by A.I. Agafonov

«Щит рассечен косою чертою с левого угла на правый, в правой части в голубом поле крестообразно положенные два пистолета, означающие службу его в казацком войске, в левой части в красном поле – три шпаги концами вниз, в знак службы его нынешним премьер-майорским чином. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом со страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложенный красным» [27, № 65].

Даниил Степанович Ефремов, премьер-майор армии, полковник Войска Донского (по прошению от 08.02.1793) жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство. Диплом («жалованная грамота») императрицы Екатерины II [1793] не был подписан. Герб утвержден 30.09.1802 г. императором Александром I.

Желательно бы обратить внимание на других родственников и гербообладателей Ефремовых. Критики «не заметили» другого родственника Д.Е. Ефремова и его дворянского герба – правнука Д.Е. Ефремова – Николая Степановича Ефремова. Войсковой атаман Степан Данилович Ефремов имел сыновей – Данилу Степановича (1759–1809), Степана Степановича (1761–1807) и Александра Степановича. В родословной Л.М. Савёлова Александр Степанович отсутствует [4, с. 55–58], а в статье А.А. Карасева Данила и Александр указаны не имеющими детей мужского пола [28, с. 87–92].

Родословную по мужской линии Ефремовых продолжил Степан Степанович Ефремов, он не обладал дворянским гербом. Его сын, правнук Д.Е. Ефремова, Николай Степанович имел сыновей – Степана Николаевича, Алексея Николаевича, Николая Николаевича, Александра Николаевича, Михаила Николаевича, Федора Николаевича, Ивана Николаевича. 8 июля 1867 г. император Александр II утвердил дворянский герб Н.С. Ефремова. Внимательное сравнение гербов войскового атамана Д.Е. Ефремова и его правнука полковника Н.С. Ефремова показывает наличие единой идеи, общих геральдических и негеральдических фигур, подчеркивание казачьей службы, принадлежность к Донскому войску и атаманской фамилии. Герб был действовавшим до 1917 г. фамильным гербом для всех поколений Ефремовых, объединил войсковые атаманские, боевые и семейные традиции.

Герб Н.С. Ефремова подтвердил известное правило, что неизменяемый родовой герб или герб, объединенный общими идеями и гераль-

дическими символами, подчеркивает не только социальное отличие – дворянин/не дворянин, но и принадлежность обладателя герба к роду, которому герб пожалован высочайшей властью.

Герб Николая Степановича Ефремова. Рисунок и реконструкция А.И. Агафонов / Coat of arms of Nikolai Stepanovich Efremov.
Drawing and reconstruction by A.I. Agafonov

«Щит пересечен. В верхнем червленом поле серебряный скачущий конь с черными глазами, языком и копытами. В нижней лазуревой части щита – золотая галера. Щит увенчан дворянским шлемом и короною. Нашлемник: в серебряной кольчуге рука, держащая золотую булаву, а по бокам оной справа два золотых бунчука, а слева серебряное с червленым древком знамя. Наметы: правый червленый с серебром, левый лазуревый с золотом» [27, № 66].

Итак, в середине XVIII в. на Дону сложились условия для становления и развития портретной живописи, создания картинных галерей дворянского типа, как в великороссийских губерниях. Гербовый портрет войскового атамана Д.Е. Ефремова был написан в малороссийской шляхетской традиции, а герб на уровне геральдических представлений и правил своего времени, выполнял ознакомительную и правовую функцию, закреплял дворянский статус его владельца.

Портретная галерея Д.Е. Ефремова включала многочисленные портреты войскового атамана. Различные по композиции и технике исполнения они оказали большое влияние на становление донской живописи, атаманского парадного портрета, геральдики. Последние играли важную социальную роль, служили примером для написания старшинского, офицерского и генеральского портретов. Портреты Д.Е. Ефремова из Новочеркасского музея являются самостоя-

тельными произведениями, для которых прототипом (идеей) являлись портрет из Киево-Печерской лавры и неизвестные произведения.

Дискуссии вокруг портретной галереи Д.Е. Ефремова и С.Д. Ефремова, гербовых изображений, их символики и трактовки указывают на необходимость дальнейшего изучения данной темы в контексте развития русской живописи и геральдики XVIII в.

Донское дворянство прошло сложный и противоречивый путь становления и развития, начав с высочайших пожалований, оно со временем превратилось в военно-служилую по условиям формирования социальную общность, включенную в конце XVIII в. императором Павлом I в высшее сословие Российской империи.

Литература

1. ИПСЗ. Т. 6. № 3705.
2. ИПСЗ. Т. 6. № 3890.
3. ИПСЗ. Т. 14. № 10502.
4. *Савёлов Л.М.* Донские дворянские роды. М.: Тип. Кушнарёв и К°, 1902. Вып. 1. 173 с.
5. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1894. Т. 2, ч. 1. 427 с.; Ч. 2. 506 с.
6. *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М.: РОССПЭН, 1999. 190 с.
7. *Сапожников А.И.* Император Павел I и донская казачья старшина // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 11–12.
8. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: РГУ, 1961. 375 с.
9. *Сапожников А. И.* Из предыстории Дворянской родословной книги Войска Донского 1826–1835. К 220-летию указа императора Павла I «Об уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками» (1798). Важная привилегия // Донской временник. Год 2018-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2017. Вып. 26.
 10. ИПСЗ. Т. 25. № 18673.
 11. ИПСЗ. Т. 22. № 16187.
 12. *Савёлов Л.М.* Происхождение и состав дворянства на Дону в XVIII веке. Летописи историко-родословного общества. 1905. Вып. 3. 17 с.
 13. *Агафонов А.И.* Донская геральдика. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2016. 408 с.
 14. *Сапожников А.И.* Материалы к «Донскому гербовнику». Пожалование дворянских дипломов уроженцам Дона // Донской временник. Год 2016-й. Ростов н/Д., 2015. Вып. 24. С. 210–219.
 15. *Аваков П.А.* Данила Ефремов на пути к атаманской булаве // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 116–135.
 16. *Коновалова А.А.* Донской портрет XVIII века: условия возникновения и развития на примере портретной галереи Ефремовых // Universum: Филология и искусствоведение. 2017. № 5 (39). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> (дата обращения: 07.01.2021).
 17. *Бондарева Н.А.* Донской портрет XVIII – первой половины XIX века в контексте восточно-европейского провинциального портрета этого периода: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996. 17 с.
 18. *Кипнис Б.Г., Сапожников А.И.* «Гербовник» Лукьяна Ивановича Талызина // Гербовед. 1996. № 4 (12). С. 87–88.
 19. *Лукомский В.К., Типольт Н.А.* Русская геральдика: руководство к составлению и описанию гербов. Петроград: Императорское общество поощрения художеств, 1915; Переизд. М.: Гос. публ. ист. библиотека, 1996. 97 с.
 20. *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. СПб.: Сирнус, 1914. 213 с.
 21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее – ИПСЗ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Т. 13, ч. 1, № 1359.
 22. *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. СПб.: Военная типография, 1862. Ч. 30. 483 с.
 23. Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 году. М.: Тип. Сената, 1730. 46 с.
 24. *Агафонов А.И.* Войско Донское / Казачий флот // История Донского казачества. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2020. Т. 2. С. 106–107.
 25. *Мильчев В.И., Сень Д.В.* Изображения парусных судов на печатях, знаменах и гербах казачьих сообществ XVIII – XIX вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 277–301.
 26. *Савёлов Л.М.* Донское дворянство. Вып. 1. М., 1902. 118 с.
 27. Сборник дипломных гербов Российского Дворянства, не внесенных в Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 5, № 65, 66. URL: <https://gerbovnik.ru/volume/45.html> (дата обращения: 15.01.2021).

28. Карасев А.А. Атаман Степан Данилович Ефремов // *Донской вестник*. Год 2005-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д., 2004. Вып. 13.

References

1. IPSZ, vol. 6, No. 3705. (in Russian).
2. IPSZ, vol. 6, No. 3890. (in Russian).
3. IPSZ, vol. 14, No. 10502. (in Russian).
4. Savelov L. M. (1902). *The Don noble families*. Moscow, Publ. of Kushnarev and K^o, iss. 1, 173 p. (in Russian).
5. *Acts related to the history of the Don Army, collected by Major General A. A. Lishin*. (1894). Novocheboksak, vol. 2, part 1, 427 p.; part 2, 506 p. (in Russian).
6. Bezotosny V. M. (1999). *Don Generalitet and ataman Platov in 1812*. Moscow, ROSSPEN Publ., 190 p. (in Russian).
7. Sapozhnikov A. I. (1999). Emperor Paul I and the Don Cossack foreman. *Novyi chasovoi*, No. 8-9, pp. 11-12. (in Russian).
8. Pronstein A. P. (1961). *Land of the Don in the 18th century*. Rostov-on-Don, Rostov State University Press, 375 p. (in Russian).
9. Sapozhnikov A. I. (2018). From the prehistory of the Noble genealogy book of the Don Army 1826-1835. To the 220th anniversary of the decree of Emperor Paul I "On the equation of the ranks of the Don Army with regular troops" (1798). Important privilege. *Donskoy vremennik*. 2018. Don. State Publ. Libr. Rostov-on-Don, 2017, iss. 26. (in Russian).
10. IPSZ, vol. 25, No. 18673. (in Russian).
11. IPSZ, vol. 22, No. 16187. (in Russian).
12. Savelov L. M. (1905). *The origin and composition of the nobility on the Don in the 18th century*. *Chronicles of the historical and Genealogical Society*, iss. 3, 17 p. (in Russian).
13. Agafonov A. I. (2016). *Don heraldry*. Rostov-on-Don, Omega Publisher Publ., 408 p. (in Russian).
14. Sapozhnikov A. I. (2015). Materials for the "Don Herbovnik". Award of noble diplomas to natives of the Don. *Donskoy vremennik*. 2016. Rostov-on-Don, iss. 24, pp. 210-219. (in Russian).
15. Avakov P. A. (2020). Danila Efremov on the way to the Ataman's mace. *Novoe proshloye*, No. 2, pp. 116-135. (in Russian).
16. Konovalova A. A. (2017). Don portrait of the 18th century: conditions of origin and development on the example of the portrait Gallery of the Efremovs. *Universum: Philology and Art History*, No. 5 (39). Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> (accessed January 7, 2021). (in Russian).
17. Bondareva N. A. (1996). *Don portrait of the 18th - first half of the 19th century in the context of the Eastern European provincial portrait of this period*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 17 p. (in Russian).
18. Kipnis B.G., Sapozhnikov A.I. (1996). "Herbovnik" by Lukyan Ivanovich Talyzin. *Gerboved*, No. 4 (12), pp. 87-88. (in Russian).
19. Lukomsky V. K., Tipolt N. A. (1915, 1996). *Russian heraldry: A guide to the compilation and description of coats of arms*. Petrograd, Imperial Society for the Encouragement of Arts. Reprint. Moscow, State Public Historical Library Press, 97 p. (in Russian).
20. Lukomsky V. K., Modzalevsky V. L. (1914). *Little Russian herbarium*. St. Petersburg, Sirius Publ., 213 p. (in Russian).
21. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. The second edition. (Hereinafter - 2PSZ). (1838). St. Petersburg, Publ. II Of. of His Imperial Majesty's Own Chancellery, vol. 13, part 1, No. 1359. (in Russian).
22. Viskovatov A.V. (1862). *Historical description of clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. St. Petersburg, Military Printing House, ch. 30, 483 p. (in Russian).
23. *Description of the coronation of Her Majesty the Empress and Autocrat of All-Russia Anna Ioannovna, solemnly sent in the reigning city of Moscow on April 28, 1730*. (1730). Moscow, Publ. of the Senate, 46 p. (in Russian).
24. Agafonov A. I. (2020). Don Army / Cossack fleet. *History of Don Cossacks*. Rostov-on-Don, Omega Publisher, vol. 2, pp. 106-107. (in Russian).
25. Milchev V. I., Sen D. V. (2020). Images of sailing ships on seals, banners and coats of arms of Cossack communities of the 18th-19th centuries. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, No. 6, pp. 277-301. (in Russian).
26. Savelov L. M. (1902). *The Don nobility*. Moscow, iss. 1, 118 p. (in Russian).
27. *Collection of diploma coats of arms of the Russian Nobility, not included in the General Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire*, ch. 5, No. 65, 66. (in Russian).
28. Karasev A. A. (2004). Ataman Stepan Danilovich Efremov. *Donskoy vremennik*. 2005. Don State Publ. Lib. Rostov-on-Don, vol. 13. (in Russian).

УДК 94(73)+94(519)
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-32-38

РОЛЬ США В РАЗРЕШЕНИИ ПЕРВОГО СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО ЯДЕРНОГО КРИЗИСА

© 2021 г. Р.С. Айриян^а, А.А. Комарова^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE ROLE OF THE UNITED STATES IN RESOLVING THE FIRST NORTH KOREAN NUCLEAR CRISIS

R.S. Ayriyan^а, A.A. Komarova^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Айриян Радмила Сергеевна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: rsayriyan@sfnu.ru

Radmila S. Ayriyan -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: rsayriyan@sfnu.ru

Комарова Анастасия Александровна –
стажер-исследователь, кафедра зарубежной
истории и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: akomarova@sfnu.ru

Anastasia A. Komarova -
Research Intern, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: akomarova@sfnu.ru

Рассматриваются взаимоотношения США и КНДР во время первого северокорейского ядерного кризиса. Анализируются события, приведшие к его началу, а также исследуется поведение обеих сторон и международных организаций до и во время кризиса. Особое внимание уделено роли Южной Кореи во время разрастания кризиса, а также других стран, заинтересованных в его разрешении. Проанализировано влияние ООН и МАГАТЭ как на международную обстановку того периода, так и на взаимоотношения США и Северной Кореи. В этом аспекте исследования по корейской ядерной программе и роли США ранее в отечественной историографии не проводились. Поэтому подробно освещаются этапы создания КЕДО, предназначенной для урегулирования ситуации на Корейском полуострове, а также используются документы по данному международному консорциуму. Приводятся различные точки зрения на избранную руководством США внешнеполитическую стратегию по отношению к ядерной проблеме КНДР в 90-е гг. XX в. Среди них особое внимание уделялось мнениям дипломатов того периода, работающих в США именно в сфере отношений с КНДР, а также американских ученых как гуманитарных, так и технических специальностей. Делаются выводы о причинах неудач Рамочных соглашений, которые привели к последующим кризисам.

Ключевые слова: США, КНДР, ядерное оружие, ООН, МАГАТЭ, КЕДО, Рамочные соглашения, первый ядерный кризис.

The article examines the relationship between the United States and the DPRK during the first North Korean nuclear crisis. It discusses the events leading up to the crisis and the behavior of both sides and international organizations before and during the crisis. The article draws up the role of South Korea during the escalation of the crisis, as well as influence of other countries interested in resolving the crisis. It analyzes the U.S.-North Korea relationship and the impact of the UN and the International Atomic Energy Agency (IAEA) on the international situation at that time. In this aspect, the study of the Korean nuclear program and the role of the United States has not previously been carried out in Russian historiography. The discussion leads to the design and stages of the KEDO creation with attention to the documents on this international consortium. The situation demonstrates differ-

ent visions on the USA foreign policy strategy chosen in relation to the DPRK nuclear problem in 1990s, namely the opinion of the United States diplomats working on relations with the DPRK, and American researchers in humanities and technology. The paper concludes with the reasons of the Framework Agreements' failure that led to the crises.

Keywords: USA, DPRK, nuclear weapons, UN, IAEA, KEDO, Framework Agreements, First Nuclear Crisis.

Еще со времен Корейской войны (1950–1953 гг.) США занимали позицию противника режима, существующего в КНДР. Однако с появлением ядерного оружия у Северной Кореи ситуация стала еще более ухудшаться. В 90-е гг. XX в. с разрушением биполярной системы международных отношений, приведшего к фактической гегемонии США на мировой арене, КНДР пришлось предпринимать непростые шаги для снижения конфронтации. Внешнеполитическая стратегия, которая изначально вела к положительным результатам для обеих сторон, впоследствии обернулась целым рядом корейских ядерных кризисов. Именно события последних 30 лет определяют самые острые вопросы современной геополитики. В связи с этим в данной статье будут рассмотрены этапы развития отношений США и КНДР по ядерному вопросу в 90-е гг. XX в., которые ознаменовались первым ядерным кризисом КНДР, а также особое внимание будет уделено позиции США по этой проблеме.

В 1985 г. КНДР под давлением СССР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Однако с самого начала, пытаясь лавировать, Северная Корея под разными предлогами отказывалась от подписания соглашения о гарантиях с МАГАТЭ, что не позволяло их инспекциям провести необходимые проверки. Вместо попыток найти компромисс КНДР выдвигала свои условия для подписания данных гарантий. Так, на встрече с Советом управляющих МАГАТЭ в 1990 г. северо-корейская делегация заявила, что для подписания соглашения нужно внести поправки о невозможности угрозы ядерных держав «неядерным», а также о полном выведении ядерного оружия с территории Корейского полуострова [1, с. 33–34]. Не трудно понять, что эти условия в первую очередь были адресованы правительству США, так как американцы имели не только свой военный контингент в Южной Корее, но и заявляли о своем ядерном присутствии там, обосновывая это необходимостью для защиты РК.

В описываемый период времени в целом, как и сейчас, КНДР использовала угрозы, связанные с ядерным оружием, как возможность един-

ственной защиты существующего режима, а также своей международной безопасности. Таким образом, США оказались в непростой и весьма непривычной для них ситуации. Меры, которые предполагались в таких случаях, не подходили для урегулирования происходящего. Возможность нанесения превентивного военного удара означала серьезные последствия сразу для нескольких стран, кроме того, существовала высокая опасность новой корейской войны [2, с. 124–125]. В таких условиях администрацией США была принята внешнеполитическая стратегия, направленная на снижение напряженности путем взаимовыгодных уступок для обоих государств. Уже в сентябре 1991 г. президент США Джордж Буш объявил о том, что США выведут свое ядерное оружие с территории Южной Кореи. В подтверждение этому 18 декабря того же года президент Республики Корея Ро Дэ У выступил с официальным заявлением об отсутствии ядерного оружия в Южной Корее [3].

Ответным действием КНДР становится подписание ранее упомянутого соглашения о гарантиях с МАГАТЭ 30 января 1992 г. Оно предполагало проверки ядерных объектов для контроля использования ядерной энергии исключительно в мирных целях [4]. Оценив этот шаг положительно, США начали процесс сближения с КНДР. Особенно важным стало принятие решения об отмене ежегодных совместных с Южной Кореей военных учений «Тим спирит». Однако проверки инспекции МАГАТЭ выявили серьезные нарушения: предоставляемые Северной Кореей данные не всегда являлись достоверными, подозрения также вызывала сама ядерная программа, кроме того часть объектов оказалась недоступной для инспекции, так как Пхеньян заявлял, что они имеют военное назначение, а не ядерное [5, с. 123–124].

После обращения МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН с просьбой о разрешении специальных инспекций, Пхеньян в 1993 г. пошел на достаточно провокационный шаг, заявив о желании выйти из ДНЯО [3]. Еще до этого заявления США возобновили военные учения «Тим спирит», которые, по мнению КНДР, являлись неким подобием репетиций действий в случае

начала ядерной войны. Это дало Пхеньяну повод для обоснования выхода из ДНЯО не только из-за давления инспекций МАГАТЭ, но и, по словам северокорейских властей, из-за угрозы самого падения социалистического режима страны после ее разоружения и невозможности защищаться от наступления сверхдержавы. Сами попытки МАГАТЭ открыть военные объекты КНДР, завершившиеся принятием «несправедливой резолюции», также воспринимались Пхеньяном как «наущение» со стороны Вашингтона. Правительство Северной Кореи открыто заявило, что подобные действия «представляют собой акт применения силы» [6], который ни в коем случае нельзя оставить без ответа и таким образом создать прецедент, узаконивающий угрозы от стран-обладательниц ядерного оружия в отношении к не обладающим таковым [6]. Все эти заявления обострили международную обстановку, так как, несмотря на абсолютно законную возможность, предусмотренную самим Договором о нераспространении ядерного оружия, выхода из данного договора, выход КНДР из него создавал не только опасный прецедент для других стран, но и мог рассцениваться как агрессивные меры со стороны Пхеньяна.

На такое заявление КНДР ООН ответила принятием резолюции 825 от 11 мая 1993 г., которая призвала Северную Корею пересмотреть свое решение о выходе из ДНЯО, ссылаясь на принятую совместную декларацию КНДР и РК об объявлении Корейского полуострова безъядерной зоной. ООН также выделила особое значение заявлений РФ, Великобритании и США, которые высказывали свои сомнения в том, что причины КНДР для выхода из ДНЯО скорее не являются исключительными обстоятельствами, подразумевающими возможность такого выхода. ООН положительно оценила стремление Северной Кореи вести поиск решения проблемы путем переговоров, а также призвала все государства-члены содействовать поиску ее решения [7]. Стоит подчеркнуть, что всем странам-участницам Совбеза был невыгоден выход КНДР из ДНЯО, но именно три вышеназванные страны, включая США, являлись депозитариями Договора и имели особый статус в решении подобных вопросов.

Вышеописанные события принято считать первым северокорейским ядерным кризисом. Ситуация была крайне напряженной. Часть представителей администрации президента

США в лице Брента Скоукрофта, Арнольда Кантера, Ричарда Хааса высказывалась за нанесение превентивного удара по КНДР [2, с. 125]. Понимая, что подобные действия могут развязать войну, особенно опасную сразу для нескольких государств, в первую очередь для Южной Кореи, США не решились усугублять ситуацию. Стоит заметить, что такое решение было вполне обосновано реальными угрозами со стороны Пхеньяна, руководство которого обещало «превратить Сеул в море огня» [8].

Именно поэтому Вашингтон выбрал стратегию переговоров. Для улаживания нарастающего конфликта летом 1994 г. в КНДР был направлен бывший президент США Джимми Картер. Правильно выбранная тактика привела к нормализации дипломатических отношений между США и КНДР [9].

В результате шагов, предпринятых администрацией Клинтона, было заключено Рамочное соглашение между КНДР и США. Для его принятия осенью 1994 г. в Женеве шли переговоры между упомянутыми государствами, которые закончились положительными результатами для обеих сторон. Суть Рамочных соглашений заключалась в стремлении обеих стран разрешить ядерную проблему на Корейском полуострове. С этой целью предполагалось заменить существующие графитовые реакторы в КНДР на энергетические установки, работающие на легководных реакторах (LWR) [10]. Все организационные моменты брало на себя правительство США, основным пунктом которых было создание международного консорциума, а также возмещение всех энергетических потерь созданным консорциумом, которые понесет КНДР из-за замораживания графитовых реакторов. Кроме того, США гарантировали поставки нефти КНДР в качестве замены утраченных энергоносителей. Для выполнения вышеперечисленных условий КНДР обязывалась в течение месяца со дня подписания документа заморозить графитовые ядерные реакторы, предоставить МАГАТЭ открытый доступ к ним для наблюдения за процессом заморозки, а также после сооружения реакторов LWR демонтировать свои графитовые.

Часть II данного соглашения предполагала полное налаживание экономических и политических взаимоотношений двух стран. США и Северная Корея договаривались об уменьшении барьеров для торговли и инвестиций, открытия своих представительств в Пхеньяне и Вашинг-

тоне, а затем при достижении определенного уровня нормализации контактов дойти до обмена послами.

Еще одним важным условием данного договора было заверение США о предоставлении официальных гарантий невозможности применения ядерного оружия против КНДР. Пхеньян со своей стороны обязывался не выходить из ДНЯО, соблюдать все его гарантии, а также выполнять свои обязательства по соглашению с МАГАТЭ, четко следуя требованиям данной организации, необходимым для верификации состояния ядерных материалов и объектов КНДР [10].

Согласно докладу Уильяма Дж. Перри, который являлся координатором политики США в отношении Северной Кореи, а также занимал посты советника президента и государственного секретаря в 1999 г., Рамочные соглашения считались в США отличным дипломатическим ходом. К концу 1999 г. было доподлинно известно, что КНДР заморозила свои ядерные объекты в Ёнбёне, приостановив таким образом производство плутония, что подтвердили проверки МАГАТЭ. К этому моменту, по мнению автора доклада, Северная Корея имела лишь небольшие запасы расщепляющего материала, которые, возможно, ей удалось утаить в 1994 г. Однако это мнение не сказалось отрицательно на американском восприятии успешности Рамочных соглашений, так как, по оценкам экспертов США, без данного соглашения за 5 лет КНДР смогла бы произвести достаточное количество плутония для создания значительного количества ядерного оружия [11].

Описанный способ деэскалации конфликта во внешнеполитической стратегии США иногда принято интерпретировать как метод «кнута и пряника». Рамочные соглашения представляли собой «пряник» в обмен на денуклеаризацию КНДР. Под «кнутами» же обычно подразумевались санкции и усиление изоляции Северной Кореи. Однако Кристофер Лоуренс (доцент кафедры технологий, международных отношений в Школе дипломатической службы при Джорджтаунском университете) считает подобные мнения весьма ошибочными, предлагая свой альтернативный вариант названия таких взаимоотношений – «технодипломатия». Опровергая стратегию «кнута и пряника», Лоуренс склоняется к тому, что Рамочные соглашения больше похожи на попытку построить физическое воплощение нормализованных политиче-

ских взаимоотношений США и безъядерной КНДР [12, р. 10–11]. Для обоснования своей точки зрения он приводит множество аргументов, среди которых выбор реакторов LWR вместо FFPP, считающихся более подходящими. Однако именно легководные, по мнению автора, решали вопрос о принятии требований МАГАТЭ Северной Кореей, а также возможности США поставлять ядерное топливо в КНДР. Эти условия положительно бы сказывались на обеих странах: Северная Корея возвращалась в рамки международных норм, а США таким образом показывали свое одобрение режима. Кроме того, Северная Корея чуть не сорвала сделку, настаивая на финансировании LWR только США. Лоуренс утверждает, что если расценивать поставки оборудования и финансирования LWR как «пряник», то КНДР не стала бы так упорно настаивать на «американском лице» проекта. Это бы заложило основу для будущих геополитических отношений, и хотя конгресс США не мог одобрить решения о полном финансировании, Северная Корея по-прежнему настаивала на наибольшей ответственности и участии США в данном проекте [12, р. 23–26]. Действительно в дальнейшем международный консорциум КЕДО (Организация по развитию энергетики на Корейском полуострове) был создан именно во главе с США, что говорит об еще одной дипломатической уступке со стороны американского правительства. Поэтому можно полностью согласиться с теорией Лоуренса об отсутствии «кнутов и пряников» при заключении Рамочных соглашений. Продолжая его мысль, можно было бы считать, что при таком количестве подводных камней и условий, поставленных Северной Кореей при заключении договора, рано или поздно Вашингтон должен был воспользоваться «кнудом», однако этого не произошло.

КЕДО была создана с целью финансирования и воплощения в жизнь проекта легководных реакторов (LWR). Соглашение о создании данной организации было подписано уже в марте 1995 г. Основными членами, подписавшими договор помимо США, являлись Япония и Южная Корея. При этом КЕДО не препятствовала вступлению в него других стран, оказывающих поддержку проекту. Помощь также принималась от международных и региональных организаций, желающих участвовать в денуклеаризации Корейского полуострова. Соглашение подразумевало свободный выход из него по соот-

ветствующему заявлению от страны-участника. Данная организация координировала и финансировала строительство двух LWR мощностью приблизительно 1000 МВт (э) каждый. Кроме того, она же организовывала поставки альтернативных источников энергии до строительства первого легководного реактора [13].

Из совместного заявления США и КНДР для прессы, данного в июне 1995 г., нам открывается еще один немаловажный факт. После переговоров в Куала-Лумпуре было заявлено, что моделью реактора, выбранного КЕДО для поставок, будет продвинутая версия американской конструкции и технологии, находившаяся на тот момент в производстве [14]. Из чего следуют сразу два вывода, на которые следует обратить внимание. Во-первых, Северная Корея добилась своей цели в желании видеть в проекте именно американские разработки реакторов, как, впрочем, и главенство США в самом консорциуме. Во-вторых, США передавали свои собственные разработки, хоть и легководных реакторов, из которых сложно получить материалы для ядерного оружия, но все же возможно, в руки северокорейцам. Все это говорит о стремлении США любыми способами прийти к мирному разрешению кризиса и налаживанию дипломатических отношений между странами в тот период.

Соглашение о поставках LWR определяло сроки их завершения к 2003 г. [15], что указывает на довольно долгосрочные отношения, устанавливающиеся между государствами. Несомненно, что строительство реакторов, а также их финансирование было задачей ни одного года, но также несомненным плюсом для Вашингтона являлось столь долгое запланированное сотрудничество, позволяющее держать КНДР в рамках международных договоренностей. Это же соглашение содержало пункт о воздержании Северной Кореи от строительства новых графитовых реакторов и связанных с ними установок [15]. Такое условие также позволяло США и мировой общественности держать под контролем ядерный вопрос Корейского полуострова, по крайней мере до сроков постройки легководных реакторов.

Стоит сразу учесть, что Северная Корея также передавала свои уже отработавшие топливные стержни, выгруженные из графитового реактора, которые были переупакованы именно американской технической группой и хранились в бассейне охлаждения для последующего выво-

за из КНДР. Кроме того, было остановлено строительство еще двух крупных реакторов. Несмотря на такое количество уступок со стороны Северной Кореи по денуклеаризации полуострова, это не мешало ей продолжать расширять свою ракетную программу, а также исследовать новые возможности по обогащению урана [16]. Такие действия неминуемо вели к новому кризису, так как продолжали накалять международную обстановку в, казалось бы, уже несколько остывшем «котле».

Возможно, причина последующего провала Рамочных соглашений скрывалась сразу в нескольких факторах. КНДР ждала обещанных «необратимых» гарантий, которые в итоге получены не были. Поэтому Северная Корея также могла позволить себе не соблюдать данные обещания, продолжая искать способы получения ядерного оружия. Такие способы были найдены путем покупки технологий у Пакистана, который научился создавать его на основе обогащенного урана. Смена президентской администрации США (к власти пришли представители республиканской партии), которая была не готова мириться с существующим положением дел, также повлияла на ухудшение взаимоотношений двух стран [17, с. 133–134]. Известный востоковед А. Ланьков считает, что США пошли на подписание Рамочных соглашений только из-за своей уверенности, что выполнять все их условия в конце концов не придется. В этот период среди американских аналитиков, а также в ряде других стран было распространено мнение, что северокорейский режим в ближайшем будущем «канет в Лету» [8]. Отсюда вытекает вполне обоснованное недоверие КНДР и идентичное недобросовестное выполнение своих обязательств. Можно сказать, что при заключении соглашений обе стороны схитрили, не собираясь выполнять свои обязательства и надеясь, что это принесет положительный результат, чего, увы, никак не могло произойти.

Что касается позиции КНДР, которая нарушала договоренности созданием своей урановой программы, то А.Н. Ланьков делает вполне логичное предположение об ошибочных ожиданиях Северной Кореи по поводу ответной реакции США. Режим надеялся на возможность заключить нечто подобное Рамочным соглашениям по ней и получить взамен очередные экономические и политические уступки со стороны США, но КНДР никак не рассчитывала, что администрация Джорджа Буша-младшего будет куда

менее лояльной и откажется даже от переговоров [8]. Такие стратегически неверные решения являлись причиной новой конфронтации, что вело к разрушению едва налажившихся отношений стран.

По мнению американского дипломата Р. Хааса, администрация президента Клинтона, не принявшая решительных действий в нужный момент, совершила ошибку, которая оказала негативное влияние на развитие последующих отношений США и КНДР, а также вызвала череду новых ядерных кризисов. Промедление привело к тому, что КНДР смогла взять фору во время паузы, не переставая исследовать новые методы для получения ядерного оружия, а также продолжать работу над его созданием. Р. Хаас считает, что именно в эти годы Северная Корея стала обладательницей ядерного оружия [2, с. 126]. Однако только в 2005 г. США официально признали наличие ядерного оружия у КНДР.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что Рамочные соглашения являлись скорее некой передышкой в отношениях США и КНДР, а не реальной попыткой налаживания отношений и возможности денуклеаризации Корейского полуострова. Несмотря на то, что еще к концу 90-х гг. XX в. разрешение первого северокорейского ядерного кризиса путем подписания этих договоренностей считалось удачным решением, дальнейшее развитие событий показало, что это не совсем так. США, пойдя на ряд дипломатических уступок и стараясь разрешить кризис мирным путем, на самом деле лукавили, надеясь на дальнейшее развитие событий не в пользу КНДР. Все стратегические ошибки в итоге привели к новому кризису, а также не достигли желаемого результата, поскольку смогли лишь приостановить выход Северной Кореи из ДНЯО, но не предотвратить его в целом.

Литература

1. Володин Д.А. США и Северная Корея: от Буша-старшего к Бушу-младшему // США – Канада: экономика, политика, культура. 2003. № 3. С. 33–52.
2. Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 320 с.
3. Nuclear (October 2018). URL: <https://www.nti.org/learn/countries/north-korea/nuclear/> (дата обращения: 18.05.2021).
4. Agreement of 30 January 1992 between the Government of the Democratic People's Republic of

Korea and the International Atomic Energy Agency for the Application of Safeguards in Connection with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc403.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

5. Дьячков И.В. Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии (2-я половина XX – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 226 с.

6. Письмо постоянного представителя Корейской Народно-Демократической Республики при Организации Объединенных Наций от 12 марта 1993 года на имя председателя Совета Безопасности. URL: <https://undocs.org/ru/S/25405> (дата обращения: 19.05.2021).

7. Резолюция 825 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3212-м заседании 11 мая 1993 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/825\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/825(1993)) (дата обращения: 23.05.2021).

8. Ланьков А.Н. Ядерная программа КНДР и перспективы решения вопроса // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/temnota-v-koncze-tunnelya/> (дата обращения: 20.05.2021).

9. Воронцов А.В. Политика США на Корейском полуострове в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2001. № 6. URL: http://1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/NEWHIST/01_06/COREA.HTM (дата обращения: 20.05.2021).

10. Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea, 21 October 1994. URL: <http://www.kedo.org/pdfs/AgreedFramework.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

11. Review of United States Policy Toward North Korea: Findings and Recommendations (October 12, 1999). URL: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/991012_northkorea_rpt.html (дата обращения: 21.05.2021).

12. Lawrence C. Normalization by Other Means: Technological Infrastructure and Political Commitment in the North Korean Nuclear Crisis // International Security. 2020. Vol. 45, № 1. P. 9–50.

13. Agreement on the Establishment of the Korean peninsula Energy Development Organization. URL: <http://www.kedo.org/pdfs/EstablishmentKEDO.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).

14. Joint U.S. – DPRK Press Statement, Kuala Lumpur, June 13, 1995. URL: <http://www.kedo.org/pdfs/KualaLumpur.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).

15. Agreement on supply of a light-water reactor project to the Democratic People's Republic of Korea between the Korean Peninsula Energy Development Organization and the Government of the Democratic

People's Republic of Korea. URL: <http://www.kedo.org/pdfs/SupplyAgreement.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).

16. Hecker S.S. Lessons learned from the North Korean nuclear crises // *Daedalus*. 2010. URL: <https://www.amacad.org/publication/lessons-learned-north-korean-nuclear-crisis#A6> (дата обращения: 23.05.2021).

17. Толорая Г.Д., Торкунов А.В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 131–146.

References

1. Volodin D.A. (2003). The USA and North Korea: from Bush Senior to Bush Junior. *SSHA - Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, No. 3, pp. 33-52. (in Russian).
2. Haass R. (2019). *A world in disarray*. Moscow, AST Publ., 320 p. (in Russian).
3. *Nuclear (October 2018)*. Available at: <https://www.nti.org/learn/countries/north-korea/nuclear/> (accessed May 18, 2021).
4. *Agreement of 30 January 1992 between the Government of the Democratic People's Republic of Korea and the International Atomic Energy Agency for the Application of Safeguards in Connection with the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons*. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc403.pdf> (accessed May 18, 2021).
5. D'yachkov I.V. (2015). *The Evolution of the North Korean Nuclear Program in the Context of Nuclear Nonproliferation in Northeast Asia (the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century)*. Dissertation Thesis. Moscow, 226 p. (in Russian).
6. *Letter dated March 12, 1993 from the Permanent Representative of the Democratic People's Republic of Korea to the United Nations addressed to the President of the Security Council*. Available at: <https://undocs.org/ru/S/25405> (accessed May 19, 2021). (in Russian).
7. *Resolution 825 (1993), adopted by the Security Council at its 3212th meeting, May 11, 1993*. Available at: [https://undocs.org/ru/S/RES/825\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/825(1993)) (accessed May 23, 2021). (in Russian).
8. Lan'kov A.N. (2017). The DPRK's nuclear program and prospects for solving the issue. *Rossiya v global'noi politike*, No. 3. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/temnota-v-koncze-tunnelya/> (accessed May 20, 2021). (in Russian).
9. Vorontsov A.V. (2001). U.S. Policy on the Korean Peninsula in the 1990s. *Novaya i noveishaya istoriya*, No. 6. Available at: http://1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/NEWHIST/01_06/COREA.HTM (accessed May 20, 2021). (in Russian).
10. *Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea, 21 October 1994*. Available at: <http://www.kedo.org/pdfs/AgreedFramework.pdf> (accessed May 20, 2021).
11. *Review of United States Policy Toward North Korea: Findings and Recommendations (October 12, 1999)*. Available at: https://1997-2001.state.gov/regions/eap/991012_northkorea_rpt.html (accessed May 21, 2021).
12. Lawrence C. (2020). Normalization by Other Means: Technological Infrastructure and Political Commitment in the North Korean Nuclear Crisis. *International Security*, vol. 45, No. 1, pp. 9-50.
13. *Agreement on the Establishment of the Korean peninsula Energy Development Organization*. Available at: <http://www.kedo.org/pdfs/EstablishmentKEDO.pdf> (accessed May 23, 2021).
14. *Joint U.S. - DPRK Press Statement, Kuala Lumpur, June 13, 1995*. Available at: <http://www.kedo.org/pdfs/KualaLumpur.pdf> (accessed May 23, 2021).
15. *Agreement on supply of a light-water reactor project to the Democratic People's Republic of Korea between the Korean Peninsula Energy Development Organization and the Government of the Democratic People's Republic of Korea*. Available at: <http://www.kedo.org/pdfs/SupplyAgreement.pdf> (accessed May 23, 2021).
16. Hecker S.S. (2010). Lessons learned from the North Korean nuclear crises. *Daedalus*. Available at: <https://www.amacad.org/publication/lessons-learned-north-korean-nuclear-crisis#A6> (accessed May 23, 2021).
17. Toloraya G.D., Torkunov A.V. (2016). The Nuclear Missile Threat on the Korean Peninsula: Causes and Responses. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No. 4, pp. 131-146. (in Russian).

УДК 967
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-39-42

РОССИЙСКИЕ УЧЁНЫЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ДАГЕСТАНА СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ПО 1930 ГОД

© 2021 г. Б.Б. Булатов^а, М.Ш. Гусейнов^а
^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

RUSSIAN SCIENTISTS AND THE DEVELOPMENT OF THE PRODUCTIVE FORCES OF DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY - 1930s

B.B. Bulatov^a, M.Sh. Huseynov^a
^a Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Булатов Башир Булатович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. М. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: dekanif@mail.ru

Bashir B. Bulatov –
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Gadzhieva Str., 43a, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: dekanif@mail.ru

Гусейнов Меджид Шабанович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. М. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: medzhidguseynov@mail.ru

Medzhid Sh. Huseynov –
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Gadzhieva Str., 43a, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: medzhidguseynov@mail.ru

Рассматривается деятельность российских учёных по изысканию месторождений нефти и других ресурсов в Дагестане начиная с середины XIX в. в условиях происходящих на Северном Кавказе военных действий. Приводятся сведения из работ академика Г. Абиха о природных богатствах Дагестана, впоследствии подтвержденные виднейшими учеными.

Отмечается большая работа, проведенная профессорами Д. В. Голубятниковым, К. П. Калицким и другими учеными в расследовании нефтеносных районов Дагестана.

В результате их деятельности появился завод «Дагестанские Огни», открыты новые нефтяные районы в Республике.

Ключевые слова: Россия, наука, Дагестан, учёные, нефть, русские учёные, Д. В. Голубятников, энергетика, газ.

The article examines the great work of Russian scientists in Dagestan since the middle of the 19th century. Despite the military actions taking place in the North Caucasus, scientists conducted exploration work of oil fields and other productive forces here. During this period, Professor and then Academician G. Abikh wrote scientific works on the natural resources of Dagestan. Subsequently, his discoveries were confirmed by the most prominent scientists.

In the article, we note the great work carried out by professors D. V. Golubyatnikov, K. P. Kalitsky and other scientists in the investigation of the oil-bearing regions of Dagestan.

As a result of their activities, the "Dagestanskiye Ognj" plant appeared, new oil regions in the Republic.

Keywords: Russia, science, Dagestan, scientists, oil, Russian scientists, D. V. Golubyatnikov, energy, gas.

Со второй половины XIX в. российские учёные приступили к проведению изыскательских работ в Дагестане. Известный геолог того времени Г. Абих дал следующую характеристику природным богатствам Дагестана: «Эта страна таит в себе гораздо

больше природных ресурсов, чем обычно предполагают, – ресурсы далеко ещё не оценены по достоинству современным местным населением. Я не знаю, чем была раньше эта страна, но я убедился, что Дагестан призван процветать, лишь бы удалось

упрочить в ней покой, поднять нравственный уровень населения и установить таким образом то социальное равновесие, отсутствие которого парализует самые лучшие начинания [1, л. 67].

В своем отзыве о природных богатствах Дагестана Г. Аби́х как специалист-геолог имел в виду главным образом перспективы горнодобывающей промышленности. Научная обоснованность точки зрения Г. Аби́ха на обилие недр Дагестана полезными ископаемыми никем не была опровергнута, наоборот, ряд исследований, производившихся после него Барбот-де-Марни, Андрусовым, Богдановичем и др., подтвердили её правильность.

Если к этому добавить, что Дагестан обладает кроме того значительными энергетическими, растительными и животными ресурсами, а также ценнейшими биологическими богатствами, то станет явным, насколько прав был Г. Аби́х, утверждая, что «Дагестан призван процветать».

О большом интересе российских и иностранных учёных в исследовании нефтеносных районов Дагестана красноречиво говорят их работы [2–13].

В 1902 и 1904 гг. русский учёный-геолог Д. В. Голубятников писал, что Дагестан по географическому положению своих нефтяных месторождений занимает середину между Апшероном (Баку) на юго-востоке и Грозным на северо-западе. Признаки и присутствие нефти на территории Дагестана обнаружены на огромной площади, почти по всей Прикаспийской равнине, углубляясь далеко в предгорья, занимая сотни тысяч десятин. С юга на север Каспийского побережья нефтеносные районы растянулись от сл. Хош-Мензиль Кюринского округа до Чирюрта и сел. Миатлы-Дылым [14, л. 51].

Начало промышленной эксплуатации Берикейской нефтяной площади было положено в самом конце XIX в. предпринимателями Котляковским, Любимовым и Балабановым, которые добывали небольшое количество нефти из скважин с глубины в 100–160 м.

Интерес к Берикейскому месторождению возрос в 1902 г., когда из глубокой скважины № 1 заброшенной бр. Нобель удар фонтана достиг 50 т легкой нефти в сутки, всего эта скважина дала около 40 тыс. т нефти.

В 1904 г. из скважины № 2 бр. Нобель с глубины 412 м забил ещё более мощный горячий фонтан нефти с дебитом 65 т в сутки.

В 1905 г. ударил фонтан из скважины № 1 промысла Бенкендорфа, которая давала из глубины 392 м по 20 т нефти в сутки и действовала почти до конца 1930-х гг. [1, л. 72].

Во всех местностях, где имело место разведочное бурение скважины, подтвердили их нефтеносность. Наиболее существенными по достигнутому результату являлись Берикейский и Каякентский районы.

На дагестанские залежи угля было обращено внимание многих учёных-геологов середины XIX в., в частности Хрещатинского (1847 г.), Гилеева (1860 г.), Г. Аби́ха (1862 г.), Больчевского (1866 г.), Лаврова (1895 г.), Медлера (1889 г.), Барбот-де-Марни (1894 г.), Андрусова (1898 г.), Богдановича (1902 г.) и др. Из советских исследователей (1920–1930-е гг.) наиболее обстоятельные работы принадлежали геологам Д. В. Добрышеву, В. П. Ренгартену и В. Д. Голубятникову-младшему.

Многие месторождения каменного угля в Дагестане разрабатывались с давних времён местным населением. Г. Аби́х отмечал высокое качество угля, служившего предметом рыночного оборота в Дербенте, использование его для Каспийского флота даю вполне удовлетворительные результаты [15, л. 76–77].

В. П. Ренгартен указывал на значительное развитие угленосных отложений Южного Дагестана в Табасаранском и Касумкентском районах, причём угольные месторождения в окрестностях сел. Хив являлись более доступными, чем все другие месторождения этого рода на Северном Кавказе [15, л. 77].

В 1895 г. русские предприниматели организовали товарищество «Кавказская ртуть». В 1901 г. владельцами Хпюкских рудников ртути стали англичане, которые создали общество «Английский синдикат Кавказских минералов». С 1916 по 1917 г. хозяином рудника был американский инженер Ван-Лю, начинаниям которого революция 1917 г. положила конец. Далее они перешли в руки советского государства.

В первые же годы советской власти в Дагестане продолжились крупные геологические исследования и разведка нефтеносных районов, которые завершились закладкой трёх глубоких буровых в Берикее, одной – в Каякенте, двух – в районе «Дагестанских Огней», трёх – в Махачкалинском и двух – в Хасавюртовском районах.

В первой половине 1920-х гг. для обследования дагестанских природных ресурсов в Республику прибыли геолог Нетунников, экспедиция в составе 6 человек – инженеры Разумовский, Терлицкий, Ковалёв и др., научные сотрудники Геологического комитета Д. В. и В. Д. Голубятниковы, Н. И. Стрижев, В. П. Ренгартен [16, л. 174].

В результате проделанной ими работы было выяснено, что газоносные слои района «Дагестанские Огни» имеют связь с Берикейским нефтеносным районом и могут послужить огромным топливным источником для будущего стекольного завода.

В статьях «Дагестанские нефтяные районы» и «К вопросу о восстановлении Берикейских нефтяных промыслов» Д.В. Голубятников даёт научное обоснование перспектив развития нефтяной и газовой промышленности Дагестана [14, л. 51–56].

За 1923–1924 гг. Берикейские и другие промыслы были восстановлены и переданы в ведение Дагестанского совнархоза. Также за эти годы в Берикее было добыто до миллиона пудов лёгкой нефти [14, л. 53]. На учете Дагестанского совнархоза в данное время состояло 14 скважин, из которых 11 давали нефть самотеком.

Российскими учеными было установлено, что в недрах Берикейского района нефть имеется в промышленных количествах. Для изучения нефтеносных районов Дагестана Академия наук СССР уже в первые годы советской власти направляла в Республику экспедиции под руководством ученых В. Н. Шилова, М. В. Водовозова, К. Калицкого [17, л. 16].

В 1924 г. К. П. Калицким был обнаружен нефтеносный район вблизи Порт-Петровска (который в годы Великой Отечественной войны стал основным промыслом по добыче нефти для снабжения страны).

В течение 1923–1926 гг. К.П. Калицким и Геологоразведочным бюро Грознефти были проведены геологические обследования и разведка ряда нефтеносных районов Северного Дагестана [16, л. 172].

В 1921–1925 гг. в Дагестане работали научные экспедиции специалистов-энергетиков в составе Рыдника, Теодоровича, Подускова и Зворыкина, которые провели изыскательские работы в бассейне р. Самур, что помогло определить места для будущих электростанций. Вскоре они были построены в горных аулах Хунзах, Гуниб, Ахты, Хаджал-Махи [18, л. 103–104].

Во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. в Республике продолжали работу геологические и энергетические экспедиции под руководством В.Д. Голубятникова, которые подготовили детальную геологическую карту предгорного Дагестана и заложили основу геологической оценки перспектив развития нефтяной промышленности Дагестана.

Отчёт В. Д. Голубятникова был рассмотрен в ВСНХ СССР, после чего была проведена разведка нефтяной полосы Каякент – Хош-Мензиль – Дузлак по побережью Каспийского моря [19, л. 27; 20, л. 1].

7 мая 1933 г. Президиум АН СССР принял постановление «Об организации работ по комплексному изучению производительных сил ДАССР». Для руководства данными работами и подготовки конференции был создан Оргкомитет, в состав которого вошли академики И. М. Губкин, Ф. Ю. Левисон-Лесинг, А. Е. Ферсман, Н. С. Курнаков, С. И. Солнцев, профессор В. А. Зеленко и др. (всего 33 человека) [21, л. 6; 22, с. 64].

8–11 мая 1933 г. Совет АН СССР по изучению природных ресурсов Дагестана провёл конференцию при участии президента АН СССР А.П. Карпинского, академиков С. И. Солнцева, Ф.Ю. Левисона-Лесинга. Конференция приняла расширенное постановление. В частности, в нём отмечалось, что Дагестан является перспективным регионом СССР благодаря многообразию имеющихся на его территории естественных природных богатств общесоюзного значения.

Во исполнение решений и рекомендаций АН СССР 3 и 10 мая 1933 г. и 18 мая 1935 г. в Москве и Махачкале состоялись совещания по изучению проектов Гергебильской ГЭС и Сулакстроя, на которых присутствовали академики А. В. Винтер, Б. Е. Веденеев, профессора В. А. Васильев, М. Е. Кноре, Босенко, а также представители правительства Дагестана. После ознакомления на месте с геологическими и техническими условиями и внесения поправок проекты в основном были одобрены [23, л. 3; 24, л. 1; 25, л. 1; 26].

В январе и марте 1934 г. при участии президента АН СССР академика А.П. Карпинского, академика С. И. Солнцева, а также ведущих ученых были организованы научные конференции по проблемам р. Сулак и Гергебильской ГЭС.

Подводя итоги проведенных исследований водных ресурсов и природных богатств Республики, на конференции отметили огромное значение гидроэнергетики для дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства Дагестана и Северного Кавказа [16, л. 12, 31–32].

В результате большой научно-исследовательской и изыскательской работы российских ученых и инженеров в Дагестане стали развиваться нефтяная, газовая, электроэнергетическая и другие отрасли народного хозяйства, кроме того, здесь были подготовлены профессиональные кадры со средним, а затем и с высшим образованием.

Литература

1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 260-р. Оп. 4. Д. 26.

2. Барбот-де-Марни Н.П. Отчет об исследовании минеральных богатств Дагестана: материалы для геологии Кавказа. 1894. Серия 2, 9.
3. Аби́х Г. Записки Российской Академии наук. 1862. Серия 7. Т. 4.
4. Голубятников Д.В. Берикейское нефтяное месторождение // Изв. геол. комитета. 1906. Кн. 7.
5. Калицкий К.П. Берикей // Изв. геол. комитета. 1911. Кн. 1.
6. Иванов А.П. Геологическое строение Берикей-Каякентской нефтяной местности // Труды Бакинского отделения Русского технического общества. 1905. Кн. 6-9.
7. Лебедев Н. Разведочные работы Бакинской губернии и Дагестанской области: материалы для геологии Кавказа. 1984. Серия 3.
8. Булгаков А. Берикейское нефтяное месторождение // Труды Терского отделения Императорского Русского технического общества. СПб., 1903.
9. Калицкий К.П. Геологическое исследование в окрестностях Петровска Дагестанской области // Изв. геол. комитета. 1902. Кн. 9.
10. Калицкий К.П. Геологическое исследование в окрестностях Темир-Хан-Шуры // Изв. геол. комитета. 1903. Кн. 1.
11. Андрусов Н.И. О геологии Дагестана // Землеведение. 1901. Кн. 1, 2.
12. ЦГА РД. Ф. 39-р. Оп. 6. Д. 34.
13. Гусейнов М.Ш. Вклад российских ученых, инженеров в развитие промышленности Дагестана (конец XIX в. – 30-е гг. XX в.) // Изв. Даг. пед. ун-та. 2010. № 3.
14. ЦГА РД. Ф. 39-р. Оп. 3. Д. 125.
15. ЦГА РД. Ф. 260-р. Оп. 11. Д. 26.
16. ЦГА РД. Ф. 39-р. Оп. 4. Д. 39.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 7. Д. 15.
18. ЦГА РД. Ф. 1318. Оп. 7. Д. 263.
19. ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 19. Д. 234.
20. ЦГА РД. Ф. 168-р. Оп. 8. Д. 25.
21. ЦГА РД. Ф. 178-р. Оп. 11. Д. 32.
22. Гусейнов М.Ш. Российская Академия наук и развитие производительных сил Дагестана в 1921–1940 // Вестн. Даг. науч. центра. 2004. № 18.
23. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2649.
24. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2372.
25. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3044.
26. ЦГА РД. Ф. 260-р. Оп. 12. Д. 105.

References

1. *Central State Archives of the Republic of Dagestan (CSARD)*. Fund 260-r. In. 4. File 26. (in Russian).

2. Barbot de Marni N.P. (1894). *Report on the study of the mineral resources of Dagestan: materials for the geology of the Caucasus*. Series 2, 9. (in Russian).
3. Abikh G. (1862). *Notes of the Russian Academy of Sciences*. Series 7, vol. 4. (in Russian).
4. Golubyatnikov D.V. (1906). Berikhey oil field. *Izv. geol. komiteta*, book 7. (in Russian).
5. Kalitsky K.P. (1911). Berikhey. *Izv. geol. komiteta*, book 1. (in Russian).
6. Ivanov A.P. (1905). Geological structure of the Berikhey-Kayakent oil area. *Proceedings of the Baku branch of the Russian Technical Society*, book 6-9. (in Russian).
7. Lebedev N. (1984). *Exploration work in the Baku province and the Dagestan region: materials for the geology of the Caucasus*. Series 3. (in Russian).
8. Bulgakov A. (1903). Berikhey oil field. *Proceedings of the Terek branch of the Imperial Russian technical society*. Saint Petersburg. (in Russian).
9. Kalitsky K.P. (1902). Geological research in the circumferences of Petrovsk, Dagestan region. *Izv. geol. komiteta*. Book 9. (in Russian).
10. Kalitsky K.P. (1903). Geological research in the vicinity of Temir-Khan-Shura. *Izv. geol. komiteta*, book 1. (in Russian).
11. Andrusov N.I. (1901). On the geology of Dagestan. *Zemlevedenie*, book 1, 2. (in Russian).
12. *CSA RD*. Fund 39-r. In. 6. File 34. (in Russian).
13. Huseynov M.Sh. (2010). The contribution of Russian scientists and engineers in the development of industry in Dagestan (late 19th century - 30s of the 20th century). *Izv. Dag. ped. un-ta*, No. 3. (in Russian).
14. *CSA RD*. Fund 39-r. In. 3. File 125. (in Russian).
15. *CSA RD*. Fund 260-r. In. 11. File 26. (in Russian).
16. *CSA RD*. Fund 39-r. In. 4. File 39. (in Russian).
17. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Fund 1318. In. 7. File 15. (in Russian).
18. *Central State Archive of the Russian Federation*. Fund 1318. In. 7. File 263. (in Russian).
19. *CSA RD*. Fund 37-r. In. 19. File 234. (in Russian).
20. *CSA RD*. Fund 168-r. In. 8. File 25. (in Russian).
21. *CSA RD*. Fund 178-r. In. 11. File 32. (in Russian).
22. Huseynov M.Sh. (2004). Russian Academy of Sciences and the development of the productive forces of Dagestan in 1921-1940. *Vestn. Dag. nauch. tsentra*, No. 18. (in Russian).
23. *CSA RD*. Fund 1-p. In. 1. File 2649. (in Russian).
24. *CSA RD*. Fund 1-p. In. 1. File 2372. (in Russian).
25. *CSA RD*. Fund 1-p. In. 1. File 3044. (in Russian).
26. *CSA RD*. Fund 260-r. In. 12. File 105. (in Russian).

УДК 93

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-43-47

БОРЬБА С ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2021 г. В.П. Егорова^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

THE FIGHT AGAINST INFECTIOUS DISEASES AMONG THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE 19th - BEGINNING OF THE 20th CENTURY

V.P. Egorova^а

^а Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Егорова Валентина Павловна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: egorova1406@mail.ru

Valentina P. Egorova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Korkmasova Str., 8, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: egorova1406@mail.ru

Рассматриваются различные средства борьбы с инфекционными болезнями у народов Дагестана в XIX – начале XX в. Анализируются материалы газеты «Кавказ» об инфекционных болезнях в Дагестане, зачастую проникавших из других регионов. Отражаются данные о реальном состоянии борьбы с эпидемиями, которую проводил военный комендант Дербента, и делается вывод о необходимости создания профилактических мер против инфекционных болезней.

Ключевые слова: инфекции, болезни, Дагестан, эпидемия, военный комендант, чума, холера, карантин, армия, медицина, врач.

Various means of combating infectious diseases among the peoples of Dagestan in the 19th and early 20th century are considered. The article analyzes the materials of the newspaper "Kavkaz" about infectious diseases in Dagestan, which often penetrated from other regions. The article reflects data on the real state of the fight against epidemics, which was carried out by the military commandant of Derbent, and a conclusion is made about the need to create preventive measures against infectious diseases.

Keywords: infections, diseases, Dagestan, epidemic, military commandant, plague, cholera, quarantine, army, medicine, doctor.

Современный мир уже второй год страдает от коронавирусной инфекции, унесшей миллионы человеческих жизней на всех континентах Земли. В нашей стране ученые-медики создали ряд средств борьбы с этой «чумой» XXI в. Формы борьбы с нею невольно возвращают нас в прошлое. Именно этим и объясняется выбор темы нашей статьи, посвященной различным средствам борьбы с инфекционными болезнями у народов Дагестана в XIX – начале XX в.

Сплошные инфекционные заболевания в прошлом приводили к массовой гибели жителей многочисленных населенных пунктов Дагестана. Так, по преданию, селение Лища в Верхнем

Кайтаге в свое время образовалось из населения семи сел, оставшегося в живых после стихийного бедствия, постигшего их в виде эпидемии [1, с. 100–101].

Исследователи Б.Б. Булатов и С.А. Лугуев, начиная раздел об инфекционных заболеваниях, подчеркнули, что эти недуги в Дагестане «на протяжении столетий» были «бичом для горцев», что чума погубила сотни и тысячи жителей Дагестана [2, с. 124]. Ими конкретно приводятся факты гибели сотен людей в 1890 г. от оспы, в 1892 г. – 10,5 тыс. человек от холеры [2, с. 124–128].

Инфекционные болезни в Дагестан зачастую проникали из других регионов. Так, летом

1813 г. чума появилась в Табасаране, Курахе и в окрестностях Дербента из Грузии, где она свирепствовала с 1810 по 1819 г. Чтобы обезопасить город Дербент, руководство организовало военную и гражданскую охрану. Однако по вине одного из горожан в начале ноября 1813 г. эпидемия проникла в город.

В связи с создавшимся положением дербентское городское начальство срочно предприняло ряд карантинных мер. Так, для заболевших на берегу моря были вырыты специальные землянки, в которые на 40 дней поселялись заболевшие и контактировавшие с ними люди, которые здесь подвергались врачебному осмотру и окуриванию «газом».

В городе были закрыты все общественные заведения, а жители обязаны были круглосуточно жечь навоз и окуривать себя газом, который представлял собой смесь пороха, нефти, серы, камфары, уксуса и чеснока [3, с. 702–703].

Несмотря на принятые меры, статистика пагубного воздействия эпидемии была неутешительной. За 2,5 месяца (с 8 ноября 1813 г. по 21 января 1814 г.) в городе заболело 122 человека, выздоровело 26 и умерло 96 человек, т.е. 78 %. В это же время 83 человека были за пределами города в карантине [3, с. 704].

По запросу военного коменданта Дербента в мае 1814 г. сюда были направлены лекари Попов из Севастополя и Драницын из Тифлиса. Одновременно из Тифлиса были получены «для очищения от заразы» 40 фунтов серной кислоты, 20 фунтов марганца, 80 фунтов поваренной соли. Это было весьма кстати, так как в июне-июле эпидемия достигла максимума, а в конце года пошла на убыль. В течение 1814 г. в городе умерли 423 жителя Дербента и 16 человек из нижних чинов военного гарнизона. Окончательно эпидемия прекратилась только к середине 1815 г. [3, с. 706].

В 1823–1824 гг. в Бакинской, Ширванской и Кубинской провинциях «свирепствовала холера-морбус». В середине 1829 г. она появилась в Табасаране. Поэтому возле Дербента был учрежден карантин, во время которого требовалось для дезинфекции окуривать каждого человека, проезжавшего и проходившего через Дербент.

С начала 1830 г. холера свирепствовала во всех провинциях, расположенных по побережью Каспийского моря. Летом она прекратилась, но осенью возникла в Дербенте. В это время в Казикумухских землях появилась болезнь, похо-

жая на чуму. Она от заболевших передавалась «через воздух» и «через дыхание» [4, с. 172].

17 апреля 1847 г. Дербент постигла холера. До 1 мая в городе заболело 94 человека, из которых умерло 41 (43,6 % от заболевших). Эпидемия продолжалась с 1 мая по 20 августа, но степень заболеваемости снизилась, о чем говорят цифры. За это время заболело 99 человек, умерло – 34 [4, с. 197].

В 1857 г. эпидемия холеры в Дербенте продолжалась недолго (с 7 сентября по 15 октября). Очевидно, она «пришла» из Шушинского и Кубинского уездов. За этот короткий срок в Дербенте заболело 73 человека, из которых 33 человека скончались [4, с. 29].

В конце июня 1866 г. военнотружущие из России занесли в Петровск холеру, «которая 12 сентября появилась и в Дербенте». Санитарный комитет принял оперативные меры по борьбе с эпидемией. 23 октября она прекратилась, «поразив 75 человек, из которых умерло 49, выздоровело 26» [4, с. 273].

В 60-х гг. XIX в. административные властные структуры разного уровня в Дагестанской области уделяли большое внимание вопросам медицины. Так, в конце ноября 1866 г. ими был утвержден управленческий штат г. Темир-Хан-Шуры, в который вошли такие «особые чины», как городской врач, повивальная бабка, старший лекарский ученик, в подчинении у которых находилось 25 лиц. Они входили в состав городского управления в качестве «особых чинов» [5, с. 290].

В 1872 г. корреспондент газеты «Кавказ» А. Китаев писал из Дербента, что в этом «благословенном городке» в начале сентября появилась «страшная, нелюбимая гостья-холера». По его словам, это обстоятельство стало источником «всевозможных тревожений».

Если судить по информации корреспондента, то это опасное заболевание было «привезено» в город одним отставным солдатом из кутана (стоянка пастухов на зимнем пастбище). Горожане, узнав об этом, были очень напуганы, так как в госпитале, где лежал заразившийся солдат, в течение одной недели заболели и умерли 40 человек. Ко времени написания статьи в газету в городе были предприняты «предупредительные меры», которые привели к значительному уменьшению заболевших и к надежде, что город скоро избавится от «этой докучной гостьи» [6].

О жизни дербентского общества в 1879 г. некто под литерами А.К. писал в газету «Кавказ»,

что в это время в городе царила апатия, горожане «мало думали, больше спали и ели». При этом он упомянул об известиях о ветряной оспе и о «принятых против нее санитарных мерах». Удивляет его необъективная оценка действий в этой ситуации жителей Дербента, о которых он писал: «...но что поделаешь более чем с 13 тысячами татар и евреев, у которых нечистоплотность переходит по традиции от предков к потомкам» [7].

В Хасав-юрте летом 1880 г. из-за антисанитарного состояния слободы часто появлялись такие острозаразные болезни, как дифтерит, оспа, корь. Жителей не обслуживал «постоянно занятый» окружной врач. Корреспондент «Кавказа» в связи с таким неблагоприятным положением здесь предлагал местным властям особенно «обратить внимание на дезинфекцию» данного населенного пункта [8].

У лезгин трудно поддавались лечению народными средствами такие заразные болезни, как тиф, корь, от которых ежегодно умирали тысячи жителей. Только в 1891 г. в Самурском округе от черной оспы, занесенной из Елизаветпольской губернии, погибло несколько сотен человек. В некоторых селениях корь унесла много жизней. В Кюринском округе были случаи заболевания брюшным тифом.

Плоскостные лезгинские территории являлись рассадниками малярии и лихорадки, которые разносились по всей области.

Положение усугублялось и тем, что в данном районе инфекционные больные не изолировались, так как для этого не было специально приспособленных помещений. В 1891 г. в Кюринском округе малярия занимала первое место по числу заболевших, многие из которых умерли [9, с. 259–260].

В 1829 г. холера посетила г. Темир-Хан-Шуру. Однако чистота города, личный надзор за ним князя Н.З. Чавчавадзе и полицмейстера В.И. Коломейцева, постройка специальных барачков, активная деятельность городских врачей не дали «страшной гостье» ни простора, ни силы. В городе был организован сбор средств в помощь беднейшему населению, врачам оказывал помощь частный санитарный отряд, организованный из евреев-ремесленников [10, с. 175–176].

В июле 1892 г. бакинскими рабочими в Дербент была занесена азиатская холера. Она продолжалась с 8 июля по 25 сентября. Всего заболело 241 человек, из которых умерло 146, т. е.

60,58 % от заболевших. (В июле-августе заболело 27 человек, умерло 14). Для лечения такого большого количества заболевших был построен барак всего на 10 человек [4, с. 289].

В конце XIX в. (в 1895 г.) в Кайтаго-Табасаранском округе заболело оспой, дизентерией, конъюнктивитом, сифилисом, малярией, чесоткой 2484 человека. В 1896 г. в округе оспа привита 1262 детям из 2124 новорожденных [1, с. 207].

В Дагестане в XIX в. такие инфекционные болезни, как малярия, оспа, тиф, холера, появлялись (возникали) систематически [11, с. 5].

Фельдшер Н. Львов в Аварском округе привил оспе 710 детям [11, с. 7].

В 1896–1900 гг. в Дагестане число заболевших малярией увеличилось с 6867 человек до 24 335, т. е. более, чем в 3,5 раза. Русские врачи Стрижевский, Блажевич, Новомарьевский в Петровске и Дербенте активно работали над проблемами осушения болот [11, с. 8].

В регионе «периодически» вспыхивали эпидемии холеры, брюшного тифа и оспы. В 1892 г. «холерой было поражено 540 селений». Среди мер борьбы против эпидемий названы караулы, которые выставлялись у домов, где проживали заболевшие, а также, как и в другие времена, организовывали холерные бараки. При борьбе с оспой широко использовали оспопрививание, что приводило к уменьшению числа заболевших ею. О резком снижении заболеваемости в последнем десятилетии XIX в. свидетельствует следующая статистика: в 1896 г. заболело 84 335 чел., в 1897 г. – 5616 чел., в 1899 – 1524 чел., в 1900 г. – 1002 чел., т. е. она снизилась более, чем в 8 раз [11, с. 8].

В апреле 1898 г. Кюринский окружной врач Вирсаладзе выступил на заседании антропологического общества при Военно-медицинской академии с докладом о трепанации черепа у горцев Дагестана. В нем он затронул и интересующую нас тему. Так, например, в 9 округах Дагестана были тюремные отделения, состоявшие из одной комнаты, в которой сидели по 15–20 человек заключенных, среди которых чаще всего и появлялись заразные болезни.

В Кюринском округе, где он служил, были распространены такие инфекционные болезни, как болотная лихорадка и сифилис. А «эпидемии оспы, кори и кровавого поноса» бывали в округе ежегодно [12].

С.Ш. Гаджиева писала, что у кумыков «огромное число детей» умирало «от непрерыв-

ных вспышек натуральной оспы». В 1902 г. в Каякенте она «приняла угрожающий характер». В Нижне-Кайтагском участке с 8 по 15 сентября 1902 г. заболело оспой 44 чел., умерло – 28. В сел. Эрпели Темир-Хан-Шурина округа с 1 янв. по 15 марта 1903 г. умерло 83 чел. [13, с. 123].

21 марта 1903 г. собрание уполномоченных г. Дербента обсуждало прошение о назначении промышленного врача для арендаторов рыбных вод. Эти функции были возложены на санитарного врача города, который должен был следить за его санитарным состоянием и вновь построенным холерным баракком [4, с. 411].

Вопрос о принятии мер против инфекционных болезней обсуждался в городе многократно, особенно «во время ожидания эпидемий». В этой связи санитарное состояние барака для больных холерой, сохранившегося с 1892 г., было улучшено, так как городу грозила возможность занесения чумы. В марте 1897 г. городские власти ассигновали старосте деньги для покупки дезинфекционных средств, в том числе и противочумной сыворотки. На случай появления чумы из Закавказья бедные горожане обеспечивались едой и одеждой. Ожидание чумы и холеры продолжалось в течение 1903–1904 гг. Слухи о холере усилились летом.

В эти годы городские власти оборудовали специальный барак для будущих больных холерой и чумой, снабдив его специальным медперсоналом. В учебные заведения решено было завести аппараты Орлова для кипячения воды. К счастью жителей и властей в это время эпидемия не появилась [4, с. 412].

Русский врач С.М. Казаров упрекал начальника Кайтаго-Табасаранского округа, который запрещал врачам проводить с населением крайне необходимые санитарно-просветительские беседы, так как в селах округа «свирепствовала среди детей корь». Он же говорил, что бороться со множеством болезней взрослых и детей мешало бедственное положение местного населения, изнывавшего от голода, нищеты и эпидемий [4, с. 352].

Врач Андриевский разработал меры борьбы против инфекционных заболеваний, внедрив практику использования хинина при лечении малярии [4, с. 353].

Г.Ш. Каймаразов подчеркнул, что «почти ежегодно свирепствовали эпидемии оспы, тифа, кори, скарлатины», уносившие «в могилу сотни жизней» [4, с. 354].

Как мы видим, к концу XIX – началу XX в. на Кавказе власти начали проводить постоянную санитарно-просветительскую работу, принимать меры борьбы против инфекционных болезней [14, с. 114]. Но несмотря на различные противоэпидемиологические мероприятия, в них не было системы, они носили чрезвычайный характер. Поэтому так часты были вспышки эпидемий и инфекционных заболеваний. Медицинских кадров было мало, средств недостаточно, все в совокупности ограничивало возможности влияния властей на общее состояние медицины в Дагестане.

Литература

1. Алимova Б.М. Кайтаги XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1998. 232 с.
2. Булатов Б.Б., Лузуев С.А. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII – XIX вв. 2-е изд. Махачкала, 2004. 230 с.
3. Гусейнов Г.Б. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала : Юпитер, 2005. 770 с.
4. Козубский Е.И. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. 468 с.
5. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура : Русская типография В.М. Сорокина, 1902. Т. I. 390 с.
6. Кавказ. 1872. № 112.
7. Кавказ. 1879. № 124.
8. Кавказ. 1880. № 191.
9. Ризаханова М.Ш. Лезгинy. XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала : Эпоха, 2005. 313 с.
10. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904. Вып. II.
11. Гасанов М.М. Вклад русской интеллигенции в формирование и развитие системы здравоохранения в Дагестане в XIX веке // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. История. Педагогика. Психология. 2012. Вып. 4.
12. Врач. 1898. № 31.
13. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1960. 171 с.
14. Гарунова Н.Н. К вопросу об изучении и развитии организации медицинской помощи на Кизлярщине в XIX – начале XX в. // Эколого-экономические проблемы общества в системе ценностей молодежи : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвященной 274-летней годовщине города Кизляра (24–26 сентября 2009 г.). Махачкала : ДГУ, 2009. С. 114–117.

References

1. Alimova B.M. (1998). *Kaitagi of 19th - early 20th century. Historical and ethnographic research*. Makhachkala, 232 p. (in Russian).
2. Bulatov B.B., Luguev S.A. (2004). *Essays on the history of the spiritual culture of the highlanders of Central Dagestan in the 18th - 19th centuries*. 2nd ed. Makhachkala, 230 p. (in Russian).
3. Huseynov G.B. (2005). *Brief encyclopedia of the city of Derbent*. Makhachkala, Yupiter Publ., 770 p. (in Russian).
4. Kozubsky E.I. (1906). *History of Derbent*. Temir-Khan-Shura, 468 p. (in Russian).
5. *Dagestan collection*. (1902). Temir-Khan-Shura, Russian Printing House of V.M. Sorokin, vol. I, 390 p. (in Russian).
6. *Kavkaz*. (1872). No. 112. (in Russian).
7. *Kavkaz*. (1879). No. 124. (in Russian).
8. *Kavkaz*. (1880). No. 191. (in Russian).
9. Rizakhanova M.Sh. (2005). *Lezgins. 19th - early 20th century. Historical and ethnographic research*. Makhachkala, Epokha Publ., 313 p. (in Russian).
10. *Dagestan collection*. (1904). Temir-Khan-Shura, iss. II. (in Russian).
11. Hasanov M.M. (2012). The contribution of the Russian intelligentsia to the formation and development of the health care system in Dagestan in the 19th century. *Vestn. Dagestanskogo gos. un-ta. Istoriya. Pedagogika. Psikhologiya*, iss. 4. (in Russian).
12. *Vrach*. (1898). No. 31. (in Russian).
13. Gadzhieva S.Sh. (1960). *Material culture of the Kumyks*. Makhachkala, Dagestan Book Publishing House, 171 p. (in Russian).
14. *Garunova N. N.* (2009). On the question of the study and development of the organization of medical care in the Kizlyar region in the 19th - early 20th century. *Ecological and economic problems of society in the system of values of youth*. Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference dedicated to the 274th anniversary of the city of Kizlyar (September 24-26, 2009). Makhachkala, Dagestan State University Press, pp. 114-117. (in Russian).

УДК 94(47)
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-48-58

АРОН ФРЕНКЕЛЬ. СУДЬБА РОСТОВСКОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА: ОТ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ ДО КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СТАЛИНСКОГО ТЕРРОРА

© 2021 г. С.А. Кислицын ^а

^а Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

ARON FRENKEL. THE FATE OF THE ROSTOV REVOLUTIONARY: FROM THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR ON THE DON TO THE CHINESE REVOLUTION AND STALIN'S TERROR

S.A. Kislitsyn ^а

^а South Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Кислицын Сергей Алексеевич –
доктор исторических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Sergey A. Kislitsyn -
Doctor of History, Professor,
South Russian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya Str., 70, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Освещается политическая биография донского большевика, деятеля второго плана А.А. Френкеля, сыгравшего заметную роль во время Гражданской войны на Дону. Отмечается его участие в составе трагической экспедиции Ф.Г. Подтелкова. Оценивается работа в качестве секретаря Донбюро РКП(б) – специального большевистского органа по организации подпольной работы в тылу войск Деникина. Обращается внимание на опосредующее влияние чрезвычайного характера борьбы Донбюро РКП(б) с деникинским режимом на проведение в принципиально новых условиях после освобождения региона от белых войск экстремистской политики террористического раскачивания. Сделана попытка объяснить его отказ от жестокой антиказачьей политики и последовавший конфликт с большинством Донбюро. Освещается его партийная работа после Гражданской войны. Способствуя укреплению сталинско-большевистского режима, Френкель стал его ревнителем и имманентной жертвой в период кадровых репрессий 1930-х гг. Френкель как типичный большевистский руководитель регионального уровня отразил в своей биографии характерные черты большевизма как уникального феномена.

Ключевые слова: А.А. Френкель, Донбюро РКП(б), Гражданская война, большевизм, раскачивание, сталинизм, репрессии.

The article highlights the political biography of the Don Bolshevik, the Bolshevik figure of the second plan A.A. Frenkel, who played a significant role during the civil war on the Don. Special attention is paid to Frenkel's activities as part of the tragic expedition of F.G. Podtelkov, his work as a secretary of the Donburo of the RCP(b) - a special Bolshevik body for organizing underground work in the rear of Denikin's troops. Attention is drawn to the mediating influence of the extraordinary nature of the struggle of the Donburo of the RCP(b) with the Denikin regime on the implementation of an extremist policy of terrorist storytelling in fundamentally new conditions after the liberation of the region from the white troops. An attempt to explain his rejection of the cruel anti-Cossack policy and the subsequent conflict with the majority of the Donburo is made. His party work after the Civil War is covered. Contributing to the strengthening of the Stalinist-Bolshevik regime, Frenkel became its zealot and immanent victim during the period of personnel repression of the 1930s. Frenkel, as a typical Bolshevik leader at the regional level, reflected in his biography the characteristic features of Bolshevism as a unique phenomenon.

Keywords: A.A. Frenkel, The Donburo of the RCP(b), The Civil War, bolshevism, decossackization, Stalinism, repression.

Имя политического деятеля А. Френкеля известно историкам, однако его биография до сих пор не обобщена и не оценен ряд событий в его жизни. Имеются биографические справки в монографии В.Н. Сергеева [1] и в сети Интернет, которые не дают полного представления об этом видном большевике, хотя и второго плана, но сыгравшем определенную роль в жизни Дона и других регионов. В основу статьи положены архивные материалы, сведения из сборников документов партийных и советских организаций, биографических сайтов, блогов в социальных сетях о жертвах сталинских репрессий [2–16].

Арон Абрамович Френкель родился в 1894 г. в семье служащего, в Елизаветграде (по некоторым источникам – в гор. Жеребец Екатеринославской губернии). С пяти лет он рос без отца, с матерью проживал в Варшаве, где и получил начальное и среднее образование. Зарабатывал на жизнь частными уроками. В 1912 г. Френкель вступил в русскую секцию партии социал-демократов Польши и Литвы. Выполняя партийные поручения, он участвовал в пропагандистских кружках, распространял листовки, был хранителем подпольной библиотеки. С 1914 г. интеллигентный еврейский юноша учился в Петроградском психоневрологическом институте, но был вынужден покинуть столицу. В 1915–1917 гг. продолжил учёбу на естественном отделении физико-математического факультета в Донском университете – бывшем Варшавском императорском университете, эвакуированном из-за Первой мировой войны в Ростов-на-Дону.

В условиях нарастания революционного подъема в стране он активно занимался под-

польной работой в социал-демократических пропагандистских кружках. Когда началась революция 1917 г., Френкель как один из образованных большевиков города стал членом Донкома РСДРП, членом исполнительного комитета Ростово-Нахичеванского городского Совета. Он был представителем Ростовского комитета РСДРП(б) на заводе «Донсода». После Октябрьского переворота в Ростове-на-Дону занимался изданием большевистских газет «Наше знамя» и «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов».

Френкель позднее вспоминал: «С помощью красноармейцев мы взяли в свои руки типографию Совета, что на Почтовой улице, которая тогда еще находилась у меньшевиков. Мною было написано воззвание от ревкома, несколько страничек, ряд приказов всякого рода назначениях, которые были мне известны, и информации про события в России и Ростове. В типографии закипела работа. Тов. Селиванов набирал и помогал верстать газеты. К утру первая большевистская газета была готова... Ты и передовик, и хроникер, и редактор, и корректор. Тут же было в первые дни с информацией из Питера. Но на “Колхиде” (яхта на реке Дон. – С.К.) было радио. И мы стали тайком отсюда получать первые декреты Совнаркома, отчеты заседаний ВЦИК... Буржуазная контрреволюция, захватившая телеграф в свои руки была вне себя от изумления, читая наши питерские телеграммы» [17]. Френкель вспоминал также налеты казаков на типографию, помощь красногвардейцев в защите редакции и др.

15 ноября 1917 г. в Ростове-на-Дону был создан Военно-революционный комитет объединенной демократии (ВРК ОД) в составе 39 человек. Френкель стал членом этого органа наряду с известными революционерами С.И. Сырцовым, С.Ф. Васильченко, М.П. Жаковым, П.Г. Блохиным, И.В. Решетковым, И.И. Равиковичем и др. Он вспоминал: «В рабочих большевистских кругах Ростова определилось два течения. Странники одного течения настаивали на немедленном выступлении против Новочеркаска, мотивируя это необходимостью предупредить выступление белых, но до смешного не учитывали соотношение сил сторон. Странники второго течения предостерегали от преждевременного активного выступления, так как это только даст на съедение Новочеркасску и без того слабые революционные силы и только ускорит мятеж, кинув сразу в объятия Каледина

все казачьи станицы и что было опаснее всего – фронтное казачество. И поэтому предлагали заняться усиленной мобилизацией своих сил и ослаблением сил Каледина, ведя широкую агитацию в казачьих частях... Второе течение оказалось более жизненным и взяло верх» [18, с. 8].

Однако в среде революционеров не было единства. Несмотря на все усилия ВРК ОД по объединению левых сил против контрреволюции, меньшевики и эсеры игнорировали совместную деятельность по защите революции. Помощь тральщиков черноморских революционных моряков имела больше моральный эффект, чем военный. С прибытием на Дон бежавших из Петрограда и Москвы многочисленных политиков и офицеров казачий Новочеркасск получил уверенность и силы для своих действий против пролетарского Ростова. Каледину удалось мобилизовать свои ресурсы и в итоге большевики потерпели поражение. После шестидневных боев на улицах города 2 декабря 1917 г. под ударами казаков-калединцев и добровольцев-алексеевцев Советская власть в Ростове пала. Генерал Каледин триумфально въехал в Ростов, где его ждала восторженная встреча местной буржуазии.

С декабря 1917 г. по июль 1918 г. Френкель был членом Донского областного революционного комитета, действовавшего за пределами Ростова-на-Дону. Это был период, когда началась тяжелая борьба левых сил за восстановление в области Советской власти. С.И. Сырцов вспоминал, что в Воронеже издавались «Известия Военно-Революционного Комитета», которые вел Френкель, и которые должны были явиться основным органом связи и организации. «Этот филиал Донского комитета при поддержке Воронежской парторганизации взял на свои слабые плечи дело разложения казачества и организации шахтеров» [19, с. 191].

Френкель принял активное участие в Воронежском совещании делегатов Советов Дона при обсуждении доклада Сырцова о текущем моменте и доклада Кудинова о позиции казачества. Делегаты сформировали руководящее ядро будущей Донской республики и приняли судьбоносное решение о перемещении совещания в Каменскую, где проходил съезд фронтного казачества. 19 февраля 1918 г. здесь произошло объединение Донского казачьего ВРК и нового Донского областного ревкома, в который входил Френкель. Новый ВРК едва не был уничтожен под Миллеровом, но его спасли красные части и 27-й каза-

чий полк под командованием Голубова. Под их напором режим Каледина рухнул и 23 февраля подошедшие советские войска под командованием Сиверса заняли Ростов-на-Дону.

Френкель был участником учредительного, первого и последнего съезда Донской Советской республики, начавшего работу 9 апреля 1918 г. Создание этой республики было проявлением стремления новой власти к компромиссам. Во-первых, на съезде была создана, как и в центре, коалиция партий большевиков и левых эсеров, которая проявилась в формировании органов власти на двухпартийной основе. Во-вторых, новая республика учитывала условия казачьего края и во главе ее были поставлены казаки левые эсеры Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков и казак-большевик В.С. Ковалев. Фактически это была казацко-рабоче-крестьянская республика, на которую большевики возлагали очень большие надежды в плане решения казачьей проблемы, обозначаемой распространенным в то время тезисом «Дон-Вандей». Но все эти компромиссы большевиков оказались нереалистичными и долго не просуществовали.

Левые социалисты-революционеры (эсеры) стали категорически осуждать вынужденное подписание большевиками Брестского мира и в конце концов подняли в Москве антибольшевистский мятеж, который поставил крест на коалиционном правительстве.

Против Брестского мира выступало также движение «левых коммунистов» в составе РКП(б), требовавшее революционной войны с Германией даже ценой полного поражения России. В период функционирования съезда Донской республики Френкель вместе с А.С. Бубновым, С.И. Сырцовым и с левыми эсерами отстаивал радикальную позицию «левых коммунистов» в ходе дискуссий по этому вопросу. Он трижды публично выступал против подписания этого договора и даже вошел в конфликт с присланным в Ростов выдающимся большевиком Г.К. Орджоникидзе, который с трудом сумел поправить ситуацию. В силу своей молодости (как он позднее написал, «революционного младенчества») Френкель не понимал, что революционная война с Германией при отсутствии тогда еще новой армии приведет к немедленному краху суверенитета России.

Но «левые коммунисты» были горячие, преданные, искренние борцы за революцию, готовые и стремившиеся умереть за нее в боях. И они, как правило, остались такими же на протя-

жении всей Гражданской войны. Поэтому многие из них потом протестовали против нэпа и поддерживали идею перманентной революции Троцкого. А Френкель троцкистом не стал, но левокоммунистическая психология чувствовалась в нем всю его жизнь. Он был последовательным членом партии и фанатиком революции. Именно как убежденный большевик он был избран в состав президиума Центрального исполнительного комитета советов Донреспублики, который возглавляли большевики Г.К. Орджоникидзе, В.С. Ковалев, С.И. Сырцов, С.А. Кудинов, левые эсеры Ф.Г. Подтелков, М.В. Кривошлыков.

В это время на Дону вновь активизировалась контрреволюция. Френкель очень эмоционально описывал эту ситуацию спустя два года: «Контрреволюционное казачество неистовало. Революционное наступление фронтового казачества, осевшего после возвращения с фронта по реакционным станицам, остыло, под конец оно было совершенно подавлено воспрянувшими духом стариками. Сопrotивлявшиеся фронтовики убивались своими же отцами, немногим удалось бежать в ряды отступавших красных войск. Взбесившиеся старики-казаки с вилами, лопатами и граблями в руках, женщины и дети, участвуя в разведках, помогали портить и разрушать мосты и железнодорожные пути, и подталкиваемые ими плохо вооруженные молодые казаки густой саранчой поднялись против Красной гвардии, против рабочих и крестьян. Казачий Дон бурно всколыхнулся и захлебнулся в широком и быстро росшем контрреволюционном мятеже. Кровавый угар охватил весь Дон (выделено нами – С.К.). По обильно пролитым революционной кровью рабочих и крестьян донским полям и степям зашагали немецкие полки и быстро сколоченные офицерско-кулацкие банды» [18, с. 25; 20].

1 мая 1918 г. он был вместе с большевиками К. Кирста, А. Орловым, А. Фроловым в числе 130 участников мобилизационной экспедиции во главе с Подтелковым и Кривошлыковым на север Дона. Ее задачей было устройство военной базы, формирование войсковых казачьих частей и отправки их в распоряжение Чрезвычайного штаба. Надо сказать, что расчет на немедленную массовую поддержку казачеством советской власти оказался ошибочным, а сама экспедиция была плохо подготовлена, не имела четких планов и в целом носила стихийный характер. Все решал казак Подтелков, а советы

группы большевиков («пятерки» во главе с Френкелем) в расчет им мало принимались.

По пути экспедиция встретила с отрядами Щаденко, которые вдоль железной дороги пробились к Царицыну, но Подтелков отказался к ним присоединиться. Контрреволюционные казаки во главе с атаманом Спиридоновым окружили экспедицию и предложили сдать оружие, пообещав пропуск отряда на Север. Подтелков как бывший эсер верил в общеказачью солидарность и поверил обещаниям своего бывшего сослуживца Спиридонова. Но белоказаки отказались выполнять свое обещание и попросту обманули, в результате чего рядовые красные казаки были расстреляны, а Подтелков и Кривошлыков – повешены. Следует отметить, что в годы Гражданской войны такие методы борьбы были не редкость и воспринимались казаками как некие военные хитрости, допустимые по отношению к своим врагам.

Френкелю и нескольким товарищам (всего уцелело 12 человек) удалось избежать гибели. Когда они направлялись к месту сбора экспедиции для сдачи оружия, они услышали обращенные к ним слова Подтелкова: «Не ходите туда, кто может удирай» [18, с. 18]. Сам Подтелков не захотел скрываться, наивно надеясь на пресловутое казачье братство. Френкель покинул улицу и пришел на удачу в первую попавшуюся крестьянскую хату, где отсиделся до темноты. Помочь своим товарищам они ничем не могли, а крестьяне не собирались братья за оружие и спасать казачью экспедицию. Спустя некоторое время после гибели экспедиции Френкель и его товарищ прибыли в станицу Сосырскую, занятую отрядами Щаденко. На митинге они рассказали о трагедии героических подтелковцев. Во второй половине мая Френкель приехал в Царицын, где присоединился к уцелевшим работникам Донской Советской республики.

Через два года Френкель написал в ростовской газете, что трудовой Дон потерпел 10 мая два жестоких и тяжелых поражения: «В Сосыске, на рубеже Дона и Кубани, два поезда с отступающими из Ростова революционными рабочими с партийными и советскими работниками были настигнуты белогвардейскими бандитами генерала Эрдели... Уцелевшие товарищи не помнят, кто именно пал в этой жуткой и отчаянной схватке с белогвардейцами... Того же 10 мая на север Дона отправлялась в Медведицкий и Хоперский округа небольшая казачья экспедиция. Она шла звать молодое казачество воору-

жаться и выступить против контрреволюционного мятежа. В Поляковско-Наглинской волости эта экспедиция была предательски окружена тысячами белыми бандами. Обманном образом экспедиция была обезоружена и отведена в глухой хутор Пономарев, Краснокутский стан, где самым зверским образом убита, 83 человека расстреляно, вожди – Подтелков и Кривошлыков – повешены... **Трудовой Дон отомстил за свои поражения и ошибки, он искупил свои жертвы** (выделено нами. – С.К.)» [21; 4, с. 81].

Последняя фраза, выделенная нами, особенно значима, так как она показывает смысл и значение этих событий для политики донских большевиков. Френкель тогда же написал историко-мемуарную работу о легендарной экспедиции Подтелкова «Орлы революции», которая стала важным источником и для историков Гражданской войны и для романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». В книге было подчеркнуто, что сразу после гибели подтелковцев в Донецком округе, а затем повсеместно развернулась «ожесточенная и упорнейшая гражданская война». И в ходе этого противостояния лучшие из казаков становятся «орлами революции». Френкель с объяснимым пафосом формулировал и объяснял эту мысль так: «Рядовые рабочие и крестьяне, лучшие из молодого казачества, пробудившись к новой жизни явили миру миллионы случаев благороднейшей самоотверженности, бесстрашия, самых возвышенных порывов. Закаляясь и развиваясь в этой тяжелой борьбе, рядовые труженики только вчера насильно безропотно служившие старому миру, миру насилия и гнета, **из темных и серых людей превращаются в сознательных, орлиным полетом** (выделено нами. – С.К.), готовя себя к обществу высшей культуры нового коммунистического общества» [18, с. 6].

После захвата белыми Ростова-на-Дону Френкель стал одним из основных работников Донбюро ЦК РКП(б), руководил подпольной работой в тылу войск Краснова и Деникина. Донбюро РКП(б) было создано распоряжением ЦК РКП(б) в начале сентября 1918 г. в качестве особого партийного центра, действовавшего при организационно-технической поддержке политотдела Южного фронта. Главной задачей Донбюро была тайная организация нелегальной стачечной и повстанческой деятельности в тылу белых. Френкель в составе группы членов Донбюро РКП(б) – С.И. Сырцова, П.Г. Блохина, С.Л. Лукашина, И.А. Дорошева – занимался

налаживанием партийных агентурных связей из Курска и Воронежа с подпольщиками на Дону.

Как ответственный технический секретарь и член Донбюро (легитимным политическим руководителем этого органа был Сырцов) Френкель сообщал в Москву, что в Ростове был создан Ростово-Нахичеванский комитет РКП(б) и партийные районные ячейки, которые вели работу среди рабочих, крестьян, мобилизованных казаков и в оккупационных войсках [5, с. 201].

20 декабря 1918 г. он докладывал в ЦК РКП(б) о создании партийных комитетов также в Новочеркасске, Александровске-Грушевском, Таганроге, Макеевке, Матвеевом Кургане, Енакиеве, Харцизске, Вергунке и Миллерово: «В Ростове имеется подпольная типография, присланная из Курска, частью привезенная из Новочеркасска». После ряда провалов подполья Френкель обратил внимание, что угрозу для положительной партийной работы представляют авантюристы, деклассированные и не дисциплинированные элементы, которые «широко творили свое черное дело дискредитирования Советской власти в глазах этих же темных казачьих отчасти крестьянских масс... Вот почему мы от имени партийных организаций просим ЦК сейчас и в будущем направлять на Дон возможно больше товарищей из центра, только хорошо дисциплинированных и весьма надежных» [5, с. 221].

После наступления Красной Армии и постепенной ликвидации на местах денкинских и белоказачьих структур управления Донбюро и вновь созданное Гражданское управление (Гражданупр) РВС Южфонта занялись формированием органов Советской власти и созданием системы безусловного подчинения им казачества. Это была чрезвычайно серьезная, трудно решаемая проблема, требовавшая беспрецедентных мирных усилий, к которым Донбюро, как оказалось, было совершенно не готово, как, впрочем, и казачество.

Среди региональных коммунистов наблюдались две тенденции в отношении проблемы казачества, которое в разгар Гражданской войны в основном перешло на сторону атамана Краснова. Первая тенденция проявлялась в радикально-экстремистских действиях большевиков Сырцова, Ларина, Лукашина, Блохина, Решеткова, Васильченко, того же Френкеля, не простивших белоказакам расстрела экспедиции Подтелкова и падения Донской Советской республики. Они

хорошо знали о масштабах красновского белого террора в 1918 г., число жертв которого достигало нескольких десятков тысяч человек. С. Васильченко в известном отчете Донского Совнаркома для ВЦИК сделал вывод о сословном характере противостояния в регионе. Очень важно подчеркнуть, что Донбюро было не обычным территориальным партийным органом, а особым и даже чрезвычайным, так как оно работало в самом тесном контакте с подпольными большевистскими организациями за пределами советской зоны. В. Васильев-Шмидт, П. Москатов в своих мемуарах освещали, как подпольщики подвергались в тылу добровольческой армии Деникина преследованиям контрразведки. Только в мае 1919 г. было арестовано более 60 участников подполья, часть из которых была расстреляна, что вызывало особые чувства и желания мести у их товарищей. Революционная работа в подполье, организация стачек и партизанских отрядов в тылу деникинцев, акты террора – все вместе требовало от Донбюро мобилизации всех интеллектуальных и психологических ресурсов, непреклонности, решительности, активизации боевого духа [9, с. 128].

Это конкретное обстоятельство более чем заметно повлияло в ментально-психологическом плане на отношение большевиков не только к красновскому и деникинскому режимам, но и к казачеству, которое некоторое время было их главной опорой и ударной кавалерийской силой. Именно классовая ненависть к деникинцам и белоказакам провоцировала требования донских большевиков к ЦК РКП(б) ужесточения казачьей политики. Когда начались ответные восстания казаков, членам Донбюро приходилось лично и конкретно, рискуя жизнью, практически участвовать в подавлении реальных антисоветских выступлений казачества и нести ответственность за успехи и поражения перед центром. Частичный успех восстаний, например вешенского, повлек за собой целый ряд тяжелых военных последствий и новое, вполне логичное ужесточение партийно-политических взглядов на казачество. Особенно усердствовал прибывший с Урала на Дон один из организаторов убийства царя А.Г. Белобородов.

Вторая тенденция в деятельности Донбюро отражала более умеренные взгляды на проблему террора и требования политики привлечения колеблющихся казачьих масс на сторону Советской власти. Такое мнение выражали высокопоставленные большевики, армейские командиры

и комиссары: Г.Я. Сокольников, представитель казачьего отдела ВЦИК М.Я. Макаров, казаки братья В.А. и Е.А. Трифионовы, конечно, легендарный комдив и комкор, а позднее и командующий 2-й конной армии казак Ф.К. Миронов, председатель ЦИК Донской Советской республики казак В.С. Ковалев, которые конкретно не руководили ростовскими подпольщиками и не прониклись их жертвами, не хоронили своих казенных товарищей, непосредственно не занимались подавлением опасных мятежей.

23 января 1919 г. В.С. Ковалев передал в ЦК РКП(б) доклад о Донском правительстве, в котором настаивал на том, что победить казаков нужно не пулей, но силой убеждения и своей правотой по отношению к ним. Этим мы их заставим перейти на нашу сторону. Если не перейдут на нашу сторону, то это будет не победа, а военный успех, и произойдет оккупация. Он предлагал создать Донское правительство с участием представителей казачества, прежде всего Ф.К. Миронова. Донбюро РКП(б) от 25 января 1919 г. решительно отклонило проказачью программу В.С. Ковалева и в то же время предложило создать новый орган типа гражданского Донисполкома Советов, который взял бы на себя работу по организации управления на местах и восстановления народного хозяйства. Но это предложение было отклонено Свердловым, который считал необходимым простое усиление на Дону классовой борьбы и красного террора.

24 января 1919 г. было подписано соответствующее циркулярное письмо Оргбюро ЦК партии о развертывании самой беспощадной борьбы с казачьими верхами. Но если в отношении богатых казаков предлагалось поголовное истребление, то в отношении среднего казачества предлагались меры, которые дают гарантию отсутствия новых выступлений против Советской власти. В то же время в тексте указывалось на необходимость преследования всех казаков, принимавших не только прямое, но даже «косвенное участие в борьбе с Советской властью». Однако это был чрезвычайно жесткий социально-классовый и сугубо военно-карательный, а не национальный подход, как утверждают современные казакманы. Российские коммунисты как твердокаменные интернационалисты, серьезно рассчитывавшие разжечь пожар мировой революции, ни при каких условиях не могли вести речь о пресловутом шовинизме-геноциде. Выработанные социально-классовые требования и методы по отношению

к богатым казакам и вооруженным контрреволюционерам стали основным планом большевиков в казачьем вопросе по меньшей мере на два месяца до 16 марта 1919 г. и после его формальной отмены де-факто частично реализовывались до августа 1919 г. В это время на Дону происходили преследования непринявших Советскую власть казаков, вплоть до бессудных расправ.

Френкель первоначально дисциплинированно выполнял все экстремистские требования циркуляра. Более того, как член Донбюро и делегат VIII съезда РКП(б) он являлся одним из авторов доклада на съезде о политике по казачьему вопросу. В стенографическом отчете съезда этого доклада нет, и даже неизвестно выступал ли Френкель вообще на съезде. В партийном архиве сохранился текст доклада от 17 марта 1919 г. В нем говорилось: «Перед Донбюро стал вопрос об отношении к различным слоям казачества и о наиболее целесообразных методах борьбы с уцелевшими контрреволюционными элементами. Но ввиду перегруженности работы... не удалось сообща обсудить этот вопрос. Пришлось только инструктировать районные ревкомы насчет проведения реформ, согласно присланной ЦК секретной инструкции, детально и сообща обсудить которую члены Донбюро ... не имели возможности. Лишь практика показала лучшие пути искоренения контрреволюции. Ввиду немедленного проведения террора, ввиду трений между военными властями и ревкомми, ввиду допущения выборной власти, в которую проникли контрреволюционеры. В ночь с 11 на 12 марта в станицах Вешенской, Мигулинской, Казанской, в хуторе Солонце и Шумилине вспыхнуло восстание. Главари восстания мобилизовали казаков от 16 до 60 лет... Восстание идет под лозунгом борьбы против коммунистов-жидов, которые чинят убийства, грабежи, насилия, причем в воззвании главари предлагают восставшим “взять советы в свои руки”... Но восстание показывает, что одними террористическими методами физического уничтожения небольшого количества казаков, когда нет еще на Дону железной Советской власти, не пособишь, так как всех казаков не уничтожить, а при таких условиях восстание будет продолжаться. Остается рядом с этим методом применить более радикальные террористические методы, указанные в той же инструкции и, еще не применявшиеся, а именно: экспроприация казачества и массовое переселение их вовнутрь России с выселением на их место

пришлых трудящихся элементов... (выделено нами. – С.К.) настроение казачества подавленное, но оппозиционное. Они твердо тешат мысль о неизбежной борьбе с коммунизмом, ибо “они против коммуны, но за большевиков”. С этой темнотой надо немедленно начать бороться. Предстоит колоссальная работа по обезвреживанию контрреволюции» [22, л. 8].

Однако через два месяца Френкель неожиданно подверг резкой критике директиву Оргбюро ЦК партии и всю казачью политику Донбюро. Он заявил 6 июля 1919 г., что «считая первые директивы ЦК о Донской политике ошибочными, возлагавшими непосильное бремя и на нашу недостаточно еще дисциплинированную армию, и на молодые, весьма хилые советские органы на Дону, совершенно не говорившими об осторожном, продуманном отношении к средним элементам, – я считаю в дальнейшем крайне необходимой работу по откалыванию средних элементов и привлечению их на свою сторону. Сословную борьбу между казачеством и крестьянством (иногда городскими) на Дону надо вести, по-моему, в русле классовой борьбы, а не превращать в аморфную зоологическую борьбу... (выделено нами. – С.К.). С большинством (4 ч.) Донского бюро РКП я, как и меньшинство (2 ч.), разошелся в этом вопросе, так как оно считает первые директивы правильными, в их провале оно винит исключительно армию, находя вместо причин — виновников, о работе по откалыванию “средних” элементов оно и слушать не желает, считая это пагубной политикой». Кроме того, Френкель даже потребовал отставки членов Донбюро, которые образовали «ненормальные» отношения, в результате чего этот орган потерял боеспособность [22, л. 115].

Очевидно, что Френкель предупреждал о росте реальной опасности превращения «сословной борьбы» в неконтролируемую «зоологическую борьбу» против казачества и подчеркивал необходимость держаться принципа строгой социально-классовой борьбы. По вопросу о недоверии к членам партийного руководства следует иметь в виду, что Донбюро, Доноблревком, Гражданупр состояли практически из одних и тех же людей в разных комбинациях. Донбюро, фактически преобразованное позднее в Гражданское управление при РВС Южфонта, включало в силу дефицита кадров одних и тех же политических деятелей – Сырцова, Лукашина, Блохина, Решеткова, Дорошева, Щаденко, позд-

нее прибыл участник убийства царя А.Г. Белобородов. В Гражданупре имелось три отделения, 8 инструкторов, делопроизводителей, машинисток, юрисконсульта, 10 курьеров – всего 35 человек. Естественно, что в таком коллективе возникали самые разные личные взаимоотношения, которыми и был недоволен аскетичный фанатик Френкель.

В знак протеста против политики состава Донбюро Френкель попросился на фронт. В 1919–1921 гг. он исполнял обязанности начальника политотделов 15-й, 13-й, 40-й, 42-й стрелковых дивизий. С одной стороны, его уход в определенной степени ослабил Донбюро. Но с другой – громкое заявление его секретаря, подкрепленное решительным хлопком двери, безусловно, обратило на себя внимание партийного руководства в Москве. Сыграло свою роль также письмо члена облревкома И.И. Рейнгольда, который предложил учесть традиции казачества вплоть до воссоздания прежней автономии и создания местного казачьего правительства, что позволит не провоцировать прямолинейными директивами мятежи, а разрушать старый казачий быт руками самих же казаков [23]. Наконец С.И. Сырцов честно сообщал об упущениях советских органов на Дону и предлагал перестроить партийный центр, выделив отдельно особую группу для подпольной работы в тылу врага, что и было сделано.

Таким образом, возник порочный круговорот разнонаправленных действий: 1. Взятие казаками Ростова-на-Дону в декабре 1917 г. – освобождение Ростова Красной гвардией и декабрьское поражение большевиков. 2. Образование Донской Советской республики – разгром ее красновцами и белый террор в течение всего 1918 г. 3. Наступление Красной Армии, большевистское раскачивание в феврале-марте 1919 г. – ответный верхнедонской мятеж весной-летом белоказаков. 4. Наступление белых, частичная неудача августовского контрнаступления РККА через восставший север казачьего Дона. Данный круговорот логичных для Гражданской войны действий-противодействий не оправдывает, но вполне объясняет выбор большевиками тактики продолжения террористического раскачивания. И только разгром белых армий на Дону остановил эти кровавые качели. Было принято решение, во-первых, осуществить решающее наступление Южного фронта Красной Армии через Донбасс в обход северодонских казачьих станиц.

Во-вторых, в августе-сентябре 1919 г. начался ожидаемый новый политический поворот в казачьей политике. Указания В.И. Ленина, воззвания ВЦИК и СНК к трудовому казачеству от 14 августа и наконец «Тезисы о работе на Дону», написанные Л.Д. Троцким и опубликованные 30 сентября 1919 г., решения о реорганизации Донбюро, создании Донкома и Донского облисполкома были положены в основу обновленной, более взвешенной политики в отношении казачества. Но Френкеля не стали отзывать из дивизии на работу в составе новых партийных и советских органов.

После окончания боевых действий на юге Советской России Френкель ушел из армии и в середине 1920 г. вернулся в Ростов-на-Дону, где стал внештатным сотрудником истпартотдела и одним из организаторов сборника «Пролетарская революция на Дону». В первом выпуске сборника он опубликовал свои воспоминания об экспедиции Подтелкова и ее трагической гибели. А в 1920 г. выпустил брошюру «Орлы Революции. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону». Но эта публикация не изменила сдержанного отношения к нему большевистского руководства донской парторганизации.

Опытный политработник и толковый большевик с университетским образованием Френкель не был оставлен в Ростове на руководящей партийной работе, как можно было ожидать, а был отправлен в Москву на партийную учебу. Рассорившихся по политическим мотивам, в том числе по вопросу отношения к казачеству, Сырцова и оставшегося радикалом-экстремистом Васильченко также отправили в другие регионы: первого в Одессу секретарем губкома РКП(б), а второго – на Кубань. В дальнейшем Сырцов принял участие в реабилитации казачества в 1925 г., возглавлял правительство РСФСР и выступил против сталинизма. Васильченко стал писателем и руководил издательствами в Москве [24].

В 1921–1923 гг. Френкель учился на курсах марксизма при Коммунистической академии и, наконец, получил направление на профессиональную партийную работу в Донбасс – Артемовский окружком, затем – в окружком Нижнего Тагила, позднее города Нытва Пермской области. Здесь он проявил себя самым активным «чистильщиком» – борцом с троцкистско-зиновьевской оппозицией, сторонником сталинского внутрипартийного режима и, естественно, обратил на себя внимание

партийного руководства. Френкель был принят на службу в аппарат ЦК ВКП(б) в качестве инструктора, помощника заведующего очень важным организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), что было серьезной карьерой. Одновременно он как старый большевик с университетским образованием и политическим опытом преподавал историю партии в Высшем коммунистическом сельскохозяйственном университете имени Я.М. Свердлова.

В 1930–1931 гг. Арон Френкель находился на особой подпольной коммунистической работе в Китае. Он выполнял обязанности ответственного секретаря Северо-Маньчжурского подпольного комитета Коммунистической партии. Назначение было вызвано, вероятно, наличием у Френкеля опыта руководства подпольной работой в Донбюро РКП(б) во время Гражданской войны на Дону. Харбин и Маньчжурия в целом были своеобразной советской колонией вдоль линии КВЖД с середины 1920-х гг. На территории Маньчжурии вспыхивали советско-китайские конфликты на фоне общей гражданской войны в Китае. Партийные работники и другие агенты СССР, входившие в состав администрации КВЖД, занимались укреплением коммунистического влияния. О такой работе Френкеля в Маньчжурии ничего конкретно не известно, но после возвращения в СССР он получил повышение в партийной системе.

С января 1932 г. Френкель является ответственным инструктором ЦК ВКП(б), затем – вторым секретарем Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) в г. Хабаровске. Френкель был делегатом VIII, X, XVI съездов, XVII конференции РКП(б) – ВКП(б), а на XVII съезде ВКП(б) заочно кооптируется в состав Комиссии Партийного контроля при ЦК ВКП(б). С этого времени он активно проводил сталинскую политику жесткого надзора и контроля за партийными кадрами. После убийства Кирова в 1934 г. получает пост Уполномоченного Комиссии Партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Сталинградскому краю, в марте 1936 г. – уже по Куйбышевскому краю. Здесь он ревностно исполнял свои обязанности в условиях усиления режима личной власти Сталина и был инициатором политических обвинений по многочисленным делам. В частности, направлял в адрес первого секретаря крайкома ВКП(б) П.П. Постышева материалы «О грубых ошибках и вредительских действиях в работе Куйбышевского областного земельного управления»; «О подрывной враже-

ской работе в Кузнецком районе»; «О вредительстве и разрушении завода № 102». В адрес Сталина, Ежова, Андреева – материал «О секретаре Пензенского ГК ВКП(б) тов. Старостине». Френкель вошел в конфликт и с первым секретарем обкома П.П. Постышевым, который к тому времени был в опале и на грани отставки. Бывший секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК компартии Украины, в годы Гражданской войны – один из руководителей Дальневосточной республики Постышев стремился укрепить свои позиции в партийном руководстве. Этому же, вероятно, хотел и Френкель. Оба они стали писать в ЦК ВКП(б) служебные записки, в которых компрометировали друг друга. Однако в данных сообщениях не указывалось никаких политических преступлений, а только расписывались текущие ошибки, факты неудачного подбора местных кадров на руководящие должности или чрезмерной критике или разоблачении. Следует отметить, что Френкель выступил с критикой всемогущего НКВД. Он неожиданно резко отозвался о работе начальника УНКВД по Куйбышевской области Попашенко, который, по его мнению, не обеспечил должного уровня борьбы с контрреволюцией. Он неоднократно выражал политическое недоверие этому главе управления НКВД и добился того, что Сталин потребовал от Ежова отозвать Попашенко. Ежов снял его с должности, но назначил с санкции Сталина начальником административно-хозяйственного управления аппарата всего НКВД. Френкель не понял новой роли НКВД, ставшего над партией, и продолжил сообщать о нарушениях бывшего начальника УНКВД. Они заключались в бюрократическом отношении к заседаниям «тройки», в излишнем доверии своим подчиненным, осуществлявшим репрессии [25].

Трудно сказать, чего больше было в таком поведении Френкеля – коммунистической принципиальности, преданности сталинскому режиму или личного отчаяния накануне своего неизбежного ареста. Во всяком случае реакция Сталина не замедлила себя ждать.

В конце октября 1937 г. Френкель отозван с должности Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области, арестован и отправлен в Москву. Он был включен в «Сталинский список» от 01.11.1937 г. по категории «Бывшие члены КПК и КСК и Рев. Комиссии». Расстрельный список завизировали Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Жданов. На до-

просах Френкель обвинялся в шпионской деятельности в пользу Японии и участии в антисоветской организации. В течение года он мужественно не признавал себя виновным, однако после применения методов физического воздействия подписал все дикие обвинения, включая шпионаж. События Гражданской войны следователи не вспоминали. 25 февраля 1939 г. Френкель приговорён к расстрелу ВК ВС СССР в Москве в составе большой группы деятелей ВКП(б) и СССР. П.П. Постышев тоже был снят со всех постов в 1938 г. и отправлен в Москву. Там его обвинили в том, что на протяжении ряда лет был членом мифического центра правотроцкистской организации на Украине, а с 1920 г. на Дальнем Востоке был агентом японской разведки. В 1939 г. он был расстрелян почти одновременно с Френкелем, а позднее расстреляны все чекисты, ведшие следствие по их делам.

В 1937–1938 гг. также были уничтожены соратники Френкеля – революционеры и участники Гражданской войны на Дону – А.С. Бубнов, С.Ф. Васильченко, И.А. Дорошев, М.П. Жаков, В.Ф. Ларин, С.Л. Лукашин, С.И. Сырцов, В.А. Трифонов, С.С. Турло, В.Г. Филлов, И.Д. Ченцов и др. Сталин в целях формирования авторитарно-бюрократического режима уничтожил практически всю большевистскую элиту партии – «старую ленинскую гвардию».

Реабилитация Френкеля состоялась в 1955 г. за отсутствием состава преступления по уголовной и партийной линиям. Так была поставлена точка в жизни большевика-интеллигента, левого радикала, активного участника Гражданской войны, борца с оппозициями, ставшего приверженцем политики сталинского аппарата партии. Френкель как политический деятель второго плана, типичный революционный и партийный деятель отразил в своем жизненном пути характерные этапы трансформации большевизма.

Литература

1. *Сергеев В.Н.* Донская республика (1917–1918). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 2005. 416 с.
2. Борьба за власть Советов на Дону. 1917–1920. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1957. 528 с.
3. Летопись борьбы и побед. Хроника революционной борьбы. 1875–1920. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1984. 256 с.
4. Наш край. Из истории Советского Дона. Документы. Октябрь 1917–1965. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1968. 622 с.
5. Документы героических лет. 1917–1920. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1987. 334 с.

6. Очерки истории большевистских организаций Дона. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1965. 436 с.

7. Очерки истории партийных организаций Дона. 1898–1920. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1973. 551 с.

8. Сыны донских степей. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1973. 192 с.

9. *Хмелевский К.А., Хмелевский С.К.* Буря над Тихим Доном. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1984. 176 с.

10. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Френкель, Арон_Абрамович](https://ru.wikipedia.org/wiki/Френкель,_Арон_Абрамович) (дата обращения: 18.04.2020).

11. URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/1012535/19> (дата обращения: 18.04.2020).

12. Сайт Кушнера Дмитрия Львовича. Справочник «Большевистский актив Куйбышева (Самары) в до-ежовский период, 1920–1937 годы». URL: <https://iamkushner.com/istoricheskie-momenty> (дата обращения: 18.04.2020).

13. *Гонтмахер М.А.* Евреи на Донской земле. История. Факты. Биографии. 2-е изд., испр. и доп. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/146799-1-ma-gontmaher-evrei-donskoy-zemle-istoriya-fakti-biografii-izdanie-vtoroe-ispravlennoe-dopolnennoe-avtor-serd.php> (дата обращения: 22.02.2021).

14. URL: [https://ru.openlist.wiki/Френкель_Арон_Абрамович_\(1894\)](https://ru.openlist.wiki/Френкель_Арон_Абрамович_(1894)) (дата обращения: 18.04.2020).

15. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/509787/> (дата обращения: 18.04.2020).

16. URL: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:743247> (дата обращения: 18.04.2020).

17. Помнят степи донские : сб. воспоминаний. Ростов н/Д. : Ростиздат, 1967. 338 с.

18. *Френкель А.* Орлы революции. Ростов н/Д. : Изд-во ДонаЦ ВЦИК Советов, 1920. 40 с.

19. *Сырцов С.И.* Вандей русской революции // *Кислицын С.А.* Донская персоналия советской эпохи. Ростов н/Д. : Донск. изд. дом, 2021. 484 с.

20. *Бугаев А.* Очерки истории гражданской войны на Дону (февраль – апрель 1918 г.) Ростов н/Д. : Книга, 2012. 400 с.

21. Советский Дон. 1920. 11 мая.

22. РЦХИДНИ. Ф. 910. Оп. 1. Д. 182.

23. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 106. Л. 75.

24. *Кислицын С.А.* Донская персоналия советской эпохи. Ростов н/Д. : Донск. изд. дом, 2021. 484 с.

25. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1939 гг. М. : РОССПЭН, 2009. С. 210–211.

References

1. *Sergeev V.N.* (2005). *Don Republic (1917-1918)*. Rostov-on-Don, Rostov State University Press, 416 p. (in Russian).

2. *Struggle for the power of the Soviets on the Don. 1917-1920.* (1957). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 528 p. (in Russian).
3. *Chronicle of struggle and victories. Chronicle of the revolutionary struggle. 1875-1920.* (1984). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 256 p. (in Russian).
4. *Our land. From the history of the Soviet Don. Documentation. October 1917-1965.* (1968). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 622 p. (in Russian).
5. *Documents of the heroic years. 1917-1920.* (1987). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 334 p. (in Russian).
6. *Essays on the history of the Bolshevik organizations of the Don.* (1965). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 436 p. (in Russian).
7. *Essays on the history of the Don's party organizations. 1898-1920.* (1973). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 551 p. (in Russian).
8. *Sons of the Don steppes.* (1973). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 192 p. (in Russian).
9. Khmelevsky K.A., Khmelevsky S.K. (1984). *Storm over the Quiet Don.* Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 176 p. (in Russian).
10. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Frenkel_Aron_Abramovich (accessed April 18, 2020). (in Russian).
11. Available at: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/almanah-dict-bio/1012535/19> (accessed April 18, 2020). (in Russian).
12. *Website of Dmitry Lvovich Kushner. Reference book "Bolshevik asset of Kuibyshev (Samara) in the pre-Yezhov period, 1920-1937".* Available at: <https://iamkushner.com/istoricheskie-momenty> (accessed April 18, 2020). (in Russian).
13. Gontmakher M.A. *Jews on the Don land. History. Facts. Biographies.* 2nd ed., rev. and add. Available at: <http://libed.ru/knigi-nauka/146799-1-ma-gontmaher-evrei-donskoy-zemle-istoriya-fakti-biografii-izdanie-vtoroe-ispravlennoe-dopolnennoe-avtor-serd.php> (accessed February 22, 2021). (in Russian).
14. Available at: [https://ru.openlist.wiki/Frenkel_Aron_Abramovich_\(1894\)](https://ru.openlist.wiki/Frenkel_Aron_Abramovich_(1894)) (accessed April 18, 2020). (in Russian).
15. Available at: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/509787/> (accessed April 18, 2020). (in Russian).
16. Available at: <https://ru.rodovid.org/wk/Record:743247> (accessed April 18, 2020). (in Russian).
17. *The Don steppes remember: Sat. memories.* (1967). Rostov-on-Don, Rostizdat Publ., 338 p. (in Russian).
18. Frenkel A. (1920). *Eagles of the revolution.* Rostov-on-Don, DonATs VTsIK Press, 40 p. (in Russian).
19. Syrtsov S.I. (2021). *Vendee of the Russian Revolution.* Kislitsyn S.A. *Don personalities of the Soviet era.* Rostov-on-Don, Don Publ. House, 484 p. (in Russian).
20. Bugaev A. (2012). *Essays on the history of the Civil War on the Don (February - April 1918).* Rostov-on-Don, Kniga Publ., 400 p. (in Russian).
21. *Sovetskiy Don.* (1920). May 11. (in Russian).
22. *RTSKHIDNI.* Fund 910. In. 1. File 182. (in Russian).
23. *RTSKHIDNI.* Fund 5. In. 2. File 106. L. 75. (in Russian).
24. Kislitsyn S. A. (2021). *Don personality of the Soviet era.* Rostov-on-Don, Don Publ. House, 484 p. (in Russian).
25. Khaustov V., Samuelson L. (2009). *Stalin, the NKVD, and the repressions 1936-1939.* Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 210-211. (in Russian).

УДК 94 (47)
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-59-66

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА (ВАРШАВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ 1915–1916 ГОДЫ) ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ

© 2021 г. В.В. Лобова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

UNIVERSITY CHRONICLE (WARSAW IMPERIAL UNIVERSITY 1915-1916) BASED ON NEWSPAPER MATERIALS

V.V. Lobova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Лобова Виктория Владимировна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: vvlobova@sfnedu.ru

Viktoria V. Lobova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: vvlobova@sfnedu.ru

Акцентируется внимание на периоде становления и развития Варшавского императорского университета в Донском регионе. Во временном аспекте охватывается самый первый на новом месте и наиболее сложный 1915/1916 уч. г. с его научными шагами и организационными трудностями.

История перевода университета такого высокого ранга в г. Ростов-на-Дону позволяет раскрыть и по сути показать своего рода порядок функционирования социальной системы в дореволюционный период и уяснить характер взаимодействия науки и власти.

Сам город получил, несомненно, уже готовое высшее учебное заведение со своим уставом, учебными планами и программами, библиотекой и научными кабинетами. Что в свою очередь, безусловно, облегчило и помогло вновь поступившим слушателям в получении высшего исторического образования. Однако, переехав в Ростов-на-Дону, университет сразу же потерял свою грандиозность и помпезность, которую имел в Варшаве. В новом городе университет разместился в не предназначенных для образовательной деятельности условиях. Трудности возникли с организацией библиотеки, научных кабинетов, общежития и т.д. Благодаря усилиям профессорско-преподавательского состава, а также администрации города, университету удалось закрепиться и начать работу, так нужную и необходимую для становления и развития высшего образования в Донском регионе, пусть даже в самых сложных и совсем непривычных условиях.

Ключевые слова: университет, образование, профессорско-преподавательский состав, наука, факультет, библиотека, кружки и общества.

According to the materials of the periodical press, this article focuses on the period of formation and development of the Warsaw Imperial University in the Don region, and covers in a temporary aspect, the very first in a new place and the most difficult academic year-1915-1916, with its scientific steps and organizational difficulties.

The history of the transfer of such a high-ranking University to Rostov-on-Don allows us to reveal and, in fact, show a kind of order of functioning of the social system in the pre-revolutionary period and to understand the nature of the interaction of science and power.

The city of Rostov-on-Don itself had undoubtedly received a ready-made higher education institution with its own Charter, curriculum and programs, library and research rooms. This, in turn, certainly facilitated and helped the newly admitted students to obtain higher historical education. However, after moving to Rostov-on-Don, the University immediately lost its grandiosity and pomp that it had had in Warsaw.

Keywords: university, education, teaching staff, science, faculty, library, clubs and societies.

Изучение циклов развития высшего образования на Дону через призму Варшавского императорского университета преимущественно дореволюционного периода позволяет нам всецело и всеобъемлюще понять градообразующую роль данного вуза в системе становления и развития всего университетского образования региона. По сути сам факт перевода Варшавского университета в Ростов-на-Дону стал своего рода катализатором всех будущих образовательных свершений, а также базовой основой научных процессов и их современной модернизации.

В целях раскрытия картины зарождения и становления высшего образования на Дону, осмысления всех «жизнейских» проблем и факторов дореволюционного Ростова, имевших место быть во время переезда университета, мы остановили свой взор на фактах, изложенных в тот исторический момент в периодической печати, которая тревожно, сочувственно, но своевременно и объективно зафиксировала все основные события на своих страницах, и они могут быть или даже порой являются страницами самой истории.

При изучении сведений, отображенных в периодике анализируемых 1915–1916 гг., можно рассмотреть «социальное взаимодействие» в г. Ростове-на-Дону в частности правительства и университетской корпорации, которое первоначально направлено на дело развития и становления высшего образования в Донском регионе.

Со временем Варшавский университет станет истоком всего высшего образования г. Ростова-на-Дону, а его научная база создаст основу для классического университетского образования.

Но прежде чем вуз обозначился на Донской земле как полноправный правопреемник Варшавского императорского университета, прошел определенный первоначальный исторический цикл, который вобрал в себя несколько значимых вех:

1. Переезд. Ростов-на-Дону отстаивает право быть образовательным центром юга России и на территории своей принять императорский Варшавский университет.

2. Адаптация. Город и администрация подтверждают свою состоятельность в части приема, адаптации и дальнейшего развития университета.

3. Проверка на прочность. Первый учебный год в реалиях города. Жизнь и работа Варшавского императорского университета как единого организма в период своей «второй жизни».

Началась история перевода Варшавского императорского университета 25 июля 1915 г. Старший врач городской больницы Н.В. Парийский, направленный Думой в Москву и Петроград в качестве делегата, ходатайствовал перед министерством народного просвещения об открытии в Ростове медицинского факультета и, будучи в Москве, телеграфировал: «Попечитель Варшавского округа относится сочувственно к переносу медицинского факультета в Ростов при условии открытия в этом году. Ректор университета, отдавая предпочтения Ростову при равных условиях с другими городами, против дробления полного университета. Телеграфируйте в Петроград, может ли город дать приют всему университету с факультетами: медицинским, физико-математическим, юридическим и историко-филологическим, причем в этом году медицинскому факультету» [1].

Споры о том, в какой город необходимо переводить Варшавский императорский университет, шли очень долго. В ходе жарких дискуссий выдвигались предложения по его размещению в Саратове, Казани, а некоторые делегаты ратовали за «московский вариант» и надеялись оставить данный университет в Москве.

«12 августа состоялось заседание совета Варшавского университета с участием М.С. Аджемова, М.С. Воронкова, Ю.М. Лебедева и представителей Ростова. Делегация сделала совету доклад об условиях Ростова в вопросе перевода университета. Возражали против перевода профессора-филолога, указывая на отсутствие в Ростове библиотек. Однако подавляющим большинством голосов совет постановил: “ходатайствовать о переводе университета в Ростов”» [2].

В ростовской газете «Приазовский край» вышла заметка, которая во всеулышание объявляла, что Варшавский университет переводится в Ростов, «всякие сомнения должны быть отброшены, ибо решение уже состоялось, с чем и можно от всей души поздравить ростовцев. Наш чумазый город делает первый крупный шаг по пути высокой культуры, по пути духовного возрождения, по пути научного прогресса» [3].

Так было положено начало перевода Варшавского императорского университета в г. Ростов-на-Дону. Но это были лишь первые шаги, впереди предстояла долгая дорога и «тернистый путь» становления и развития.

Процесс перевода оказался очень сложным и колоссально трудоёмким. В силу того, что

г. Ростов-на-Дону по существу не был готов к принятию такого уровня учебного заведения, многое приходилось осуществлять и создавать с нуля.

В кратчайшие сроки требовалось определить и подготовить здание, обеспечить жильем студентов и профессорско-преподавательский состав, создать библиотеку и т.д.

Так как планировалось изначально перевести только медицинский факультет, то «профессор медицинского факультета Варшавского университета А.О. Карницкий (детские болезни) сразу же прислал письмо председателю городской Университетской комиссии М.В. Харьковщенко, в котором просил дать сведения: имеется ли в Ростове детская больница и как она оборудована?» [4]. Но в Ростове-на-Дону детской больницы не было, а при городской больнице существовало лишь отделение заразных детских болезней. Это, конечно же, вызвало много негодований, связанных с тем, где слушатели будут проходить практику и как осуществлять в дальнейшем свою медицинскую деятельность.

Желающих поступить на медицинский факультет набралось довольно много. В 1915/16 уч. г. было принято 160 человек, из них ростовчан только 9. Осталось не принятыми 150 христиан и 139 евреев. На других факультетах Варшавского университета того времени было очень много свободных вакансий.

Если смотреть статистику 1916/17 уч. г., то также очевидно, что медицинский факультет был самым популярным среди всех специальностей: «В настоящем учебном году желающих поступить в Варшавский университет оказалось 962 человека, из них 653 христианского вероисповедания и 309 иудейского. По факультетам прошения распределяются так: на историко-филологический подано 21 прошение, на математический – 55, на естественный – 60, юридический – 82 и на медицинский – 744 прошения» [5].

Вопрос о главном здании будущего университета был очень важным для администрации города, так как от него напрямую зависело, будет ли переведен университет в столицу Донского края или нет.

Ростов-на-Дону в 1915 г. не нашел у себя для университета ничего более лучшего, чем тесный и полутемный городской «доходный» дом. Университет со своими обширными аудиториями и лабораториями, кое-как втиснулся в предоставленные помещения этого дома.

Комиссия из Варшавы, которая осматривала помещения, была крайне не удовлетворена выбором администрации города, ведь после зданий университета в Варшаве сложно было представить, что профессорско-преподавательскому составу можно в принципе работать в таких условиях.

«31 октября Всероссийский земский союз освободил из-под лазарета Городской доходный дом и передал это здание по особому акту Городской исполнительной университетской комиссии, которая уже постановила в нем 40 человек рабочих для приспособления его под университетскую аудиторию» [6].

Так до 1930 г. здание городского доходного дома являлось главным корпусом Варшавского (впоследствии Донского) университета. «После обмена мнениями решили: отвести под университет весь городской дом, где помещаются городские учреждения, занять реальное училище и надстроить на нем 3-й этаж, застроить весь Думский проезд, сделав таким образом одно общее здание. Заарендовать дом Мухина на Большом пр., зимнее помещение Коммерческого клуба и помещение 1-го общества взаимного кредита, где ранее помещался Коммерческий клуб. Городские учреждения перенести в новый городской доходный дом, а лазарет из него в новое здание Государственного банка. Председателем Комиссии по устройству университета избрали М.В. Харьковщенко. Постановили командировать в Москву на совещание профессоров Варшавского университета Н.В. Парийского и М.А. Лосева. По окончании совещания комиссия выехала для осмотра всех зданий предполагаемых заарендовать для университета» [7].

Преподаватели, прибывшие из Варшавы, мечтали увидеть в г. Ростове-на-Дону новые здания для университета, просторные и светлые аудитории... Профессорско-преподавательский состав юридического факультета имел даже свой проект-план будущих университетских помещений: «чтобы при составлении проекта университетских зданий были обязательно приняты во внимание требования эстетики, гигиены и удобства не только внутри зданий, но и с наружного вида. Необходимо, чтобы будущий Ростовский университет стоял в саду или сквере и самым видом своим располагал к спокойной вдумчивости и научной сосредоточенности. Фасады университетских зданий никоим образом не должны выходить прямо на улицу. Сад же

при университете необходимо устроить по образцу американских университетов» [8].

Конечно же, в условиях военного времени и трудного экономического положения предложением юридического факультета не суждено было сбыться.

Ввиду позднего начала занятий в 1915 г. на всех факультетах был сделан условный перевод студентов на следующий курс, т.е. студенты были переведены на следующие курсы все без исключения с тем, чтобы они в течение текущего года выдержали экзамены предыдущего курса. В истории Варшавского университета это случается первый раз [9].

Начало библиотеки было положено в 1915 г. небольшим числом старопечатных книг и рукописей – единственное, что удалось спасти Варшавскому университету при его эвакуации.

О библиотеке не раз спрашивали профессора Варшавского университета, особенно историко-филологического факультета, которые в большинстве своем, как известно, высказывались против перевода в Ростов из-за отсутствия в нем нужной библиотеки. С.Г. Сватиков прислал председателю Университетской комиссии М. В. Харьковщенко целое письмо, в котором детально обсуждался вопрос о создании в Ростове университетской библиотеки: «Для закрепления за Ростовом переводимого университета необходимо создать библиотеку. Кроме циркулярного обращения ко всем университетам с просьбой жертвовать Варшавскому университету дубликаты книг, г. Сватиков рекомендует Университетской комиссии возбудить аналогичные ходатайства перед Румянцевским музеем, Императорской Академией наук, и Императорской публичной библиотекой» [10].

В кратчайшие сроки нашли здание и начали собирать по крупицам библиотечный фонд. Библиотека Варшавского университета была размещена в бывшем Ткачевском (ныне городском) владении, на Б. Садовой [11]. Профессора Варшавского университета осмотрели городскую библиотеку и отметили, что в ней имеются экземпляры научных изданий, которые будут пригодны для профессоров и студентов [12].

Местный купец И.М. Шапошников пожертвовал на покупку для Варшавского университета библиотеки профессора В.С. Иконникова 1000 р. [13]. Самыми активными были юридический и историко-филологический факультеты, где больше всего необходима была научная литература для подготовки студентов к занятиям.

Юридический факультет подавал прошения о покупке ценной библиотеки Е.Е. Шнейдера и просил «Городскую исполнительную университетскую комиссию уплатить за библиотеку означенную сумму» [14]. Еще был ряд предложений по приобретению ценных изданий, некоторые из них встречали материальные препятствия, так как в условиях скорейшего перевода университета, но самое главное в условиях Первой мировой войны это было сделать невозможно. Но тем не менее библиотечный фонд пополнялся и рос благодаря активной деятельности администрации города и профессорско-преподавательского состава. «Библиотечная комиссия Варшавского университета предлагает Городской исполнительной университетской комиссии приобрести для будущего Ростовского университета библиотеку помощника библиотекаря Императорской Академии наук П.К. Симона, оцениваемую им в 15 000 руб. Историко-филологический факультет Варшавского университета нашел библиотеку эту весьма ценной и заключающей в себя богатейший подбор книг по филологическим и историческим наукам» [15].

Закупка книг, хоть и не такая большая, как хотелось бы для учебной и научной жизни университета, но все же велась и рассчитывалась из скромного бюджета библиотеки.

Нельзя забывать и о достаточно большом библиотечном фонде, который был в Варшаве. Так, член Государственной думы Российской империи, польский политик Я.С. Гарусевич обратился к министру народного просвещения П. Н. Игнатьеву с письмом, в котором просил министра выяснить судьбу библиотеки, находившейся при Варшавском университете и в свое время эвакуированной в Москву [16].

Библиотека при Варшавском университете была создана еще в 1816 г., за 100 лет существования она собрала огромное количество изданий, многие из которых были уникальными. Поэтому администрацию города и профессорско-преподавательский состав интересовал вопрос, какая судьба ожидает библиотеку при переводе.

К сожалению, не всю библиотеку удалось перевезти, большая часть ее осталась в Варшаве и позже была утеряна, что связано с трудностями военного времени.

Один из больших вопросов – издание лекций. В Ростове почти ни одна типо-литография не бралась, или, по крайней мере, не ручалась за

окончание издания лекций, так как каждый момент рабочих могли забрать на войну [17]. Ввиду этого некоторые курсы издавали лекции в других городах. Издание лекций помогало студентам готовиться к семинарским занятиям, тем самым облегчая научно-образовательный путь.

Проблема с общежитиями для студентов была не менее острой и актуальной и всегда включалась в повестку дня на Совете университета.

Город не смог к нужному моменту выделить и оборудовать место для проживания всех прибывших студентов. Для решения этой глобальной проблемы было образовано общество «Дешевая квартира», которое приглашало на свои заседания правления общественные силы в лице некоторых профессоров Варшавского университета, деятелей кредитной и потребительской кооперации в надежде, что они помогут хотя бы частично решить этот вопрос. Но прежде всего квартиры выделили профессорско-преподавательскому составу.

Столовая была оборудована, но заработала не сразу. Общество по оказанию помощи учащимся в высших учебных заведениях обратилось к профессору Варшавского университета А.А. Жандру похотатайствовать перед управлением университета и передать все суммы, которые университет получил от казны на устройство студенческой столовой, для того чтобы Общество, присоединив к этой сумме свои средства, открыло бы для студентов дешевую столовую. В результате она начала работать с 11 ноября 1915 г. по адресу: ул. Б. Садовой и Почтового пер., дом Кистова. Ежедневно здесь выдавались «150 обедов в последующей расценке: 1-е блюдо с мясом – 10 коп., без мяса – 8 коп., 2-е блюдо – 20 коп.» [18].

Что касается общих условий пребывания студентов, которые город предложил на момент перевода университета, то администрация местного трамвая, например, сообщала городской управе, что льготный тариф на проезд в вагонах трамвая не может быть распространен на студентов Варшавского университета, так как, согласно параграфу 21 концессионного договора, Общество трамвая обязывается взимать удешевленный тариф только с воспитанников и воспитанниц местных учебных заведений. Между тем считалось, что Варшавский университет не местный, а только временно эвакуирован в Ростов. На этом основании слушателям университета не предоставлялся льготный проезд [19].

Вместе с Варшавским императорским университетом в г. Ростов-на-Дону 21 сентября

1915 г. по разрешению министерства народного просвещения были переведены и Высшие женские курсы. Набор на них шел одновременно с набором в университет.

В конце сентября 1915 г. попечитель Варшавского учебного округа известил администрацию курсов о том, что министерство народного просвещения разрешило временно перевести курсы в г. Ростов-на-Дону. Высшие женские курсы давали высшее образование университетского характера по факультетам: физико-математическому, историко-филологическому и юридическому.

После переезда университета в Ростов-на-Дону возобновили свою деятельность его научные кружки и общества. «Общество истории, филологии и права» при историко-филологическом факультете смогло сохранить свою научную значимость и продолжить работу. В 1916 г. было проведено 9 заседаний.

Педагогический кружок начинал свою деятельность еще в Варшаве и имел несколько секций. Так, Д. Д. Мордухай-Болтовской был одним из организаторов математической секции студенческого педагогического кружка. В 1916 г. заработал педагогический кружок и в Ростове-на-Дону. На собраниях выступали с докладами студенты, преподаватели университета и других учебных заведений города.

В 1916 г. провел первые заседания созданный по инициативе студентов юридического и историко-филологического факультетов научный студенческий кружок для изучения истории русской культуры. Первым его куратором был профессор юридического факультета И. А. Малиновский.

При юридическом факультете были образованы 6 кабинетов для проведения практических занятий. «Помощник управляющего канцелярией Св. Синода С. Г. Рункевич по просьбе профессора П. В. Верховского выслал 3 посылки с книгами для кабинета церковного права. Книги эти особенно ценны, так как выделены С.Г. Рункевичем из собственной библиотеки, и таких экземпляров не имеется в книжных магазинах» [20].

В планах физико-математического факультета сразу после перевода университета в Ростов-на-Дону возникла идея об открытии нового физико-химического отделения. Были составлены его приблизительный план работы и устав. Но тому не суждено было сбыться, так как в Ростове-на-Дону не было высококвалифицированных

химиков, кроме профессора университета В.В. Курилова. Поэтому было решено на «год отложить открытие физико-химического отделения, а в течение этого года заняться выработкой плана будущего физико-химического отделения» [21].

Однако профессору В.В. Курилову на новом месте удалось вывести преподавание химии на более высокий уровень. «Профессору-химику Варшавского университета В.В. Курилову в последнюю его поездку в Петроград министром народного просвещения разрешено расширить программу преподавания химии введением на широких началах практических работ в лабораториях. Таким образом, факультетские занятия по химии, помимо научного значения, будут носить характер промышленный. Для химического творчества отводится помещение бывшего профессионального училища на Ткачевском переулке» [22].

Министерство народного просвещения предложило совету профессоров Варшавского университета уже в 1915/16 уч. г. открыть при университете химико-фармацевтические курсы, так как в таких специалистах ощущалась острая нужда в г. Ростове-на-Дону.

С 1916 г. берет свое начало появление Ботанического сада при университете. «Городская садовая комиссия, заслушав доклад профессора Варшавского университета Д. И. Ивановского об отводе городом места под Ботанический сад университету, постановила отвести место, оставленное на генеральном плане под общественный сад между Казанским пер. и Средним прос., Лермонтовской ул. и городской межой, причем Садовая комиссия поставила главным условием, чтобы большая половина Ботанического сада оставалась в общем пользовании горожан» [23].

Вновь прибывших студентов из Варшавы, а также тех, кто был зачислен на факультете университета после перевода, привлекали к различной общественной работе. Например, слушатели принимали участие в переписи населения: «К предполагаемой переписи населения Ростова решено пригласить в качестве регистраторов и работников по сводке материалов студентов и курсисток. Всего понадобится около 1000 человек работников» [24]. Или студентами Варшавского университета организовывалась санитарная артель, которая имела целью оказывать помощь прибывающим раненым при высадке из вагонов и размещении в лазаретах. Студентов

университета, которые умели переплетать книги, просили записаться для работ в переплетной мастерской, устроенной городским Комитетом по снабжению армии.

Когда началась Первая мировая война, преподаватели и студенты организовали кружок «Для оказания помощи воинам» [25]. Идея, которая двигала студенчеством при организации кружка, не затихла и после переселения Варшавского университета в Ростов-на-Дону. «Функционировавший в Варшаве под руководством профессора В. В. Курилова Кружок ныне имеет возможность возобновить свою деятельность: Бюро Кружка помещается в химическом корпусе (Ткачевский переулок, 93), куда студенты и курсистки благоволят обращаться с 10–12 часов утра ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней» [26].

Эвакуация в 1915 г. императорского Варшавского университета, принесла г. Ростову-на-Дону, а по сути и всему югу страны первый классический университет в полном смысле этого слова.

Южный город получил не просто платформу для становления и развития образования на Дону, а готовый вуз, со своей историей, своими учебными и научными канонами, конечно же, со своим уставом, учебными планами, программами, библиотекой, научными знаниями и сильнейшим костяком профессорско-преподавательского состава.

За время перевода и первый год существования Варшавского императорского университета в Ростове-на-Дону многие организационные и учебные вопросы остались нерешенными.

Переехав в Ростов, университет сразу же потерял свою грандиозность и помпезность, которую он имел в Варшаве. В новом городе в силу сложившихся обстоятельств университет разместился в не предназначенных для образовательной деятельности помещениях, соответственно и условия для образовательных процессов и в целом научной деятельности оставляли желать лучшего.

Но, несмотря на «боевые» и относительно «полевые» условия, городу на Дону удалось создать «фундамент» для вуза такого уровня, и в целом преодолевая все трудности, создать тот самый базис для всей современной науки в нашем городе. Ведь именно с Варшавского императорского университета в дальнейшем выйдут в самостоятельный путь и станут действительно научными и образовательными центра-

ми, такие вузы, как Ростовский государственный университет (ныне ЮФУ), Ростовский государственный педагогический институт (сейчас ЮФУ), Ростовский государственный медицинский университет.

Благодаря личным усилиям прежде всего профессорско-преподавательского состава и многих представителей городских властей того времени, Варшавский императорский университет удалось не просто сохранить и оживить на новом месте, но и в полном смысле качественно и непременно грамотно развить, что в свою очередь позитивно сказалось на становлении всей образовательной системы Дона.

Таким образом, по истечении времени мы сейчас имеем подлинное подтверждение того, что город для Императорского университета и сам университет для города были выбраны исторически верно.

Литература

1. К открытию университета в Ростове // Южный телеграф. 1915. 26 июля.
2. О решении Совета университета о переводе университета в г. Ростов-на-Дону // Приазовский край. 1915. 14 авг.
3. О встрече с ростовчанами профессоров университета // Приазовский край. 1915. 15 авг.
4. Детская больница // Приазовский край. 1915. 7 сент.
5. Ростовская жизнь. Варшавский университет // Южный телеграф. 1916. 18 авг.
6. Университетская хроника // Южный телеграф. 1915. 2 нояб.
7. Ростовский университет // Южный телеграф. 1915. 3 авг.
8. К постройке университета // Южный телеграф. 1916. 12 мая.
9. Университетская хроника. Условный перевод // Южный телеграф. 1916. 19 февр.
10. Университетская библиотека // Приазовский край. 1915. 4 сент.
11. Библиотека университета // Приазовский край. 1915. 5 окт.
12. Городская библиотека // Приазовский край. 1915. 17 сент.
13. На покупку библиотеки // Южный телеграф. 1915. 17 дек.
14. Университетская хроника. Покупка библиотеки // Южный телеграф. 1916. 27 марта.
15. Библиотека для университета // Южный телеграф. 1916. 20 апр.

16. Библиотека университета // Южный телеграф. 1916. 19 авг.
17. Издание лекций // Южный телеграф. 1916. 6 февр.
18. Университетская хроника // Южный телеграф. 1915. 10 нояб.
19. Университетская хроника. Отказ в льготном проезде // Южный телеграф. 1916. 12 янв.
20. Университет. Кабинет практических занятий // Приазовский край. 1915. 21 окт.
21. Ростовская жизнь. Университет. Физико-химическое отделение // Приазовский край. 1915. 23 нояб.
22. Химический корпус // Приазовский край. 1915. 5 окт.
23. Место под Ботанический сад // Южный телеграф. 1916. 27 янв.
24. Университетская хроника // Южный телеграф. 1915. 18 нояб.
25. Лобова В.В., Алубаева Н. А. Студенты – воинам // Успехи современной науки и образования. 2017. № 3.
26. Кружок помощи воинам // Приазовский край. 1915. 10 окт.

References

1. To the opening of the University in Rostov. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, July 26. (in Russian).
2. About the decision of the University Council to transfer the University to Rostov-on-Don. (1915). *Priazovskii krai*, August 14. (in Russian).
3. On the meeting of Rostov University professors. (1915). *Priazovskii krai*, August 15. (in Russian).
4. Children's hospital. (1915). *Priazovskii krai*, September 7. (in Russian).
5. Rostov life. Warsaw University. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, August 18. (in Russian).
6. University chronicle. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, November 2. (in Russian).
7. Rostov University. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, August 3. (in Russian).
8. To Building the University. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, May 12. (in Russian).
9. The University chronicle. Conditional transfer. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, February 19. (in Russian).
10. The University library. (1915). *Priazovskii krai*, September 4. (in Russian).
11. The University library. (1915). *Priazovskii krai*, October 5. (in Russian).
12. The City library. (1915). *Priazovskii krai*, September 17. (in Russian).

13. To purchasing a library. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, December 17. (in Russian).
14. The University chronicle. Purchasing a library. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, March 27. (in Russian).
15. The library for the University. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, April 20. (in Russian).
16. The University library. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, August 19. (in Russian).
17. Publication of the lectures. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, February 6. (in Russian).
18. The University chronicle. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, November 10. (in Russian).
19. The University chronicle. Refusal of preferential travel. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, January 12. (in Russian).
20. University. Practice cabinet. (1915). *Priazovskii krai*, October 21. (in Russian).
21. Rostov life. University. Physical and Chemical Department. (1915). *Priazovskii krai*, November 23. (in Russian).
22. Chemical Campus. (1915). *Priazovskii krai*, October 5. (in Russian).
23. Place for a Botanical garden. (1916). *Yuzhnyi telegraf*, January 27. (in Russian).
24. The University chronicle. (1915). *Yuzhnyi telegraf*, November 18. (in Russian).
25. Lobova V.V., Alubaeva N. A. (2017). Students to warriors. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, No. 3. (in Russian).
26. The club of help to the soldiers. (1915). *Priazovskii krai*, October 10. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

19 июля 2021 г. / July 19, 2021

УДК 93/94

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-67-73

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ 20–30-Х ГОДОВ
XX ВЕКА И ЕЕ ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ, КАДРОВЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БОРЬБЫ С НАЦИЗМОМ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО ОЦЕНКАМ В.М. ЧЕРНОВА)¹**

© 2021 г. К.Г. Малыхин^а, О.В. Щекатунов^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

**BOLSHEVIK MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE 20-30s OF THE 20th
CENTURY AND ITS MILITARY-TECHNOLOGICAL, PERSONNEL
AND POLITICAL CONSEQUENCES FOR THE FIGHT AGAINST NAZISM
IN THE FIRST YEARS OF WORLD WAR II (ACCORDING TO V.M. CHERNOV)**

K.G. Malikhin^а, O.V. Schekatunov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

*Малыхин Константин Германович –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: malikhin@sfedu.ru*

*Konstantin G. Malikhin -
Doctor of History, Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: malikhin@sfedu.ru*

*Щекатунов Олег Валентинович –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: shekatunov@sfedu.ru*

*Oleg V. Schekatunov -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: shekatunov@sfedu.ru*

Рассматриваются результаты большевистской модернизации 20–30-х гг. XX в. в ее военно-технологическом, кадровом и политическом аспектах на примере борьбы Советского Союза с нацистской Германией в первые годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Актуальность темы обусловлена противоречиями в оценках большевистских преобразований 20–30-х гг. В историографии и в общественном сознании не утихают споры о роли этих преобразований для победы в ВОВ и ВМВ. Прежде всего это касается первых лет ВОВ, особенно тяжелых для СССР. Эту проблему проанализировал выдающийся теоретик, лидер эсэров и деятель русской интеллектуальной эмиграции В.М. Чернов.

В качестве исторических источников приводится ряд таких интереснейших документов, как письмо В.М. Чернова И.В. Сталину в 1942 г. и номера издававшегося в США эмигрантского журнала «За Свободу!». На примере этих источников показана позиция В.М. Чернова по поводу успехов и неудач большевистского реформирования России и связанных с этим побед и поражений Красной Армии в первые годы войны. Доказывается, что провалы СССР в первые годы войны являлись следствием целого ряда политических и кадровых проблем, часть из которых обусловлена ускоренным «штурмовым» характером большевистской модернизации 20–30-х гг. XX в.

Ключевые слова: большевистская модернизация в 20–30-е гг., модернизация, индустриализация, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, В.М. Чернов, Русское зарубежье.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90004.
The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90004.

The article is devoted to the assessment of the results of the Bolshevik modernization of Russia in the 20-30s of the 20th century in its military-technological, personnel and political aspects on the example of the struggle of Soviet Russia with Nazi Germany in the first years of World War II and the Great Patriotic War. The relevance of the topic is due to the contradictions in the assessments of the Bolshevik transformations of the 20-30s. In historiography and in the public mind, disputes about the role of these transformations for victory in the Second World War and WWII are not abating. This is especially true of the first years of the Second World War, which led the USSR to disaster. This problem was analyzed by an outstanding theoretician, leader of the Socialist-Revolutionaries and a figure of the Russian intellectual emigration V.M. Chernov. As historical sources, the article considers a number of such interesting documents as the letter of V.M. Chernov to I. V. Stalin in 1942 and issues of the emigre magazine "For Freedom!" published in the USA. Using these sources as an example, the position of V.M. Chernov on the successes and failures of the Bolshevik reform of Russia and the related victories and defeats of the Red Army in the early years of the War. It is proved that the failures of the USSR in the first years of the War were the result of a number of political and personnel problems, some of which were caused by the accelerated "assault" nature of the Bolshevik modernization of the 1920s and 1930s.

Keywords: *Bolshevik modernization in the 1920s and 1930s, modernization, industrialization, World War II, the Great Patriotic War, V.M. Chernov, Russian Diaspora.*

Введение

Говоря об оценках большевистского реформирования России 20–30-х гг. XX в. сквозь призму борьбы Советской России с нацистской Германией, нельзя обойти стороной мнения представителей русской интеллектуальной элиты, оказавшихся к 20-м гг. XX в. в эмиграции. На этом фоне особенно выделяется В.М. Чернов, чей удивительный теоретический талант пришелся как раз на 20–40-е гг. XX в. Учредительное собрание в свое время избрало В.М. Чернова своим лидером, и именно он возглавил демократическое сопротивление большевистской диктатуре в 1918 г. Однако преследование большевиков вынудило его осенью 1920 г. навсегда покинуть Родину.

В 20-е гг. В.М. Чернов жил и работал сначала в Тарту (Юрьев), затем в Берлине, издавая свое главное детище – журнал «Революционная Россия». В 1931 г. он перебирается во Францию, где остается вплоть до Второй мировой войны.

После разгрома и фактической капитуляции Франции русская демократическая и патриотическая эмиграция переместилась из Европы в США. Именно за океаном в 40-х гг. XX в. интеллектуальная мысль старой России нашла свое место. Судьба Родины, да и всего мира решалась в это время в Европе. Русские изгнанники пытались понять, что произошло в мире и что ждет планету. В американской эмиграции возник настоящий исследовательский центр. Этим центром стал журнал на русском языке, издававшийся в Нью-Йорке в 40-х гг. XX в. и получивший название «За Свободу!». Помимо В.М. Чернова в этом журнале публиковались и другие значимые фигуры эсеровской эмиграции, такие как Н.Д. Авксентьев, В. Зензинов, М. Вишняк, А.Ф. Керенский, видный социал-демократ А. Югов.

В редакции журнала работали политики, занимавшие ранее принципиально различные позиции по вопросу об отношении к большевистской России и перспективам России постбольшевистской. История показала, что старые споры во многом остались в прошлом. Наступила другая эпоха.

Летом 1941 г. они безоговорочно поддержали свою родину в войне с нацистами. «Россия стала очередной жертвой гитлеровской агрессии. Ей грозит расчленение, порабощение и обращение в вассальную колонию Третьего Рейха. В этот роковой исторический момент мы единодушно признаем необходимость стать на защиту России и всемерно приветствуем соответствующие решения Лондона и Вашингтона» [1, с. 2].

В этом плане показательным письмом В.М. Чернова И.В. Сталину, написанное в 1942 г. В.М. Чернов ясно осознавал, что на бескрайних просторах СССР решалась не только судьба России, но и всей мировой цивилизации. «Перед нашей родиной поставлен жуткий вопрос – быть или не быть. И тот же вопрос поставлен перед всей нашей цивилизацией, которая при всех своих несовершенствах, порою и извращениях, есть цивилизация гуманитарная и демократическая, цивилизация прав человека, личных и общественных свобод и трудовой солидаризации. На все эти выстраданные человечеством непреходящие ценности заносит свой бронированный кулак современный “зверь из бездны”. Это тоталитарное чудовище грозит охватить весь мир цепями своего “нового порядка”, порядка, основанного на мифической “естественной иерархии рас”, на идолопоклонстве перед хищным национальным государством и на обращении человека в его слепое орудие – обездушенного робота... Народы Советского Союза достойно встретили страшного

врага. Встреча, которую уготовили народы нашей родины гитлеровским моторизованным полчищам, дает нам право гордиться ими. Проявленные ими моральная сплоченность и единство, жертвенность и массовый героизм могут быть предметом зависти и восхищения наций с заслуженною репутацией самых передовых и культурных – избалованных первенцев истории» [2].

**В.М. Чернов о ходе войны и последствиях
большевистской модернизации
20–30-х гг. XX в.**

В письме Сталину В.М. Чернов отмечает результаты большевистской модернизации 20–30-х гг. «Советская Россия готовилась к новым военным испытаниям двадцать лет. Страна недоедала, но отдавала все свои силы и ресурсы созданию оборонной промышленности. Страна на двадцать лет оказалась под прессом, выжимавшим из нее все соки во имя ее чудесного преобразования путем индустриализации и сверхиндустриализации, в которой оборонной промышленности было отведено всепоглощающее место. Она научилась съезживаться на жалкой жилплощади, иметь всего в обрез, урезать самые законные потребности, бороться с недоеданием затягиванием туже на себе пояса» [2]. В.М. Чернов не без восхищения дает оценку модернизационным преобразованиям 20–30-х гг., не скрывая в то же время, какой ценой далось стране ее «чудесное преобразование», а именно за счет чудовищного снижения уровня жизни ее граждан.

Несмотря на это, к началу 40-х гг. не только СССР, но и весь мир осознал простую вещь, писал В.М. Чернов, что новая индустриальная Россия готова сразиться с любым врагом, который решится на нее напасть. И более того, В.М. Чернов, пусть как бы «сквозь зубы», одним из немногих русских демократов оправдывает пакт Молотова — Риббентропа. Запад получил урок. СССР не дал себя втянуть в войну. СССР выиграл время для укрепления своей обороноспособности: «Но вот пришло успокаивающее разъяснение: его надо рассматривать как суровый, пусть даже жестокий, но заслуженный Западом урок – он не хотел равняться по Советскому Союзу, он дал Гитлеру усилиться, пусть же теперь разделяется с ним, как хочет. Отныне Союз отходит в сторону. Надо выиграть время, и этим оправдывается не только попу-

стительство покушениям гнусного агрессора против европейского мира, но и снабжение его военным сырьем. Надо обеспечить тыл вокруг Ленинграда и получить в свои руки важнейшие военно-морские базы на Прибалтике: малые, прячущиеся в раковину нейтралитета прибрежные народы когда-нибудь сами поймут, что Советский Союз должен был во имя всеобщего интереса сломить силою ограниченность их исторического кругозора и стать твердою ногою на их территориях. Нельзя было дать преждевременно вовлечь себя в войну и лучше было пойти на четвертый раздел Польши, чем дать целиком ее захватить одному Гитлеру. И вот лилась финская и русская кровь, шла комедия добровольной советизации оккупированных земель Эстонии, Латвии и Литвы, русским вторжением наносился удар в тыл героической, изнемогавшей в неравной борьбе Польше» [2].

В.М. Чернов попытался проанализировать причины поражения Красной Армии в первые годы войны. Он подошел к этому вопросу, как и ко всем темам, которые исследовал, как серьезнейший аналитик. Он ясно видел целый комплекс причин, приведший к катастрофе 1941–1942 гг. В 10–11 номерах «За Свободу» в 1943 г. появилась его статья «Сталинград», где он отметил, что именно на Волге, в Сталинградской битве решается судьба нашей родины и всего мира: «Сталинград! Это имя собственное давно уже превратилось в “слово-символ”... Опираясь на такой город, можно сказать незабываемыми словами защитников Мадрида: “No pasaran” Здесь они не пройдут» [3, с. 7]. В.М. Чернов отдавал отчет, что СССР оказался втянут в противостояние с лучшей армией тогдашнего мира. Все предыдущие военные кампании немцев оказались «легкой прогулкой». Вермахт легко разгромил своих противников от Адриатики до Норвегии [3]. Немцы были окружены со всех сторон врагами и культивировали поистине культ военного искусства. В.М. Чернов увидел в этом что-то религиозное: «Даже в наиболее мирные эпохи старой своей истории он [немецкий народ] был для всех государей Европы поставщиком самых надежных и дисциплинированных ландскнехтов. Нигде дух казармы не проникал так глубоко в недра всей жизни нации» [3, с. 7]. В.М. Чернов признает безусловный гений немецкой научной мысли.

Напротив, командиры Красной Армии были детьми Гражданской войны в России, совершенно не сопоставимой по своему уровню с

уровнем самой мощной армии тогдашнего мира. К тому же многие командиры Красной Армии были истреблены в ходе сталинских чисток: «Наши красные командиры выковывались в огне гражданской войны, методы и масштабы которой совершенно несоизмеримы с методами современной внешней войны, ультра-индустриализованной и мото-механизированной. Притом даже из них много ли уцелело звезд первой величины в судорогах партийной “чистки”?» [3, с. 7]. В.М. Чернов прямо говорил, что Советский Союз столкнулся с самой мощной военной машиной мира. В условиях новой индустриальной войны воюет не техника, а человек. Несмотря на колоссальные успехи советской индустриальной модернизации уровень подготовки немецких солдат, офицеров, немецкого командования в целом превосходили уровень Красной Армии. В Германии столетиями формировался культ милитаризма.

Большевистская модернизация в этом аспекте не могла пересилить традицию. Можно за 20 лет отстроить заводы и фабрики, научиться изготавливать современное оружие и бронетехнику, но «создать» за столь краткий срок человека, который в совершенстве овладеет всеми «дарами» индустриального общества, да еще и адаптирует новоприобретенные навыки с учетом своих традиционных культурных особенностей и устремлений к образу жизни новой индустриальной эпохи – невозможно. Неспроста экс-министр Временного правительства С.Н. Прокопович утверждал, что для СССР проблема подготовки и воспитания новых кадров «является самой трудной» [4, с. 13]. Он считал, что создание достаточно эффективного кадрового потенциала катастрофическим образом отразится на уровне жизни советских граждан ввиду колоссальных и неэффективных растрат национальных сбережений, которые страна неизбежно потеряет за время подготовки новых кадров. Это мнение С.Н. Прокоповича относительно сталинского этапа большевистской модернизации во многом оказалось пророческим.

В итоге В.М. Чернов пришел к выводу, что причины катастрофы начала Великой Отечественной войны были связаны с рядом стратегических и тактических факторов. Во-первых, формирование менталитета Германии происходило в условиях милитаризма. Немецкие солдаты, офицеры были, безусловно, лучшими в мире. Немецкая стратегическая мысль отличалась высочайшим научным уровнем. Русский солдат

всегда отчаянно защищал свою Родину, но никогда не стремился завоевывать другие народы. Война изначально была чужда менталитету русского человека. Командиры Красной Армии в основном выдвинулись из простого народа во время Гражданской войны в России.

Во-вторых, индустриальное и общественицизационное развитие Германии началось значительно раньше и привело к более значимым результатам по сравнению с СССР, который только к началу Второй мировой войны сумел достичь примерно сопоставимых количественных показателей с европейскими странами.

В-третьих, Германия к 1941 г. подчинила или поставила в зависимое положение практически всю Европу, мобилизовав ее ресурсы. Исключение составляла только Великобритания. Нейтральные государства Европы занимали по отношению к Германии благожелательный нейтралитет.

Тактические ошибки руководителей СССР выяснились уже в ходе войны. Подписание Пакта о ненападении между СССР и Германией требовало переноса границ СССР далеко на Запад. Однако этот, казалась бы, очевидный положительный момент привел к негативным последствиям. Старая укрепленная граница СССР была оставлена, а новую не успели построить.

Внутренние политические процессы в СССР во второй половине 30-х гг. XX в. способствовали исчезновению самой подготовленной к современной войне части командиров Красной Армии. Во время «большого террора» 30-х гг. большинство их было уничтожено или находилось в заключении. Пришедшие им на смену командиры не обладали необходимыми для современной войны знаниями и умениями. В итоге немецкие войска оказались под Москвой, и только героическое сопротивление народов СССР позволило остановить врага.

Летняя 1942 г. кампания немецкой армии прошла иначе. Несмотря на свое явное превосходство, немцы не могли действовать как в 1941 г.: «Общий план ведения войны в 1942 году с немецкой стороны был существеннейшим образом отличен от плана 1941 года. Тогда германская стратегия действовала в нарушении завета Клаузевица о “необходимости концентрации ударной силы”. Велось одновременное наступление по всему русскому фронту от Финского залива до Черного моря. Из заявлений Гитлера, Геббельса и др. мы знаем, на что надеялись наступающие: на полное сокрушение

Красной армии и на взятие Москвы, Ленинграда, Харькова и Ростова, иными словами на окончательную и решительную победу» [5, с. 15–16].

Действительно в 1941 г., пишет В.М. Чернов, немцам удалось нанести серьезный урон Красной Армии. Они захватили территорию СССР превосходящую по размерам Германию, Австро-Венгрию, Румынию и Польшу вместе взятые. Однако реализовать свой стратегический замысел в 1941 г. не сумели. Героические усилия народов СССР сорвали планы агрессоров.

Советское командование надеялось, что зимой 1941–1942 гг. Красной Армии удастся остановить немецкий стратегический порыв и развитие военных действий пойдет в другом направлении. Однако в действительности все пошло совсем по-другому. В.М. Чернов писал: «Судя по расположению русских сил, командование Красной Армии ожидало продолжения тактики предыдущего года. Но противник готовил ему большой стратегический сюрприз. Возврат “Назад к Клаузевицу”. В решающий момент кампании на протяжении всего только четверти русского фронта у немцев оказалось сосредоточено около 40 % имевшейся на русском фронте пехоты и больше половины сухопутных и воздушных ударных сил» [5, с. 16]. В.М. Чернов пояснил, что немецкое командование ставило перед собой задачу захвата всего Юга страны, Кавказа и прекращение сообщения по Волге, являвшегося одним из важнейших факторов Западной помощи СССР.

Немецкая тактика предполагала нанести удар танковыми соединениями при поддержке авиации. Затем захваченные позиции занимали механизированные части, писал В.М. Чернов. Помимо великолепной подготовки у немецкой армии был ряд преимуществ. Красная Армия уступала по количеству танков и авиации. «К тому же к услугам немцев было военное сырье и заводы всей Европы, а Красная армия только лишилась как главных источников стали угля и пр., так и нескольких крупных центров производства аэропланов, танков, транспортных автомобилей. В связи с большими в них потерями за 1941 год создалось неравенство» [5, с. 17]. Поставки союзников оказались недостаточными и не смогли компенсировать потери Красной Армии, утверждал В.М. Чернов.

Первоначально немцы смогли ликвидировать советское сопротивление под Севастополем, сосредоточили основные силы под Харьковом.

Они могли ударить и на московском, и на южном направлении. Красная Армия, пытаясь опередить немецкое наступление, ударила первой, однако превосходство немцев в танковых, механизированных и авиационных частях позволило им разгромить весной 1942 г. войска Тимошенко. Немцы переиграли Красную Армию и стратегически, и тактически. Южный фронт был разгромлен [5, с. 19–20].

События 1942 г. принципиально отличались от событий 1941 г. Тогда немцы наступали по всему фронту. В 1942 г. был нанесен удар всех сил Германии и всей Европы по одному флангу русского фронта. Да, писал В.М. Чернов, немцы смогли выйти и к Кавказу, и к Волге, к самому Сталинграду. Однако именно героическое сопротивление народов СССР, Красной Армии привело к тому, что это были по сути последние победы немцев. Германия выдохлась, исчерпала свои резервы и остановилась у порога Кавказа и на Волге. В. М. Чернов пророчески писал в начале 1943 г., что именно из-под Сталинграда начнется разгром Германии: «Сталинград стал русским Верденом. За блестящей главой его защиты следует новая глава. Узкий коридор, которым немцы подошли к Сталинграду и который стал для них тупиком, может быть взят в клещи. Когда пишутся эти строки русские силы с севера и с юга угрожают бьющимся в Сталинграде немецким силам смычкой в их тылу» [5, с. 21].

Заключение

Таким образом, причины поражения СССР в первые годы Великой Отечественной войны не следует воспринимать как следствие провала большевистской модернизации 20–30-х гг. Напротив, без «сталинского рывка», без интенсивной и экстенсивной индустриализации война для СССР могла бы закончиться в 1941 г., если не раньше. В.М. Чернов не раз указывает на это в своем письме Сталину, признавая успехи большевистского реформирования России, и ее готовность сразиться с любым врагом, который решится на нее напасть. Однако следует понимать, что большевистская модернизация носила «штурмовой» догоняющий характер преобразований, который неизбежно приводил к целому ряду характерных проблем. Заводы и фабрики строились быстрее, чем на них успевали появляться квалифицированные рабочие и инженеры. Уровень социальной инфраструктуры в го-

ды первых пятилеток был катастрофически низок. Проводимая в связи с этим репрессивная политика была призвана подавить недовольство, компенсировав недостаток финансовых вливаний в социальную сферу за счет принуждения, устрашения, пропаганды и тоталитарного контроля государства над людьми.

Многие наиболее подготовленные солдаты и офицеры не пережили сталинских чисток «большого террора», притом что, констатирует В.М. Чернов, солдаты и офицеры Красной Армии по уровню готовности к современной индустриальной войне в целом не дотягивали до солдат и офицеров армий Вермахта. Сказывалось и то, что традиционно война изначально была чужда менталитету русского человека. Командиры Красной Армии, будучи в основном выходцами из простого народа, не могли похвастаться должной дисциплиной перед немцами с их милитаристским «русским духом».

В военно-технологическом аспекте за 20 лет большевистская модернизация позволила сделать Советскому Союзу качественный рывок. Только за первые годы Второй мировой войны на вооружение СССР было поставлено множество новых образцов оружия и военной техники. Появились современные танки, авиация, артиллерия, пехотное вооружение. Тем не менее сказывалось общее модернизационное и в частности индустриальное отставание СССР от передовых стран Запада, к коню однозначно относилась Германия.

Подводя итог, следует сказать, что в 1939 г. человечество столкнулось с невиданной по своим масштабам катастрофой в мировой истории. Вторая мировая война стала жестоким испытанием для десятков стран и сотен миллионов людей по всему миру. Значительная часть этого испытания легла в 40-х гг. на плечи советских граждан, еще не оправившихся от ужасов 20–30-х гг. К этому моменту передовые страны мира уже давно прошли самый тяжелый этап раннеиндустриальной модернизации, в то время как Россия, отброшенная за годы Гражданской войны к состоянию доиндустриального общества, практически с нуля вынуждена была возродить уничтоженный военно-промышленный потенциал. Большевикам в этом плане удалось проделать колоссальную работу (не без колоссальных жертв), создав мощную тяжелую и оборонную индустрию, и за 20 лет заложить таким образом фундамент победы над нацизмом.

Важно отметить, что именно В.М. Чернов одним из первых стал утверждать, что война с

Германией по сути дела оказалась войной СССР – страны, которая только начала свой военно-индустриальный рывок около десяти лет назад и никак не могла преодолеть за это время низкий уровень развития традиционного общества, – с объединенной гитлеровской Германией индустриальной Европой, в которой опыт индустриального развития насчитывал к тому времени уже столетия. Нейтральными остались только Швеция и Швейцария, а Испания, Португалия и Турция занимали просоюзническую по отношению к Германии позицию в начальном периоде Второй мировой войны. Естественно, уровень производительных сил, сама культура труда в «старой» Европе были несопоставимы с российскими реалиями начала 40-х гг. XX в. Все это ярко проявилось прежде всего в военной области. И В.М. Чернов утверждал, что поражения начального периода войны вполне объяснимы с этих позиций. В военном столкновении в индустриальную эпоху определяющими являются не количественные, а качественные показатели, прежде всего уровень подготовки солдат и командиров, наличие военных традиций и опыта современной войны. Кроме того, индустриальные технологические резервы всей Европы позволяли Германии легко восполнять потери первых лет войны. А СССР вплоть до открытия Второго фронта в Европе вынужден был практически в одиночестве противостоять всей Европе во главе с самой лучшей европейской германской военной машиной. В. М. Чернов обратил внимание, что патриотизм и жертвенность советского человека, прежде всего русского солдата, позволили остановить врага. Красная Армия училась в ходе войны, и в 1942 г. уже могла перейти к войне с Германией «на равных». Этот вывод он сделал накануне Великого контрнаступления под Сталинградом. Индустриальный потенциал СССР, созданный за счет разорения крестьян, все же позволил выстоять в самые страшные месяцы войны, тем самым В.М. Чернов как бы признал, что жертвы, понесенные страной в 30-е гг., оказались ненеправильными и позволили выжить русскому этносу, так как цели нацистской агрессии предполагали именно уничтожение русского государства и русского народа. Парадокс истории заключался в том, что диктатор И.В. Сталин, по мнению В.М. Чернова, осознал эту страшную угрозу и сумел сплотить народы СССР перед грозным врагом. Очевидно, что выводы В.М. Чернова предвосхитили многие оценки и

выводы современных историков и политологов. Являясь одним из ярчайших критиков сталинской диктатуры, В.М. Чернов сумел быть объективным и независимым исследователем и сделать парадоксальные научные выводы.

Литература

1. Резолюция Нью-Йоркской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За Свободу. 1941. № 2–3. С. 2.
2. Чернов В.М. Письмо И.В. Сталину // Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky Collection. Box 386. Folder 7.
3. Чернов В.М. Сталинград // За Свободу. 1943. № 10–11.
4. Результат 2-го года пятилетки и контрольные цифры на 1931 год // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича / под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1931. Февраль. № 86.

5. Обозреватель. Летняя кампания немцев на Юге России // За Свободу. 1943. № 10–11.

References

1. Resolution of the New York Group of the Socialist-Revolutionary Party on the Soviet-German War. (1941). *Za Svobodu*, No. 2-3, p. 2. (in Russian).
2. Chernov V.M. Letter to I.V. Stalin. *Hoover Institution Archives. В. Nicolaevsky Collection. Box 386. Folder 7.* (in Russian).
3. Chernov V.M. (1943). Stalingrad. *Za Svobodu*, No. 10-11. (in Russian).
4. The result of the 2nd year of the five-year plan and control figures for 1931. (1931). *Bulletin of the economic cabinet of professor S.N. Prokopovich.* S.N. Prokopovich (Ed.). Prague, February, No. 86. (in Russian).
5. Browser. Summer campaign of the Germans in the South of Russia. (1943). *Za Svobodu*, No. 10-11. (in Russian).

УДК 908(477.75)"1866-1875":616-082
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-74-81

РАБОТА ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЗЕМСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1866–1875 гг.)

© 2021 г. К.Г. Моргунов^а

^а Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

THE WORK OF THE ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT ON THE DEVELOPMENT OF HEALTH CARE IN THE TAURIDE PROVINCE IN THE FIRST DECADE OF ZEMSTVO ACTIVITY (1866-1875)

K.G. Morgunov^а

^а *Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

*Моргунов Кирилл Георгиевич –
аспирант, кафедра истории России,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского,
пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь,
Республика Крым, 295007, Россия.
E-mail: kirill95morgunov@yandex.ru*

*Kirill G. Morgunov -
Postgraduate,
Department of Russian History,
Tauride Academy,
Vernadsky Crimean Federal University,
Akademika Vernadskogo Ave, 4, Simferopol,
Republic of Crimea, 295007, Russia.
E-mail: kirill95morgunov@yandex.ru*

В период либеральных преобразований императора Александра II в России в 1864 г. началась земская реформа, которая являлась продолжением крестьянской реформы 1861 г. В стране вводились земские учреждения, в Таврической губернии они появляются на два года позже – в 1866 г. Земские учреждения ведали местными социальными и хозяйственными вопросами. Одним из важных вопросов, который лег на плечи земств, был вопрос развития медицины. Забота о народном здравии не входила в число обязательных земских повинностей, но рост инфекционных заболеваний и высокий уровень смертности во многом побуждали земские органы содействовать развитию медицинского дела. Особенно тяжелой была работа в самом начале становления земской медицины, когда приходилось поднимать на новый уровень все, что досталось в наследство в 1866 г. Первое десятилетие земской деятельности по развитию медицинского дела и является предметом изучения данного исследования. В статье рассмотрены региональные особенности уездов Таврической губернии и их значение в деле развития народного здравоохранения региона. Актуальность и новизну исследованию добавляет отражение влияния социального состава уездных земских гласных на модернизацию социальной сферы губернии. В заключение приводится информация о достигнутых результатах органов местного самоуправления к концу третьего земского трехлетия по отношению к 1866 г. В результатах исследования приводится информация о состоянии медицинского дела Таврической губернии в 1875 г. по отношению к остальным губерниям Российской империи.

Ключевые слова: земские собрания, народное здравоохранение, медицинское дело, Таврическая губерния.

During the period of liberal reforms of Emperor Alexander II in Russia in 1864, the zemstvo reform began, which was a continuation of the peasant reform of 1861. Zemstvo institutions were introduced in the country, in the Tauride province they appear two years later - in 1866, zemstvo institutions were in charge of local social and economic issues. One of the important issues that fell on the shoulders of the zemstvos was the issue of the development of medicine. Taking care of the people's health was not one of the mandatory zemstvo duties, but the growth of infectious diseases and the high mortality rate largely prompted the zemstvo authorities to promote the development of medical affairs. The work of the zemstvo bodies was especially difficult at the very beginning of the formation of zemstvo medicine, when the zemstvos had to raise to a new level everything that they had inherited in 1866. The first decade of zemstvo activity for the development of medical science is the subject of this study. The article deals with the regional features of the districts of the Tauride province and their importance in the development of public health in the region. The relevance and novelty of the study is added by the reflection of the influence of the social composition of the county zemstvo vowels on the modernization of the social sphere of the province. In conclusion, information is provided on the results achieved by local self-government bodies by the end of the third zemstvo triennial in relation to 1866. The results of the research provide information on the state of medical affairs of the Tauride province in 1875 in relation to the rest of the zemstvo provinces of the Russian Empire.

Keywords: *zemstvo assemblies, public health, medical affairs, Tauride province.*

До введения в 1866 г. в Таврической губернии органов земского самоуправления работа по развитию здравоохранения и оказанию медицинской помощи населению осуществлялась самыми различными учреждениями и ведомствами. Так, к примеру, губернские и уездные больницы до 1866 г. находились в распоряжении приказа общественного призрения, а медицинским делом в селах губернии заведовало

ведомство государственных имуществ. К 1866 г. в Таврической губернии медицинские услуги населению оказывало всего 7 больниц, которые могли принимать только 229 стационарных больных, в губернии медицинскую работу вели всего восемь фельдшеров и восемь врачей. Также в Таврической губернии помимо больниц к 1866 г. числилась и одна богадельня, рассчитанная на 98 стационарных больных (табл. 1).

Таблица 1

Состояние медицинского обслуживания населения в Таврической губернии в 1866 г. по уездам / The state of medical care of the population in the Tauride province in 1866 by districts

Уезд	Количество				На одного врача приходилось:	
	больниц	стационарных мест	врачей	фельдшеров	верст	тысяч человек
Симферопольский	1	120	1	1	4390	144
Бердянский	1	34	2	5	3795	128
Мелитопольский	1	27	1	-	11688	285
Днепровский	-	-	-	1	11396	152
Перекопский	1	5	1	-	5050	32
Евпаторийский	1	7	1	-	5085	45
Феодосийский	1	29	1	1	6190	102
Ялтинский	1	7	1	-	1385	43
Всего:	7	229	8	8	6497	116

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что на всё население губернии – более 1 млн человек – приходилось всего семь больниц, при этом площадь Таврической губернии составляла 112 тыс. кв. верст, т. е. один врач должен был обслуживать приблизительно 116 тыс. человек населения, проживавших на 7 тыс. кв. верст территории, а Днепровский уезд со 152-тысячным населением вообще не имел ни одного врача и больницы.

Органам земского самоуправления медицинские учреждения губернии достались в достаточно запущенном состоянии; многие из них требовали срочного ремонта [1, с. 63]. Некоторые уездные больницы вообще не имели собственных зданий и располагались в съемных помещениях, совершенно не соответствовавших санитарным требованиям того времени [2, с. 11].

подавляющее большинство сельского населения медицинскую помощь получало от фель-

дшеров, так как у многих селян не было финансовой возможности оплатить полноценное лечение в больнице, которое на тот период составляло 7,5 р. вне зависимости от того, сколько дней в течение месяца больной пролежит в больнице. Фельдшерам вменялось в обязанность в свободное время заниматься сбором лечебных трав для селян, с этой целью им ежегодно выделялось 12,5 р. Врачи обязаны были регулярно осуществлять инспекции и контролировать работу фельдшеров в уездах, но зачастую на практике эти инспекции не проводились ввиду нехватки врачебных кадров в губернии [1, с. 68].

Среди заболеваний в губернии преобладали инфекционные – в среднем до 35 % всего населения уездов. Самыми распространёнными из-за состояния жилищных условий и высокой скорости заражения были оспа, малярия и дифтерит [3, с. 87]. Уровень смертности достигал почти 32 %, но в целом по России он был немного выше – 36 % [1, с. 27]. Из общего числа всех смертей са-

мый высокий показатель был среди детей до шести лет, и Таврическая губерния занимала 47-е место в стране среди остальных губерний [1, с. 30].

По Положению о земских учреждениях 1864 г. к числу обязанностей земских органов относилось ведение работы по оспопрививанию населения, содержание больниц и богаделен, однако данный вид расходов, согласно документам, был отнесен к необязательным земским расходам [4]. Тем не менее в 1866 г. все учреждения народного здравоохранения Таврической губернии перешли в ведение земских органов [5, с. 30].

Административную функцию по управлению медицинским делом в губернии выполняли земские собрания, они принимали на земскую службу врачей, назначали им жалование, выделяли жилье, а исполнительная работа была за земскими управами. Также в губернии были

четко разграничены обязанности уездных и губернского земств. Таврическое губернское земское собрание содержало психиатрические стационары, губернскую больницу, фельдшерские и акушерские школы и осуществляло работу по организации губернских врачебных съездов. В ведение уездных земств входило финансирование медицинских учреждений в селах, содержание уездной больницы, обеспечение мер по борьбе с эпидемиями в уездах [6, с. 71].

За первое десятилетие земской деятельности в Таврической губернии каждый уезд был обеспечен врачом, также возросло и количество фельдшеров, но основной системой медицинского обслуживания населения продолжала оставаться разъездная. Земские врачи время от времени должны были разъезжать по уезду, осуществлять поиск больных и контролировать деятельность фельдшеров [7, с. 23] (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение медицинского персонала в Таврической губернии в 1866 г. и 1875 г. по уездам
 / The ratio of medical personnel in the Tauride province in 1866 and 1875 by districts

Уезд	1866 г.		1875 г.	
	Количество фельдшеров	Количество врачей	Количество фельдшеров	Количество врачей
Симферопольский	2	1	5	1
Бердянский	5	2	29	9
Мелитопольский	отсутств.	1	13	7
Днепровский	отсутств.	отсутств.	15	2
Перекопский	отсутств.	1	2	3
Евпаторийский	1	1	1	2
Феодосийский	1	1	9	3
Ялтинский	отсутств.	1	7	2
Всего:	9	8	81	29

Из данных, приведенных в табл. 2, видно, что за первые десять лет земской работы количество фельдшеров в Таврической губернии было увеличено ровно в девять раз, увеличивается также и количество врачей – в 3,6 раза. Общее число врачей в губернии было значительно меньше числа фельдшеров, что было обусловлено более высоким жалованием у врача, фельдшер получал в пять раз меньше. Средняя зарплата врача составляла 1,2 – 1,5 тыс. р. в год, фельдшера – 300 р. в год [8, с. 39] (табл. 3).

Расходы земских органов на здравоохранение в начале первого десятилетия были крайне низкими по отношению к общей сумме земских расходов. На медицинское дело в 1869 г. расходовалось 50,6 тыс. р., что составляло десятую

часть общих расходов земских органов, в 1875 г. данная сумма увеличилась и составляла 87,1 тыс. р., но это также оставалось лишь десятой частью всех земских расходных сумм.

Однако по уездам данная картина не выглядела столь однозначной. Бердянское уездное земское собрание, которое отличалось своей прогрессивностью в деле развития всей социальной сферы, с самого начала своей деятельности расходовало значительные средства на развитие народного здравоохранения, а в 1875 г. на медицину им было израсходовано 25 тыс. р., что значительно больше тех расходов, которые несли по данной статье Евпаторийское, Симферопольское, Феодосийское и губернское земства вместе взятые.

К 1875 г. размер финансирования с 6,6 до 12,7 тыс. р. был увеличен Мелитопольским уездным земским собранием. Рост расходов происходит и в Ялтинском уезде с 10,2 до 14,4 тыс. р., это увеличение обусловлено во

многом не столько прогрессивным составом земских гласных, как например в Бердянском и Мелитопольском уездах, сколько географическим положением самого Ялтинского уезда и его курортной спецификой [8, с. 144].

Таблица 3

Соотношение земских расходов на медицину по уездам в первое десятилетие земской деятельности / The ratio of zemstvo expenditures on medicine by districts in the first decade of zemstvo activity

Уезд	1869 г.		1872 г.		1875 г.	
	Тыс. р.	% от общ. суммы расходов	Тыс. р.	% от общ. суммы расходов	Тыс. р.	% от общ. суммы расходов
Симферопольский	1,8	6,3	1,8	3,5	2,4	3,5
Бердянский	11,5	9,6	13	9,4	25	10,2
Мелитопольский	6,6	6,4	12,9	12,4	12,7	10
Днепровский	9	17,3	10,7	11,5	11,6	10
Перекопский	4	15,5	3,2	8,5	4,3	9,9
Евпаторийский	3	9,8	5,1	13	4,5	11,2
Феодосийский	4,4	8	8,8	16	9,4	14
Ялтинский	10,2	25,9	11,5	27,8	14,4	28
Губернское зем-во	0,1	0,1	3,6	4,6	2,8	2,8
Всего:	50,6	10	70,6	10,9	87,1	9,9

В Симферопольском и Перекопском уездах в рассматриваемый период зафиксирована наименьшая доля расходов на медицину по сравнению с остальными уездами. С 1866 по 1875 г. их рост здесь практически не наблюдается, что было отмечено Таврическим губернатором, который осуждал данные земские собрания за «недостаточное отношение к медицинскому делу в сравнении с другими уездами губернии» [9, с. 269].

Работа по совершенствованию сферы здравоохранения Перекопским уездным земским собранием в целом велась крайне медленно, а в 1870 г. в уездном городе Перекопе решением земского собрания ввиду очень малого количества больных была закрыта единственная уездная больница [2, с. 26].

До 1867 г. в Симферопольском уезде работало всего 2 фельдшера, земский врач вообще отсутствовал. Для решения сложившейся проблемы земским собранием на работу было принято дополнительно 5 фельдшеров с зарплатой 120 р. в год и 1 врач с зарплатой 700 р. в год [10, л. 18]. Но и этих мер оказалось еще недостаточно, так как во многих крупных селениях до 1875 г. по-прежнему не было даже фельдшера [11, л. 63]. К примеру, из-за отсутствия фельдшера в городе Бахчисарай

Симферопольского уезда оспопрививанием занимался местный цирюльник [11, л. 119].

С введением земской медицины врачи полностью контролировали и регламентировали деятельность фельдшеров [7, с. 30]. По их мнению, фельдшеры вообще не должны были работать самостоятельно, а только в паре с земским врачом, выполняя вспомогательные обязанности: осуществлять прием пациентов, ухаживать за больными, вести работу по оспопрививанию, изготавливать лекарства и т.д. [7, с. 40].

На практике все было наоборот, фельдшерская деятельность в Таврической губернии к 1875 г. значительно активизировалась, к этому времени было открыто и функционировало 59 фельдшерских пунктов [12, л. 141]. Врачи в свою очередь, столкнувшись с высокой скоростью распространения инфекционных заболеваний в губернии, продолжали заботиться об улучшении гигиенических и санитарных норм [12, л. 143]. Этот вопрос был впервые поднят врачами Мелитопольского уезда в 1868 г., после чего уездное земское собрание ввело обязательное преподавание санитарно-гигиенических норм в земских школах [13, с. 319].

Еще одним препятствием в деле развития народного здравоохранения было недоверие

населения к медицине в целом из-за продолжительного отсутствия должного медицинского обслуживания. Большинство жителей уездов не верили в возможности врачей излечить их от болезни и продолжали заниматься самолечением [14, с. 331]. Постепенная кропотливая работа земских врачей все же переломила сложившуюся ситуацию, врачи стали заслуживать доверие людей, и количество обращений за квалифицированной медицинской помощью стремительно росло.

Острой проблемой народного здравоохранения в Таврической губернии оставались инфекционные заболевания, эпидемии оспы в уездах практически никогда не прекращались. Именно поэтому одной из первоочередных задач земских органов стала организация работы по оспопрививанию. Врачей и фельдшеров не хватало, поэтому зачастую к оспопрививанию привлекали неподготовленных людей. В губернии ко всему прочему также отсутствовал и телятник, что осложняло ситуацию с производством собственной качественной вакцины [15, с. 304]. К тому же крымскотатарское население не желало вакцинироваться, так как по исламской религии заболевший оспой считался избранным Аллахом, что в свою очередь только способствовало распространению инфекции, особенно в Евпаторийском, Феодосийском и Перекопском уездах, где татарское население было преобладающим [15, с. 68].

В связи с тем, что земских медицинских работников для организации оспопрививания было недостаточно, уездным земским собраниям в первое десятилетие своей деятельности приходилось прибегать к помощи профессиональных оспопрививателей [16, с. 43]. С целью ускорения данного процесса Таврическим губернским земским собранием в 1869 г. было принято распоряжение о введении штрафов по одному рублю за каждого ребенка для родителей, которые отказывались прививать оспу своим детям [17, с. 224].

К 1875 г. в большинстве уездов губернии появилось участковое медицинское обслуживание, которое предполагало разделение территории уездов на медицинские врачебные участки и назначение в каждом из них участкового врача. Данная работа была начата еще в 1867 г. Бердянским и Мелитопольским уездными земскими собраниями. Мелитопольское и Бердянское земства поделили территории своих уездов на три участка и назначили в каждый из них собствен-

ного земского врача [2, с. 21]. Врачам была предоставлена квартира и одна тысяча рублей ежегодного жалования, в каждом медицинском участке кроме врача работали два фельдшера с ежегодным жалованием в размере 200 р. и специалисты по оспопрививанию с ежегодным жалованием в размере 60 р., в некоторых медицинских участках на работу были приняты акушеры с ежегодным жалованием в размере 360 р. [18, с. 4]. К 1875 г. в Таврической губернии функционировало 17 медицинских участков в пяти уездах, кроме Феодосийского, Ялтинского и Евпаторийского.

Разъездная система медицинского обслуживания оставалась основной в Таврической губернии в рассматриваемый период, но определенных правил и регламентов объезда подконтрольных территорий для врачей не существовало. Так, к примеру, земские врачи Бердянско-го уезда должны были выезжать на участок только в случае распространения инфекционных заболеваний, в остальных случаях разъезды не были предусмотрены. Земские врачи Симферопольского уезда совершали разъезд по участку дважды в месяц, а Мелитопольского – один раз в квартал. Сложившаяся ситуация была не комфортна и для жителей участков и для самих врачей. Зачастую больные искали врача на медицинском участке в то время как он совершал объезд участка в поиске больных. Кроме этого врачи не имели личного транспорта, преодолевали большие расстояния между станциями на земских лошадях, а иногда и пешком по степи [19, л. 252].

С ростом медицинских кадров в 1870-х гг. у губернского земского собрания появляется необходимость в координации земской медицинской деятельности для сплоченного решения вопросов и развития дела народного здравоохранения в губернии. С этой целью земство начинает работу по подготовке губернских врачебных съездов, которые в дальнейшем сыграют весомую роль в организации медицинского дела. На губернских съездах врачей поднимались вопросы санитарно-гигиенического состояния уездов и селений губернии и методов его улучшения, вопросы оспопрививания и преодоления инфекционных болезней. На съездах земским врачам четко определяли цели и задачи их работы. Такая координация врачебной деятельности, введенная земством, способствовала повышению качества медицины и помогла добиться

результатов в деле развития здравоохранения [8, с. 145].

Губернской земской управой для организации работы съездов публиковались специальные «Правила съездов земских врачей». Согласно этому документу, в съездах мог принять участие любой желающий уездный врач и акушер. Все расходы на командировку врачей несло губернское земское собрание, однако финансирование выделялось только на одного врача от уезда, остальные могли быть отправлены по желанию за собственный счет, в некоторых уездах (Бердянский и Мелитопольский) – за счет уездного земского собрания. В завершении работы съездов публиковались постановления с рассмотренными вопросами и выносимыми на этот счет предложениями. Эти постановления передавали в уездные и губернское земские собрания для дальнейшего принятия решений.

В 1873 г. в Таврической губернии состоялся первый съезд земских врачей, на котором для организации единой для всех уездов формы медицинской отчетности обсуждали вопрос создания в губернии координационного медицинского органа при губернской управе [17, с. 231]. В 1875 г. для систематизации медицинской отчетности и разработки общих правил борьбы с инфекционными заболеваниями обсуждался вопрос организации губернского центрального статистического бюро с земским врачом во главе [20, с. 39]. Вопросы поднимались совершенно разные, от организации работы по созданию топографических карт заболеваемости населения инфекциями до создания губернского врачебного совета и санитарного бюро. Работа съездов в Таврической губернии была временно приостановлена в 1884 г. сроком на восемь лет, лишь в 1892 г. врачебные съезды продолжат свою работу (табл. 4).

Таблица 4

Результат работы земских органов по развитию народного здравоохранения за первое десятилетие земской деятельности с 1866 по 1875 г. / The result of the work of the zemstvo bodies on the development of public health in the first decade of zemstvo activity from 1866 to 1875

Уезд	Количество										Расходы на медицину			
	больниц		врачей		врачебных участков		фельдш. пунктов		фельдшеров		тыс. р.		%	
	1866	1875	1866	1875	1866	1875	1866	1875	1866	1875	1866	1875	1866	1875
Симферополь	1	1	1	3	-	3	-	-	1	4	1,7	2,4	6,1	3,5
Бердянский	1	3	2	8	-	7	-	18	5	27	10,2	25	9,5	10,2
Днепровский	-	1	-	2	-	2	-	15	1	16	8,5	11,6	8,7	10
Евпаторийский	1	1	1	2	-	-	-	4	-	1	2,8	4,5	9,8	11,2
Мелитополь	1	2	1	6	-	5	-	8	-	12	6,1	12,7	6,3	10
Перекопский	1	-	1	3	-	1	-	3	-	2	3,9	4,3	15	9,9
Феодосийский	1	1	1	3	-	-	-	6	1	8	4,2	9,4	4,3	14
Ялтинский	1	1	1	2	-	-	-	5	-	6	9,8	14,4	10,1	28
Всего:	7	10	8	29	-	18	-	59	8	76	47,2	84,3	8,7	12,1

В завершении характеристики развития народного здравоохранения в Таврической губернии стоит отметить ряд успехов, которые удалось достичь за первое десятилетие земской деятельности. В 1866 г. в Таврической губернии один земский врач обслуживал порядка 130 тыс. человек населения, а к 1875 г. наблюдается значительное сокращение данных показателей до 39 тыс. человек.

Увеличилось количество земских больниц в уездах, в 1875 г. в губернии функционировало 7 больниц, которые располагались во всех уездах, кроме Перекопского. Велась постройка трех

больниц в сельской местности, к 1875 г. две такие больницы открылись в Бердянском уезде и одна – в Мелитопольском уезде. Число земских врачей возросло с 8 в 1866 г. до 29 в 1875 г. Активнее остальных уездов работу по увеличению количества земских врачей вели земские собрания Мелитопольского и Бердянского уездов, здесь к 1875 г. насчитывалось 6 и 8 земских врачей соответственно. Более стремительно, почти в 10 раз, увеличивался штат фельдшеров, в Таврической губернии к 1875 г. было открыто 59 фельдшерских пунктов, где работали 76 фельдшеров. Увеличивался в губернии и

размер земских расходов на народное здравоохранение в абсолютном выражении с 50 тыс. р. в 1866 г. до 84 тыс. р. в 1875 г., но в относительном выражении расходы на медицину продолжали составлять 10 % от общей суммы. Для координации земской медицинской деятельности в данный период большое значение имели губернские врачебные съезды.

Таким образом, Таврическая губерния по результатам работы земских органов за первое десятилетие занимала одно из ведущих мест в России по степени обеспеченности населения медицинской помощью. В Таврической губернии на один медицинский участок в 1875 г. приходилось в среднем 58 тыс. человек, в то время как в соседней Екатеринославской губернии – 70 тыс., в Харьковской губернии – 85, в среднем по России – 75 тыс. человек.

Литература

1. Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. М., 1899. 340 с.
2. Земско-медицинский сборник : материалы по развитию земской медицины в России за первое 25-летие (1865–1890 гг.) / обраб. Д. Н. Жбанков. М. : Тип. Иноземцева, 1893. Вып. 7. С. 1–103.
3. Вернер К. А. Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1889. 679 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Отделение первое – третье, № 40457 Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. Собрание второе. СПб., 1867. Т. XXXIX, отд. 1. 841 с.
5. Веселовский Б. Б. История земства. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 1. 729 с.
6. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М.В. Поддубный [и др.]; под ред. Р.У. Хабриева. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
7. Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб. : Изд-во К.Л. Рикер, 1889. 134 с.
8. Игумнов С.Н. Очерк развития земской медицины в губерниях, вошедших в состав УССР. Киев : КМИ, 1940. 155 с.
9. Веселовский Б. Б. История земства. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 868 с.
10. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Симферопольской уездной земской управы 61. Оп. 1. Д. 13а.
11. ГАРК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 15.
12. ГАРК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11.

13. Журналы третьего очередного Мелитопольского уездного земского собрания 1868 г. Симферополь, 1869. 462 с.

14. Постановления Ялтинского уездного земского собрания 1871 г. Симферополь, 1872. 407 с.

15. Отчет о действиях Феодосийской уездной земской управы 1869 г. Феодосия, 1870. 387 с.

16. Задержчук А.А. К вопросу о проблемах оспопрививания крымских татар в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 15. С. 41–46.

17. Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания со времени открытия земских учреждений в Таврической губернии / сост. Л.С. Зак. Т. 1. Симферополь, 1909. 764 с.

18. Сборник постановлений Бердянской уездной земской управы. М., 1910. Т. 2. 314 с.

19. ГАРК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 14.

20. Труды X съезда врачей Таврической губернии. Симферополь, 1895. 318 с.

References

1. Osipov E.A., Popov I.V., Kurkin P.I. (1899). *Russian zemstvo medicine*. Moscow, 340 p. (in Russian).
2. *Zemstvo-medical collection: Materials on the development of zemstvo medicine in Russia for the first 25 years (1865-1890)*. (1893). Moscow, Publ. of Inozemtsev, iss. 7, pp. 1-103. (in Russian).
3. Verner K.A. (1889). *Memorial book of the Tauride province*. Simferopol, 679 p. (in Russian).
4. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Department first-third, No. 40457*. (1867). St. Petersburg, vol. 39, 841 p. (in Russian).
5. Veselovskiy B.B. (1911). *History of the zemstvo*. St. Petersburg, Publ. of O.N. Popova, vol. 1, 729 p. (in Russian).
6. *History of healthcare in pre-revolutionary Russia (late 16th – early 20th century)*. (2014). M.V. Poddubnyi et al., R.U. Habriev (Ed.). Moscow, GEOTAR-Media Publ., 248 p. (in Russian).
7. Kapustin M.Ya. (1889). *Main issues of zemstvo medicine*. St. Petersburg, Riker Publ. House, 134 p. (in Russian).
8. Igumnov S.N. (1940). *Essay on the development of zemstvo medicine in the provinces that became part of the Ukrainian SSR*. Kiev, 155 p. (in Russian).
9. Veselovskiy B.B. (1911). *History of the zemstvo*. St. Petersburg, Publ. of O.N. Popova, vol. 4, 868 p. (in Russian).
10. *State Archive of the Republic of Crimea (SARC). Fund 61. In. 1. File 11*. (in Russian).
11. *SARC. Fund 61. In. 1. File 15*. (in Russian).

12. SARC. Fund 61. In. 1. File 11. (in Russian).
13. *Journals of the third regular Melitopol County Zemstvo Meeting of 1868.* (1869). Simferopol, 462 p. (in Russian).
14. *Resolutions of the Yalta Uyezd Zemsky Assembly of 1871.* (1872). Simferopol, 407 p. (in Russian).
15. *Report on the actions of the Feodosiya County Zemstvo Council 1869.* (1870). Feodosia, 387 p. (in Russian).
16. Zadereichuk A.A. (2015). On the problems of smallpox vaccination of Crimean Tatars in the Tauride province in the second half of the 19th - early 20th century. *Novoye slovo v nauke ee praktike*, No. 15, pp. 41-46. (in Russian).
17. *A systematic set of resolutions of the Tauride Provincial Zemstvo Assembly since the opening of zemstvo institutions in the Tauride province.* (1909). Simferopol, vol. 1, 764 p. (in Russian).
18. *Collection of resolutions of the Berdyansk district Zemstvo Council.* (1910). Moscow, vol 2, 314 p. (in Russian).
19. SARC. Fund 61. In. 1. File 14. (in Russian).
20. *Proceedings of the X Congress of Doctors of the Tauride province.* (1895). Simferopol, 318 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

27 июня 2021 г. / June 27, 2021

УДК 93/94

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-82-88

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1917 – НАЧАЛЕ 1918 ГОДА¹

© 2021 г. М.Е. Разиньков^а

^а Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова,
Воронеж, Россия

ENTREPRENEURS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION IN 1917 - EARLY 1918

M.E. Razinkov^а

^а Morozov Voronezh State University of Forestry and Technologies, Voronezh, Russia

Разиньков Михаил Егорович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук,
Воронежский государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова,
ул. Тимирязева, 8, г. Воронеж, 394087, Россия.
E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Mikhail E. Razinkov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Social Sciences and Humanities,
Morozov Voronezh State University
of Forestry and Technologies,
Timiryazeva Str., 8, Voronezh, 394087, Russia.
E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Исследуются самоорганизация и взаимоотношения с властью предпринимателей Центрального Черноземья в период с весны 1917 до лета 1918 г. Изучается расстановка сил в регионе. Несмотря на активное участие в политической жизни весной – летом 1917 г., обусловленное сохранением традиционных представлений о власти и желанием защитить и приумножить свои права, предприниматели не смогли оказать значительного влияния на развитие политической ситуации в регионе. Они не пользовались исключительной поддержкой со стороны органов управления, в том числе правительства, что опровергает существовавший в советской историографии концепт о буржуазном характере февральского режима. Более того, урегулировав конфликты, власти в 1917 г. старались учитывать прежде всего интересы работников. Ситуация эта еще более ухудшилась для буржуазии с приходом к власти большевиков и левых эсеров, которые не только поддерживали рабочие требования, но и откровенно грабили предпринимателей с помощью контрибуций. Тем не менее Советская власть (особенно к лету 1918 г.) мирным путем пыталась разрешать отношения работников и работодателей к взаимной выгоде. Хотя конфликты между ними высокого накала достигали относительно редко, оставляя поле для соглашений и диалога, которое, впрочем, сужалось.

Ключевые слова: революция 1917 г., Центральное Черноземье, предприниматели, буржуазия, рабочее движение, кадеты, социалисты, социально-политический диалог.

On the basis of published and previously unexplored archival materials from Voronezh, Orel, Kursk, Tambov, Bryansk, the self-organization and relationship with the government of entrepreneurs of the Central Black Earth Region in the period from spring 1917 to summer 1918 is studied. Studying this social group is important for understanding the balance of power in the region. The author comes to the conclusion that entrepreneurs, despite their active participation in political life in the spring and summer of 1917, due to the preservation of traditional ideas about power and the desire to protect and enhance their rights, could not have a significant impact on the development of the political situation in the region. Entrepreneurs did not enjoy exclusive support from government bodies, including government, which refutes the concept that existed in Soviet historiography about the bourgeois nature of the February regime. Moreover, in resolving conflicts, the authorities in 1917 tried to take into account, first of all, the interests of workers. This situation worsened even more for the bourgeoisie with the coming to power of the Bolsheviks and Left Socialist-Revolutionaries, who not only supported workers' demands, but also openly robbed entrepreneurs with the help of indemnities. Nevertheless, in order to maintain peace, the Soviet government (especially by the summer of 1918) tried to resolve relations between workers and employers for mutual benefit. At the same time, during the period under study, conflicts between workers and employers reached a high intensity relatively rarely, leaving room for agreements and dialogue, which, however, narrowed.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00115.

Keywords: *revolution of 1917, Central Black Earth Region, entrepreneurs, bourgeoisie, labor movement, cadets, socialists, social and political dialogue.*

Объективное изучение положения предпринимателей в революционный период – тема, получившая развитие относительно недавно. Фундаментальные работы П.В. Волобуева, написанные в 1960-х гг., при всей своей важности для понимания историографического процесса устарели. Они представляют предпринимательские круги исключительно эгоистичными, виновником кризиса снабжения и даже голода к концу 1917 г. [1, 2]. Современные авторы избегают подобных оценок, предпочитая говорить о преувеличении надклассовых интересов, отрицают факт сговора буржуазии и правительства на почве «классовых интересов».

Например, М.А. Фельдман указывает: «В исторической литературе советского периода доминировали утверждения о том, что законы о труде, принятые Временным правительством, были направлены против коренных интересов рабочего класса. Однако отрицание любых позитивных сдвигов наталкивалось на вопрос: чем же тогда можно объяснить преемственность указанных документов с трудовым законодательством советского и белогвардейского правительств?» [3, с. 54]. Понятно, что предпринимательские круги сыграли значительную роль в возникновении и функционировании февральского режима, получив от этого существенную выгоду в виде госзаказов и участия в осуществлении общенациональной политики. Тем не менее активные предприниматели из прогрессистских кругов понимали необходимость диалога с рабочими, выступали за сохранение классового мира [4].

Они стремились быть полезными и октябрьскому режиму, хотя отношения здесь уже были более сложными [5, с. 544]. О.С. Поршнева и М.А. Фельдман подчеркивают уступчивость буржуазии, предлагавшую альтернативные варианты национализации [6, с. 132–135]. Ситуация с переговорами 1918 г. подробно исследуется в работах М.К. Шацилло, который указывает на факт слияния прежней кредитно-финансовой системы с советской лишь к концу 1919 г., изучает консультирование предпринимателями большевистского правительства в ходе переговоров с немцами, попытки повлиять на национализацию. Период диалога закончился «красным террором» осени 1918 г., после чего началось бегство буржуазии из Советской России. При этом весной – осенью 1918 г. центр актив-

ности предпринимательских организаций переносится на Украину и в восточные регионы бывшей империи [7, 8], где они смогли развернуть свою деятельность, а не тихо умереть, как это предполагалось еще в 1980-е гг.

Ситуация с самоорганизацией и взаимоотношениями с властью предпринимательских кругов Центрального Черноземья остается неисследованной проблемой. Изучение этих социальных групп важно для понимания расстановки сил в регионе, той позиции, которую они заняли по отношению к работникам и власти. Необходимо также уяснить, как власть (февральская и октябрьская) относилась к буржуазии. В частности, лоббировала ли февральская власть напрямую интересы предпринимателей и проводила ли октябрьская власть исключительно репрессивную политику по отношению к работодателям?

Предприниматели зачастую, конечно, не были денежными мешками, пекущимися только о своем кошельке. Об этом говорит их участие в кадетской партии, а также свидетельства с мест. В большинстве случаев владельцы предприятий не доводили ситуацию до жесткого противостояния. Рабочий комитет мельницы в Калаче Воронежской губернии сообщал, что «за время существования первого заводского комитета не было ни одного случая конфликтов с предпринимателем и администрацией предприятия как на почве заработной платы, так и других, за исключением мелких конфликтов, носивших личный характер (увольнение отдельных лиц и смещение с одной работы на другую), которые не выходили из стен предприятия... и всегда решались благополучно» [9, л. 164 об.]. Иногда отношения с предпринимателем были настолько хороши, что рабочие вступались за него, как это произошло с заведующим маслобойным заводом в Борисоглебске Тамбовской губернии А.Н. Феофановым, который был арестован ЧК в декабре 1918 г. из опасения, что тот будет сотрудничать с белыми. Прося освободить А.Н. Феофанова, профсоюз указывал: «Насколько известно Правлению Совета Союзов тов. ФЕОФАНОВ человек честный и к своим служебным обязанностям как лицо ответственное относился серьезно и добросовестно. С рабочими жил хорошо и пользуется известной популярностью, некоторые работают с ним до 20 лет. В настоящее время идет усиленная сдача Военному Отделу масла и жмыха, он как лицо ответ-

ственное и в курсе всего дела крайне необходимо» [10, л. 2, 22].

Однако подозрения социалистов в устранении буржуазии от власти после февраля также небезосновательны. Первоначально предприниматели пытались участвовать в формировании органов революционного управления. Как и зажиточные крестьяне в деревне, они пользовались в уездных центрах нешуточным влиянием. Об этом, например, говорит поступившая в конце марта 1917 г. жалоба от земских служащих Спасского уезда Тамбовской губернии: «Городское управление находится в руках крупных торговцев, промышленников, ... выборы в Комитет производятся по их усмотрению и указанию по курьям, что обеспечивает им большинство в ущерб неимущим классам населения» [11, л. 11]. В Тамбовском уезде уездный комиссар, жалуясь на поведение радикальной группы из промышленного Рассказово, отмечал: «Целая группа населения... крупные и мелкие дворянские землевладельцы, а также и землевладельцы других классов, представители торгово-промышленного класса, ... фабрично-заводской промышленности и владельцы городских цензов лишены представительства в уездном комитете» [12, л. 8].

Участие зажиточных групп населения в революционном движении вспоминалось (возможно, задним числом) как удивительное и диссонансирующее: «12 марта 1917 г. была большая манифестация на базарной площади возле Успенской церкви. Когда мы смотрели на проходивших возле городского сада солдат, то запечатлелись в памяти ленточки на ярко блестящих от солнца штыках и слова “на врагов, на собак, на богатых” ..., а богатые, местные купцы ... тут же стояли и тоже с красными бантами на груди, приветствовали солдат. Как то чудно было» (Мценск, Орловская губерния) [13, л. 2 об.].

В марте 1917 г. в регионе стали возникать торгово-промышленные союзы [14, с. 100], выражавшие полную поддержку Временному правительству. В частности, после апрельского кризиса они инициировали кампанию в пользу правительства. Например, союз из Старого Оскола Курской губернии отправил в Петроград сразу две телеграммы. В первой он выражал правительству неограниченное доверие, поддержку и пожелание действовать в полном согласии с Петросоветом, во второй – обещал всяческую помощь в деле снабжения армии [15,

л. 45, 48]. Моршанский торгово-промышленный союз Тамбовской губернии изъявлял правительству и его председателю «свое глубокое сочувствие по поводу выраженного вам во время последних печальных событий недоверия отдельной толпой, которой чужды интересы свободной дорогой Родины. Мы, граждане свободной России, ценя ваши громадные заслуги перед Родиной, молим Всевышнего, чтобы он ниспослал Вам мужество довести начатое Вами дело до конца. Признаем всю важность Займа свободы...» [16, л. 60]. Характерно, что тексты телеграмм совпадают во многих формулировках, что говорит о централизованном распространении образцов подобных заявлений. Желание довести дело до «почетного мира» высказал и союз фабрикантов и мельников Борисоглебска [16, л. 78]. В апреле же стали происходить съезды торгово-промышленных организаций, тоже выславшие приветственные телеграммы правительству [16, л. 65].

Собственные организации начали создавать фабриканты и заводчики. 20 апреля 1917 г. был рассмотрен проект устава общества фабрикантов и заводчиков Тамбовского уезда. Как и в случае с землевладельцами, помимо защиты корпоративных интересов промышленники планировали организовывать «миролюбивые» переговоры с рабочими, учреждая для этого примирительные камеры. Общество собиралось организовывать просветительскую деятельность, устраивать лечебные заведения для рабочих [16, л. 111–112].

Перелом в общественных настроениях, изгнание цензовых элементов из дум, земств с должностей комиссаров Временного правительства вызвали смятение среди предпринимателей. Свои надежды они возлагали на правительство и собственное здравомыслие. Так, летние попытки правительства сохранить для армии конные заводы привели к выражению «глубочайшей признательности за заботы правительства о коневодстве» со стороны местных коннозаводчиков (август 1917 г.) [16, л. 87].

Тем не менее местные власти в общем-то соглашались с требованиями рабочих увеличить зарплаты. Не удается обнаружить ни одного документа, где государственные органы напрямую вступались бы за интересы буржуазии, прежде всего отстаивали их право не поднимать зарплаты работникам при неимении средств (в условиях инфляции и развала производства это было очень актуально уже летом 1917 г.). Идеи уста-

новления рабочего контроля, реквизиции, аресты управляющих деятелями Совета, происходившие с весны – лета, если и встречали сопротивление со стороны февральских властей, то вялое. Основной установкой была опора на переговоры, максимально мирное решение проблем, причем с упором на защиту интересов работников. Характерно, что и само Временное правительство было настроено ликвидировать конфликты с предпринимателями путем национализации. Тамбовский губернский комиссар, уговаривая строптивых промышленников Асеевых, напоминал, что в случае, если согласие на предприятиях не будет достигнуто, вмешается правительство, которое решит проблему путем реквизиции фабрик [17, л. 122].

Понимая неблагоприятность складывающейся ситуации, предприниматели старались избегать открытых конфликтов. В марте 1917 г. они сами выступали с инициативой создания примирительных камер, предполагая, видимо, установить выгодное для них соотношение сил (в камеры входило равное количество представителей от администрации и от рабочих). Сохранились указания орловского Совета, предлагавшего временно воздержаться от посылки уполномоченного в такую камеру до выяснения вопроса в самом Совете рабочих и солдатских депутатов [18, л. 20]. Опасаясь беспорядков, предприниматели обращались к рабочим с призывами сохранять спокойствие и быть истинными гражданами свободной России. Приводимое ниже мартовское послание дирекции Товарищества Бугурлиновской паровой мельницы (Воронежская губерния) показывает стремление предпринимателей подладиться под новые условия жизни и найти способы коммуникации с работниками: «Господа Граждане, служащие и рабочие нашего Товарищества, помогите и Вы своим посильным трудом, поддержать новое Правительство, дайте возможность ему в данный момент утихомирить разбушевавшиеся страсти полуголодных людей столиц, дайте возможность, благодаря Вашему труду, снабдить их продуктами и нашего предприятия и обеспечить нашу доблестную армию хлебом и мукой и тем помочь ей в победе. Господа Граждане, будьте Вы достойны этого высокого звания, будьте солидарны в труде, соблюдайте строгий порядок и подчинение на службе, будьте милосердны к тем, кто Вам, может быть, и ненавистен, не лишайте жизни никого, – жизнь есть высшее благо, данное не нами, и отнимать

его преступно. Еще раз поздравляю Вас с новой эрой нашей жизни, пошли Господи, чтобы все было по-хорошему. Ура!!» [19, л. 1].

В Орле после закрытия Купеческого клуба торговцы 21 сентября 1917 г. просто реорганизовали его в торгово-промышленное общественное собрание [18, л. 57]. Свообразной тактикой уклонения от ответственности стали пустые обещания, уменьшение конкретизации при составлении с рабочими согласительных документов. В Козлове рабочие чугунолитейного завода добились повышения зарплаты, однако, видимо, недостаточно четко оговорили размер прибавки, что позволило предпринимателям уклоняться от значительных повышений зарплат, несмотря на неоднократные напоминания [20, с. 49].

Воспринимая Совет как реальную силу, предприниматели могли обращаться туда за поддержкой, мотивируя свои предложения общим благом. 19 октября 1917 г. владельцы орловских заводов обратились в Совет с заявлением о том, что «они с 1-го Января лишаются военных заказов и вынуждены будут перейти на торговую промышленность и для того, чтобы иметь заказы по демобилизации промышленности на сельскохозяйственные машины и пр. необходимо пойти с ходатайством в организации генерала Войкова в Москве о предоставлении возможности и дачи заказов заводам, дабы не закрывать таковых и тем самым создавать безработицу для многих тысяч рабочих. Совет постановил делегировать представителя к генералу Войкову» [18, л. 71]. Интересно, что предприниматели, надеясь задобрить новую власть и рабочих, даже ссужали им деньги. По воспоминаниям И.В. Врачева, воронежские предприниматели покрывали денежные нужды военно-революционного комитета: «Я помню, как однажды наш казначей, покойный Василий Николаевич Губанов, для выплаты содержания боевой рабочей дружине необходимую сумму в двадцать пять – сорок тысяч рублей... одолжил... у капиталиста, директора завода Рихард-Поле-Новый» [21, л. 96–97].

Способом усилить собственное влияние стали поиски социальных и политических союзников. Вплоть до 1918 г. предприниматели искали союзников в земстве, а также среди правосоциалистических групп. Интересно, что некоторые из них сами были социалистами. Так, на экстренном земском съезде Грайворонского уезда Курской губернии «меньшевик группы Плеха-

нова некий Архипов, директор Ракитянского сахарного завода выступил с горячей критикой большевизма, указывая, что если власть останется в руках большевиков, придут немцы и посадят нового Николая» [22, л. 77]. В этой критике он был солидарен с выступившим за него эсером, говорившим, что если власть останется в руках большевиков, то крестьяне не получают землю.

После октябрьских событий 1917 г. в поддержку работодателей выступили служащие-инженеры. 1 и 7 декабря Союз инженеров Тамбова объявил, что подчиняется Учредительному собранию, а не заводскому совету. Была вынесена резолюция о непризнании рабочего контроля на предприятиях, так как «русские рабочие с их слабой профессиональной подготовкой и организацией не в состоянии справиться со сложной задачей контроля» [23, с. 40–41].

Естественным союзником предпринимателей была партия Народной свободы, традиционно опиравшаяся не только на средние городские слои и интеллигенцию, но и на часть землевладельцев и предпринимателей. Например, в Воронеже среди членов союза домовладельцев фигурировали входившие ранее в кадетскую партию влиятельные общественные деятели И.Т. Алисов и В.Г. Веселовский. В воронежской группе кадетов доля предпринимателей и землевладельцев достигала 24 %. Несмотря на в общем-то внушительную цифру, отметим, что по сравнению с 1906 г. эта доля уменьшилась в 2 раза [24, с. 268–269, 277].

Вопрос о блокировании на выборах в Учредительное собрание активно обсуждался с кадетами на совещаниях и съездах торгово-промышленных объединений. Однако они так и не приняли однозначных решений. В итоге предприниматели пошли на выборы отдельными списками. По данным Л.Г. Протасова, кадеты во всей России организовали полный блок с собственниками только в одном случае и в 9 случаях вступили в частичный блок [25, с. 133, 137]. В результате в Черноземье союзы торговли и промышленности, а также союзы домовладельцев выставляли свои списки. Впрочем, как и союзы землевладельцев, они не набрали большого количества голосов (в Орловской губернии за торгово-промышленный блок проголосовали 9180 человек) [18, л. 75; 26, л. 35]. Ситуация ноября 1917 г. повторяла ситуацию с летними думскими выборами, когда блок кадетов с союзом домовладельцев также не сложился.

Стремясь хоть как-то повлиять на результаты избирательных кампаний, предприниматели пытались подкупить выборщиков. Например, в Моршанске владелец табачной фабрики Белоусов пообещал женщинам-работницам выделить по 5 кг пшена и 10 кг муки, если они не будут голосовать за большевиков на выборах в Совет [27, л. 3].

К началу 1918 г. организации предпринимателей значительно снижают свою политическую активность. Их комитеты находились в фактической изоляции. Так, 4 января 1918 г. брянская продуправа наотрез отказалась участвовать в заседании комитета Всероссийского союза торговли и промышленности, ссылаясь на выданный повод и указания Совета [28, л. 10].

Тем не менее, стремясь сохранить остатки социального мира и уберечь от полного развала производство, Советская власть в ряде случаев пыталась разбирать конфликты рабочих и предпринимателей по справедливости. Конфликтная комиссия при комиссариате труда г. Моршанска Тамбовской губернии в ряде постановлений старалась защитить и предпринимателей. Например, обсуждая 23 августа дело мастера Гирша, который работал за двоих мастеров и требовал зарплаты в 1000 р., комиссия приняла во внимание аргументы работодателя, отрицавшего такую возможность, так как максимальная плата мастеру составляла 600 р. Было постановлено облегчить работу Гирша, подыскав помощника, но зарплаты не поднимать [29, л. 40 об.]. В тот же день разбиралось дело двух рабочих – Федюшина и Галкина, которых работодатель не принял на работу после двухнедельного отпуска на покос. Работодатель Любин заявлял, что рабочие были поденными работниками, получая 90 и 85 руб. в месяц при stole хозяина. Он утверждал, что Федюшин отпросился на 3 дня, но отсутствовал 2 недели, Галкин же вообще не отпрашивался. Кроме того, Любин ссылаясь на нехватку работы и на факт воровства со стороны работников: «брали потихоньку колбасу, один раз взяли 5 фун.». В последнем факте работники признались: «колбасу мы и правда брали, но потому, что Любин нас плохо кормил». Комиссия встала на сторону работодателя [29, л. 41].

Подводя итоги, следует сказать, что предпринимательские круги не смогли оказать значительного влияния на развитие политической ситуации в регионе. Они не пользовались исключительной поддержкой со стороны органов

управления, в том числе и правительства. Ситуация эта еще более ухудшилась с приходом к власти большевиков и левых эсеров, которые не только поддерживали рабочие требования, но и откровенно грабили предпринимателей путем контрибуций. Тем не менее для сохранения мира Советская власть (особенно к лету 1918 г.) пыталась разрешать отношения работников и работодателей к взаимной выгоде.

Литература

1. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 484 с.
2. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М.: Мысль, 1964. 358 с.
3. Фельдман М.А. Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции // Российская история. 2017. № 5. С. 44–61.
4. Орлова Н.Е. Государственное регулирование в практике Временного правительства (март – октябрь 1917 г.): историко-правовой аспект. Ростов н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2006. 157 с.
5. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 606 с.
6. Поршнева О.С., Фельдман М.А. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург: УриРАНХиГС, 2013. 355 с.
7. Шаццло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 341 с.
8. Шаццло М.К. Российские предприниматели в поисках контактов с советской властью в 1917–1918 гг. // Российская история. 2016. № 1. С. 28–43.
9. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 258.
10. ГАВО. Ф. Р-458. Оп. 1. Д. 1.
11. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-382. Оп. 1. Д. 57.
12. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 59.
13. Государственный архив Орловской области. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 61.
14. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революции (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.): сб. документов и материалов / отв. сост. М.В. Коршунова; науч. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Мичуринск, 2018. 520 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1778. Оп. 1. Д. 138.

16. ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 169.
17. ГАСПИТО. Ф. П-382. Оп. 1. Д. 55.
18. Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. П-8283. Оп. 1. Д. 29.
19. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 326.
20. Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы): сб. документов / под ред. И.З. Комиссарова. Тамбов: Пролетарский светоч, 1957. 292 с.
21. ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 460.
22. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 45.
23. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. 1917–1918 / сост. П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов: Пролетарский светоч, 1927. 72 с.
24. Михалев О.Ю. Воронежская организация конституционно-демократической партии, 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. 341 с.
25. Протасов Л.Г. Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 362 с.
26. ЦДНИБО. Ф. П-8283. Оп. 1. Д. 30.
27. ГАСПИТО. Ф. П-9019. Оп. 1. Д. 138.
28. Государственный архив Брянской области. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 7.
29. Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-1620. Оп. 2. Д. 1.

References

1. Volobuev P.V. (1962). *Economic policy of the Provisional Government*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 484 p. (in Russian).
2. Volobuev P.V. (1964). *The proletariat and the bourgeoisie of Russia in 1917*. Moscow, Mysl' Publ., 358 p. (in Russian).
3. Feldman M.A. (2017). Industrial workers of Russia in 1917: approaches to the “socialist” revolution. *Rossiiskaya istoriya*, vol. 5, pp. 44–61. (in Russian).
4. Orlova N.Ye. (2006). *State regulation in the practice of the Provisional Government (March - October 1917): historical and legal aspect*. Rostov-on-Don, Russian State University of Economics Press, 157 p. (in Russian).
5. Models of social reorganization in Russia. 20th century. (2004). V.V. Shelokhaev (Ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., 606 p. (in Russian).
6. Porshneva O.S., Feldman M.A. (2013). *Power and workers of Russia and the Urals in the conditions of the Civil War: problems of relationships*. Ekaterinburg,

Ural Institute of Management Press, Branch of RANEPa, 355 p. (in Russian).

7. Shatsillo M.K. (2008). *The Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration. 1917 - early 1920s*. Moscow, Nauka Publ., 341 p. (in Russian).

8. Shatsillo M.K. (2016). Russian entrepreneurs in search of contacts with the Soviet government in 1917-1918. *Rossiiskaya istoriya*, vol. 1, pp. 28-43. (in Russian).

9. *State Archives of the Voronezh Region (SAVR)*. Fund R-458. In. 1. File 258. (in Russian).

10. *SAVR*. Fund R-458. In. 1. File 1. (in Russian).

11. *State archive of socio-political history of the Tambov region (SASPHTR)*. Fund P-382. In. 1. File 57. (in Russian).

12. *SASPHTR*. Fund P-382. In. 1. File 59. (in Russian).

13. *State Archives of the Oryol Region*. Fund P-70. In. 1. File 61. (in Russian).

14. *Life of the Tambov province in the era of the revolution (February 1917 - February 1918)*. (2018). Collection of documents and materials. V.V. Kanishchev (ed.). Tambov, Michurinsk Publ., 520 p. (in Russian).

15. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Fund 1778. In. 1. File 138. (in Russian).

16. *SARF*. Fund 1778. In. 1. File 169. (in Russian).

17. *SASPHTR*. Fund P-382. In. 1. File 55. (in Russian).

18. *Center for Documentation of Contemporary History of the Bryansk Region (CDCHBR)*. Fund P-8283. In. 1. File 29. (in Russian).

19. *State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region*. Fund 5. In. 1. File 326. (in Russian).

20. *The struggle of workers and peasants under the leadership of the Bolshevik Party for the establishment and consolidation of Soviet power in the Tambov province (1917-1918)*. (1957). Documents. O.F. Komissarov (Ed.). Tambov, Proletarskii svetoch Publ., 292 p. (in Russian).

21. *SASPHTR*. Fund 5. In. 1. File 460. (in Russian).

22. *State Archive of Social and Political History of the Kursk Region*. Fund P-16. In. 1. File 45. (in Russian).

23. *Chronicle of the revolutionary events of the Tambov province. 1917-1918*. (1927). Comp. P. Kroshitsky, S. Sokolov. Tambov, Proletarskii svetoch Publ., 72 p. (in Russian).

24. Mikhalev O.Yu. (2001). *Voronezh organization of the Constitutional Democratic Party, 1905-1917*. Dissertation Thesis. Voronezh, 341 p. (in Russian).

25. Protasov L.G. (1997). *Constituent Assembly: the story of birth and death*. Moscow, ROSSPEN Publ., 362 p. (in Russian).

26. *CDCHBR*. Fund P-8283. In. 1. File 30. (in Russian).

27. *SASPHTR*. Fund P-9019. In. 1. File 138. (in Russian).

28. *State Archives of the Bryansk Region*. Fund R-1633. In. 1. File 7. (in Russian).

29. *State Archives of the Tambov Region*. Fund R-1620. In. 2. File 1. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

17 июля 2021 г. / July 17, 2021

УДК 37.078

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-89-93

ОТ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ К ВЫСШЕМУ ГОРОДСКОМУ УЧИЛИЩУ (УЧИЛИЩЕ СВЯТЫХ СААКА И МЕСРОПА В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ)¹

© 2021 г. С.К. Чориян^а

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

FROM THE PARISH SCHOOL TO THE CITY HIGHER SCHOOL (ST. SAHAK AND MESROP SCHOOL IN NAKHICHEVAN-ON-DON)

S.K. Choriyan^a

^a Federal Research Center Southern Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Чориян Степан Кеворкович –
стажер-исследователь,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: stepa.choriev@mail.ru

Stepan K. Choriyan -
Trainee-Researcher,
Federal Research Center Southern Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: stepa.choriev@mail.ru

Освещается история высшего начального училища святых Саака и Месропа и его роли в поднятии интеллектуального уровня Нахичеванского населения. Переселенные на донскую землю крымские армяне с самого начала проявляли заботу об образовании подрастающего поколения. С течением времени первые церковно-приходские школы перестали удовлетворять образовательные потребности городского населения, в результате чего отдельные такие школы прошли эволюцию до высшего начального училища, что наглядно прослеживается на примере училища святых Саака и Месропа. Рассматриваются те сложности и проблемы, с которыми пришлось столкнуться руководству училища в процессе его развития, анализируются учебные программы, а также преподавательский состав. Успешное функционирование училища было связано с неоценимой помощью со стороны как всего нахичеванского общества, так и отдельных меценатов в деле образования местного армянского населения.

Ключевые слова: Нахичевань-на-Дону, церковно-приходская школа, городское училище, образование.

This article is devoted to the history of the higher primary school of Saints Sahak and Mesrop and its role in raising the intellectual level of the Nakhichevan population. The Crimean Armenian immigrants resettled on the Don land from the very beginning showed concern for the education of the younger generation. Since that time, the first educational institutions of the city-parochial schools have ceased to meet the educational needs of the urban population, as a result of which some parochial schools have evolved to a higher primary school, which can be clearly seen on the example of the School named after Saint Sahak and Mesrop. The article traces the difficulties and problems that the school's management had to face in the process of its development. The author examines the educational programs, as well as the teaching staff of the school. The successful functioning of the school was due to the invaluable assistance from both the entire Nakhichevan society and individual patrons in the education of the local Armenian population.

Keywords: Nakhichevan-on-Don, parish school, city school, education.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190185-9.

Система армянских учебных заведений Нахичевани-на-Дону конца XVIII – начала XX в. отличается своей сложностью и запутанностью. Наименее изученным из них можно назвать училище святых Саака и Месропа, которое в своем развитии претерпело определенную эволюцию. Не случайно в трудах единственных авторов В.С. Сидорова и Е.О. Шахазиза, которые обратились к этой теме, училище называется то гимназией, то прогимназией. И лишь архивные документы помогли нам окончательно разобраться в данном вопросе. Актуальность темы не вызывает сомнений ещё и потому, что Нахичеванское-на-Дону городское во имя святых Саака и Месропа училище было одним из немногих учебных заведений, дававших своим подопечным реальные знания для будущей жизни.

История формирования его достаточно замысловата. Свое начало она берет от двух отдельных школ Саака и Месропа, основанных в 1795 г. архиепископом Иосифом Аргутинским. В процессе своего окончательного становления городское училище сталкивалось с теми же трудностями, что и другие похожие учебные заведения: недостаток финансирования, отсутствие постоянного помещения и связанная с этим частая смена местоположения в городе, чинимые царским правительством препятствия, а точнее принятие замысловатых законов в отношении этно-конфессионального образования.

Строительству специальных помещений мешали как отсутствие средств, так, как это ни странно, и распри среди горожан. Народ нуждался в передышке после трудного и длительного переселения, поэтому нормальное функционирование школ и обучение молодого армянского населения было невозможным. В результате всё это затянулось на 15 лет [1, с. 35].

Иосиф Аргутинский, несмотря на все проблемы, установил связи с отдельными армянскими общинами, рассказывал о положении нахичеванцев. Его старания и труды не прошли бесследно. Вскоре зажиточные индийские купцы-армяне начали завещать средства для строительства нахичеванских школ. Раздоры в городе постепенно прекратились. Местное население стало активно принимать участие в просветительской деятельности и содействовать строительству школ. В том же 1795 г. была построена школа, названная именем просветителя, на средства, завещанные богачом Оганджанияном.

Таким образом, в городе появились школа Саака, построенная на общественные средства, и

школа Месропа, получившая своё название по желанию архиепископа Аргутинского. Она строилась за счёт финансов Оганджанияна [1, с. 36].

В 1811 г. церковно-приходские школы располагались в черте города, на Базарной площади, в обычных домах. В этом же году они были переименованы в церковно-приходские училища. Учеников обучали Закону Божьему армянского исповедания, священной истории, чтению по книгам, гражданской печати и скорописи, арифметике, истории. Каждый день начинался с молитвы [2, л. 68–69].

Ученики делились на старший и младший разряды (группы). Согласно сохранившимся записям, группы были сбалансированными. Они формировались так, что в них объединялись ученики с разными умственными способностями, для того чтобы сильные подтягивали слабых до приемлемого уровня. Все это делалось для улучшения качества образования и обучения [2, л. 68].

Получение знаний было бесплатным, и от учеников никаких взносов и уплат не поступало. Учащиеся должны были сами купить всё необходимое для учебы. Но для особо бедных семей расходы на приобретение всех школьных принадлежностей брало на себя училище. Учебные заведения содержались исключительно на средства армянского Нахичеванского общества и Магистрата. Весь расход составлял до 510 р.: жалование учителям – 250 р., содержание домов и хозяйственные нужды – 200 р., на отопление и освещение – 60 р. Вся эта сумма выделялась на протяжении года, выдавалась на руки, расходовалась по усмотрению училищ [2, л. 68].

В таком виде церковно-приходские училища просуществовали до 1832 г. И с этого момента были объединены в одно [2, л. 70].

По распоряжению министра народного просвещения и директора Таганрогской коммерческой гимназии к приходскому училищу было присоединено существовавшее тогда в городе еще одно армянское училище. Оно находилось в непосредственном ведении местного архимандрита Арутюна Аламдаряна, который, в свою очередь, состоял там как учитель армянского языка с жалованием 250 р. в год и был одновременно настоятелем монастыря Сурб-Хач [2, л. 77]. В 1834 г. при нападении грабителей на монастырские покои он вступил с разбойниками в неравный бой, был смертельно ранен выстрелом из пистолета и скончался через 15 дней. Захоронен на территории монастыря Сурб-Хач.

Впоследствии расходы на училище постоянно увеличивались. Учебные пособия и книги приобретались на частные пожертвования местных меценатов и благотворителей.

С 1872 г. Нахичеванское-на-Дону городское училище преобразовано в 3-классное. По уставу этого училища предполагалось набирать в ученики детей купцов, горожан, ремесленников и других обывателей города. Цель обучения – нравственное воспитание и общее образование [2, л. 68].

Для улучшения надзора за хозяйством и разумным расходованием выделяемых средств хозяйственная и учебная деятельность подчинялись Таганрогскому коммерческому училищу. На работу брали людей достойных и образованных, но особого ценза тогда не существовало. Любой образованный и порядочный человек мог занять пост учителя. Расходы на содержание и жалованье учителей постоянно повышались по сравнению с жалованьем церковно-приходской школы, составлявшим 250 р. в год [2, л. 69].

Городские власти проявляли неустанную заботу о материальном положении преподавательского состава. Годовой расход на его содержание возрос до 1800 р. в год, хозяйственные расходы – до 460 р. в год. Также деятельность учителей стала поощряться премиями, пособиями и наградами за стаж. Одновременно с повышением жалованья повысились и профессиональные требования.

Согласно циркуляру от 10 ноября 1874 г. под № 8725, надлежало провести проверку. Выдать школьным и церковным учителям справки и инспекторские удостоверения о знании русского языка. Этого требовала ст. 57 «Устава о воинской повинности» от 1 января 1874 г. [2, л. 82]. Однако действия местных властей целиком перечеркнули расчеты правительства и Министерства просвещения. Нынешний учительский персонал церковно-приходских школ и училищ не соответствовал новым цензовым требованиям, поэтому комиссия, в состав которой вошли представители армянского духовенства и администрации, решила расширить юридическое толкование самого понятия «учительский ценз».

По мнению комиссии, в начальных армянских школах и училищах могли работать только лица, имевшие документы русских гимназий и закончившие курсы армянских средних учебных заведений. Приоритет при наборе преподавателей отдавался тем, кто непосредственно окон-

чил данное учебное заведение и при прохождении дополнительных курсов или при наличии всех документов и рекомендаций мог поступить на работу учителем одного из предметов.

Составляя циркуляр для местных дирекций о ревизии армянских школ и училищ, попечитель учебного округа добавил в него от себя: остаться на учительской должности в армянских учебных заведениях могли не только учителя, имевшие ценз, но и заявившие себя усердной и полезной службой. Тем самым он исказил смысл циркуляра № 8725. Сделано это было по причине того, что слишком мало учителей на тот период соответствовали требованиям ценза.

Это же дополнение было добавлено попечителем и в готовящийся проект устава армянских школ и училищ. Данный проект был поддержан Наместником и передан на подпись армянскому Католикосу. Последний понимал, что действия Наместника давали возможность оставить в неприкосновенности существующую систему армянского образования. Католикос не только подписал новый устав, но и заявил, что его надо распространить и на епархии, находящиеся как на Кавказе, так и за его пределами.

Местные школы и училища, получив указание о ревизии, отписывались перед попечителем, что работающие в учебных заведениях учителя оказывали достаточное усердие, а все начинания и силы, направленные центральной властью, срывались саботажем на местах [3, с. 127].

В 1877 г. Нахичеванское-на-Дону училище было преобразовано в Городское 4-классное училище [2, л. 1]. Открытие после ремонта, обновления и закупки инвентаря предполагалось на 1880 г. По случаю такого важного и радостного случая попечитель Одесского учебного округа Будинский подготовил торжественную речь [2, л. 1]. Он же устроил музыкальный вечер, хоровое пение и танцы, также был организован банкет для гостей с угощениями [2, л. 10].

Желающих попасть в новое училище было много, а конкурс – большим. Расписание вступительных экзаменов на 1879/80 уч. г. состояло из следующих предметов: Закон Божий и армянский молебен – для 1-го класса; Закон Божий и армянский молебен – для 2-го класса; геометрия, русский язык, география, арифметика, история Армении и чистописание – для 2–3 классов. В конце экзаменов судьбу поступающего решал педагогический совет в ходе дискуссии [2, л. 13]. Улучшилась и общая обста-

новка в отношении обучающихся – старая мебель была заменена на новую. Об этом свидетельствует циркуляр от 25 августа, направленный в городскую управу Нахичевани: «На сумму 3000 рублей закуплена классная мебель для училища взамен старой, старую велено сдать как не нужную в ту же городскую управу» [2, л. 54].

Позаботились и о новом расписании. Приоритет отдавался изучению естественных наук, армянскому и русскому языкам. Примечательно то, что на изучение русского языка отводилось часов больше, чем на изучение языка армянского. Перемены были очень короткими – по 5 минут, уроки длились не меньше часа [2, л. 62]. Обучение можно было назвать продуктивным. Инвентарь, закупленный училищем, свидетельствовал об ответственном отношении учителей к своим предметам и общей атмосфере преподавания. В списке предметов для физического и исторического кабинетов присутствовали: разборная модель глаза, уха, гортани, модель кунцы, ватерпас, глобус и др. Все это, естественно, стоило немалых денег. Со стороны попечителей и меценатов поступали просьбы и настойчивые указания удешевить цены, к примеру, на воздушный насос и волшебный фонарь [2, л. 12]. Заметно пополнилась и библиотека: закупались книги на иностранных языках, в частности, на армянском, французском, английском и немецком [2, л. 13].

С 1912 г. Нахичеванское городское 4-классное училище было преобразовано в высшее начальное училище. На тот момент в училище обучалось 143 ученика, окончили курс в этом же году 27 учеников, плата за обучение составляла 6 р. в год. Одновременно с этим выросли и расходы на содержание высшего начального училища: содержание государственным казначейством выросло до 2771 р. в год. Городское общество и меценаты также решили увеличить поступление денежных средств, что в итоге составило 10310 р. в год, на квартиру преподавателям дополнительно выделили 3000 р. в год, на стипендиальные средства – 682 р. Почетным попечителем был выбран купец И.М. Чайлахов, а инспектором – надворный советник В.В. Поляков. Училище располагалось на Бульварной площади в обычном городском здании [2, л. 1].

С поднятием финансирования и престижа учебного заведения была проведена работа по набору в преподавательский состав самых достойных и образованных кандидатов. К ним предъявлялись более высокие профессиональ-

ные и личностные требования, чем прежде, и, естественно, отсеивались соответствующие вакансии заметно увеличивался. На 1912 г. в преподавательский состав входили: В.М. Ковунов – священник православного исповедания, окончивший курс в Екатеринославской духовной семинарии, имевший набедренник, скадью и камиллаву, преподавал русское письмо и речь; Б. Каретьянц – армяно-григорианский священник, выпускник Халибовского училища, преподавал Закон Божий и армянский язык, имел серебряный выволочный напёрсток, крест и серебряную медаль им. Александра III; надворный советник А.М. Михайлович – выпускник учительского института, имел звание учителя городского училища и преподавал естественную историю; Н.М. Андрианов, не имевший чина преподаватель арифметики и геометрии, имел право преподавать в Учительском училище [2, л. 1]. Общие расходы на жалованье преподавателям составляло 3588 р. в год, плюс все преподаватели получали надбавки за выслугу лет, личные достижения в области преподавания и дополнительно – за наличие государственных наград. В итоге всё это составляло еще 1400 р. в год. По сравнению с зарплатами того времени, конечно, они не были высокими, но тем не менее позволяли учителям жить достойно и не отвлекаться на дополнительные подработки. Это было благом для каждого учебного заведения, когда преподавательский состав посвящал себя только своей профессиональной деятельности.

Как следует из вышесказанного, состав учителей был достаточно профессиональным и хорошо подготовленным, что добавляло престижности учебному заведению. Это в конечном итоге привело к резкому увеличению поданных заявлений на право обучения в высшем начальном училище. К сожалению, невозможно было принять всех желающих из-за банальной проблемы ограниченности площадей и нехватки мест. Приоритет отдавался самым достойным претендентам, показавшим наилучшие результаты при прохождении вступительных испытаний.

В процессе своего развития ни гимназией, ни прогимназией данное учебное заведение так и не стало. Лишь к 1912 г., за пять лет до своего закрытия, оно обрело статус высшего начального училища. Последующие проблемы, связанные с событиями Первой мировой войны, переросшей в войну Гражданскую, неизбежно должны были коснуться и Нахичевани-на-Дону. Рез-

ко сократились расходы на образование, город столкнулся с продовольственным кризисом, в экстремальных условиях обеспечивать учебные заведения финансированием и следить за их нормальным функционированием стало чрезвычайно сложно. Однако, несмотря на это, администрация училища, Городская дума и армянское общество предпринимали все усилия для поддержки образования в Нахичевани-на-Дону.

Последние упоминания о данном учебном заведении мы находим в одном из ежегодных справочников [4, с. 212]. Следы высшего начального училища теряются после октября 1917 г. Скорее всего, училище было расформировано из-за недостатка финансирования, а уже затем, как «классово чуждое», не вошло в новую систему пролетарских школ и училищ.

Несмотря на все тяготы, пережитые этим учебным заведением, постепенно, с течением времени оно по праву завоевало славу одного из лучших в Нахичевани-на-Дону и в Нахичеванском округе. Для определенной части населения было предметом особой гордости отдать своих детей на обучение именно в училище святых Саака и Месропа.

Литература

1. Шахазиз Е.О. История педагогического дела Новой Нахичевани. Тифлис, 1894. 89 с. (на армян. яз).
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 11. Оп. 1. Д. 114.
3. Ткаченко Д.С. Школьное образование в этнокультурной политике на Северном Кавказе XIX – начала XX века. Ставрополь : Альфа-Принт, 2009. 280 с.
4. Вся Донская область и Северный Кавказ на 1912 год. Ростов н/Д. : Изд-во А.И. Тер-Абрамяна, 1912. 687 с.

References

1. Shakhaziz E. O. (1894). *The history of the pedagogical work of New Nakhichevan*. Tiflis, 89 p. (in Armenian).
2. *The State Archive of the Rostov region* (SARR). Fund 11. In. 1. File 114. (in Russian).
3. Tkachenko D. S. (2009). *School education in ethno-cultural policy in the North Caucasus of the 19th - early 20th century*. Stavropol, Alfa-Print Publ., 280 p. (in Russian).
4. *The entire Don region and the North Caucasus for 1912*. (1912). Rostov-on-Don, Publ. of A. I. Ter-Abrahamyan, 687 p. (in Russian).

УДК 433

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-94-100

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ИСПОЛКОМОВ. ПОЛОЖЕНИЕ ОТ 17 АВГУСТА 1922 ГОДА

© 2021 г. А.Ж. Шереузов ^а

^а Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук», Нальчик, Россия

SPECIFIC FEATURES OF THE COMBINATION OF THE KABARDIAN AND BALKAR EXECUTIVE COMMISSIONS. REGULATION OF AUGUST 17, 1922

A.Zh. Shereuzhev ^а

^а Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russia

Шереузов Аскер Жилибиевич –
аспирант, кафедрa отечественной истории
и этнологии, научно-образовательный центр,
Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»,
ул. Балкарска, 2, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, 360000, Россия.
E-mail: asker.shereuzhev@mail.ru

Asker Zh. Shereuzhev -
Postgraduate, Department of National History
and Ethnology, Scientific and Educational Center,
Federal Scientific Center
"Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences",
Balkarova Str., 2, Nalchik,
Kabardino-Balkar Republic, 360000, Russia.
E-mail: asker.shereuzhev@mail.ru

Рассматривается проблема объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов. Раскрывается позиция кабардинских и балкарских политических элит по этому вопросу. Анализируется ход заседаний по поводу объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов в соответствии с Положением от 17 августа 1922 г. Отмечается, что, несмотря на объединение вышеуказанных исполкомов, между ними происходили различные конфликтные ситуации. Подводятся итоги образования нового исполнительного органа.

Ключевые слова: Б.Э. Калмыков, Б.И. Павлович, М.А. Энеев, К.Э. Ульбашев, заседание партийного комитета РКП (б) от 30 июня 1922 г., заседание Кабардинского областного комитета партии РКП(б) от 9 июля 1922 г., Положение от 17 августа 1922 г.

Based on the documents revealed in the archives of the Directorate of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic of the UTSDNI AS KBR, with the involvement of researchers, the problem of uniting the Kabardian and Balkar executive committees on August 17, 1922 is discussed. The position of the Kabardian and Balkar political elites on this issue is disclosed. All the meetings at which the issue of uniting the Kabardian and Balkar executive committees was considered were considered separately. The Regulations on the unification of the Kabardian and Balkar executive committees adopted on August 17, 1922 are analyzed in detail. Information is given that, despite the unification of the Kabardian and Balkar executive committees, various conflict situations occurred between them. The results of the unification of the Kabardian and Balkar executive committees are being summed up.

Keywords: B.E. Kalmykov, B.I. Pavlovich, M.A. Eneev, K.E. Ulbashev, meeting of the party committee of the RCP(b) of June 30, 1922, meeting of the Kabardian regional committee of the RCP(b) party of July 9, 1922, Regulations of August 17, 1922.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что 16 января 2022 г. исполнится сто лет со дня образования Кабардино-Балкарской автономной области. В связи с этими событиями особое внимание исследователей, занимающих-

ся этой проблематикой, приковано к условиям объединения Кабарды и Балкарии в рамках единой автономии и, в частности, к выработке единого механизма структуры органов власти. На основе изучения построения единой структуры

органов власти можно понять механизм объединения Кабарды и Балкарии в рамках единой автономной области.

На основе архивных материалов предложен комплексный анализ организационных мероприятий по выработке единого механизма объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов. Большое внимание уделено позициям кабардинских и балкарских политических деятелей по этому вопросу.

Цель статьи – комплексное изучение деятельности кабардинских и балкарских властей по выработке построения единого органа власти.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- исследовать вопросы, связанные с организацией объединения Кабардинского и Балкарского исполкомов;
- изучить позицию кабардинской и балкарской политических элит по этому вопросу;
- проанализировать Положение от 17 августа 1922 г. по объединению Кабардинского и Балкарского исполкомов;
- проследить как в дальнейшем на практике реализовывалось это Положение.

Данная проблема рассматривалась Х.М. Бербековым, К.Ф. Дзамиховым, А.Г. Кажаровым, Х.-М.А. Сабанчиевым, У.А. Улиговым [1–6]. Некоторые из этих авторов мало внимания уделили вопросам, связанным с объединением Кабардинского и Балкарского исполкомов, ограничившись лишь упоминанием о нем. Однако К.Ф. Дзамиховым и А.Г. Кажаровым подробно освещается конструирование исполнительных комитетов Кабарды и Балкарии [2]. В докторской диссертации А.Г. Кажаров большое внимание уделяет заседанию Кабардинского областного комитета партии от 9 июля 1922 г., анализирует позиции Б.Э. Калмыкова и К.Э. Ульбашева и возможности реализации этого проекта [3, с. 404]. Однако автор не придает значения заседанию Кабардино-Балкарского областного комитета партии от 31 августа 1922 г., на котором был избран состав облисполкома КБАО [7, л. 54], а также вопросам, связанным с различными конфликтными ситуациями между исполкомами, возникшими после объединения.

В целом рассматриваемая тема не стала предметом специального исследования, так как авторы в основном обсуждали факт образования КБАО.

Несмотря на принятое положение об образовании Кабардино-Балкарской автономии, процесс ее становления был долгим и занял не один месяц. При реализации программ, зафиксированных в положениях ВЦИК РСФСР от 16 января 1922 г., спорные моменты возникли в принципах объединения Кабарды и Балкарии [5, с. 76]. 9 января 1922 г. постановлением Коллегии Наркомнаца были приняты два положения. Первое из них касалось территориального разграничения Кабарды и Балкарии. Второе – порядка формирования областных исполкомов, которые в свою очередь должны были на равных началах сконструировать из своих представителей общий объединенный Кабардино-Балкарский областной исполком, которому должны были быть предоставлены все права губернского исполкома [5]. Эти два ключевых вопроса так и не были тогда всецело разрешены. В апреле 1922 г. Б.Э. Калмыков сообщил во ВЦИК, что местные условия региона не дают возможности руководству области сформировать областной исполком на основе вышеупомянутого постановления от 16 января 1922 г., поскольку в численном соотношении количество кабардинцев, входящих в состав исполкома, превышает численность балкарцев [2, с. 45]. ВЦИК РСФСР на основе информации, полученной от Б.Э. Калмыкова, постановил пересмотреть вопрос об образовании КБАО [2]. Стоит отметить, что для разрешения создавшейся проблемы в этот период было проведено множество заседаний. Руководство Кабарды категорически выступало против отделения Балкарии от Кабарды. Позже Б.Э. Калмыков публично обвинил М.А. Энеева, что в этом вопросе он пошел против балкарского народа.

30 июня 1922 г. состоялось заседание партийного комитета РКП (б). На повестку дня был вынесен вопрос об объединении Кабардинского и Балкарского исполкомов [7, л. 32]. В соответствии с протоколом № 26 на заседании партийного комитета постановили создать Кабардино-Балкарский исполком на основе равноправия [7, л. 32]. Несмотря на то что Президиум ВЦИК РСФСР несколькими неделями раньше поручил Наркомнацу пересмотреть вновь этот вопрос, а партийный комитет РКП (б) повторно попросил ЦК РКП(б) и ВЦИК РСФСР отменить вышеуказанное постановление от 16 января 1922 г., прослеживаются явные сомнения руководства Кабарды в том, что Наркомнац объективно подойдет к решению этого вопроса. 9 июля 1922 г.

состоялось заседание Кабардинского областного комитета партии РКП(б), темой обсуждения которого являлись принципы объединения Кабарды и Балкарии [7, л. 34].

На нем выступили видные представители кабардинской и балкарской политических элит. Они выразили свою точку зрения в вопросе слияния органов власти Кабарды и Балкарии. Б.И. Павлович, возглавлявший тогда партийную организацию Кабарды, в своем выступлении подчеркнул, что в соответствии с постановлением ВЦИКа от 16 января 1922 г. было декретировано объединение Кабарды и Балкарии в Кабардино-Балкарскую автономную область с руководящим органом – Кабардино-Балкарским исполнительным комитетом, организованным на паритетных началах [7, л. 34].

По словам Б.И. Павловича, если до этого времени главной причиной, мешавшей объединению двух народностей, являлось разрешение земельного вопроса, то на данный момент последний был уже разрешен постановлением ВЦИК РСФСР. Однако, по словам Б.И. Павловича, на повестке дня стоял еще один вопрос, который заключался «в более правильном слиянии аппаратов и организаций единого руководящего органа» [7, л. 34]. И несмотря на то, что «Балкария в данный момент еще не вошла в общий состав Автономной области, мы как соседняя область входящая в единую Федерацию России и как члены единой РКП весьма интересуемся жизнью небольшого народа, долгие годы жившего рука об руку с кабардинцами, и должны наконец узнать, что же делается в Балкарии, имеется ли там на местах Советская власть, Коммунистическая партия или там ничего не имеется» [7, л. 34].

Б.Э. Калмыков в своем выступлении также отметил, что жители Кабарды и Балкарии едины, и их ни политически, ни экономически разделить нельзя [7, л. 34–35]. В пример он привел мирное сосуществование кабардинцев и балкарцев из низшего сословия в дореволюционный период, а если трения и возникали, то лишь между представителями высшего сословия, ликвидированные, по его мнению, революцией 1917 г. [7, л. 34–35]. На наш взгляд, в речи Б.Э. Калмыкова было много популизма. Так, его высказывание о том, что передача кабардинских территорий Балкарии в соответствии с решением Межведомственной комиссии, созданной в 1918 г., не вызвала никаких протестов со стороны кабардинских крестьян [7, л. 34–35]. То, что

не всеми кабардинцами этот факт был воспринят без протестов, показывает следующий инцидент, произошедший через десять дней после заседания. 19 июля 1922 г. в Земельную комиссию обратился представитель предисполкома Верхней Балкарии с донесением о том, что кабардинцы чуть ли не насильственным путем хотят отобрать у них хуторные участки, ранее принадлежавшие им, но переданные балкарцам постановлением Чрезвычайной земельной комиссии от 22 августа 1918 г. Кабардинцы протестовали, так как считали эти участки своими.

Дальше Б.Э. Калмыков в своем выступлении отмечает, что в период, когда территория Кабарды и Балкарии была захвачена белыми, «руководители этих народов, скитаясь по горам и перенося все тяготы этих скитаний, жили с друг другом в мире, делясь последним куском хлеба, и вот уже в 1920 г. прибыв сюда после изгнания отсюда Деникина, мы опять также жили мирно вплоть до приезда т. Энеева, который с самого своего приезда начал поднимать вопрос о том, что между Кабардой и Балкарней существуют какие-то разногласия и даже вражда, с чем конечно я ни в коем случае согласиться не мог, так как отлично знал настроение кабардинских и балкарских крестьян. В завершении всего М.А. Энеевым был поднят вопрос о выделении Балкарии в самостоятельную единицу, без уведомления об этом нас и все время пока решался вопрос о выделении Балкарии я был против этого» [7, л. 34–35].

Также Б.Э. Калмыков считал, что для балкарского народа отделение от Кабарды было не обязательным, и от этого балкарский народ многое терял, но благодаря односторонней информации М.А. Энеева в Центр, которым яркими красками была обрисована покоренная Балкария и победительница Кабарда, благодаря всем этим подстрекательствам Балкария выделялась в самостоятельный округ [7, л. 34–35].

Однако нигде не указано, что именно М.А. Энеев выступал за отделения Балкарии от Кабарды. Самим Б.Э. Калмыковым не было приведено никаких веских доказательств, подтверждающих его слова, за исключением слов балкарских руководителей, объяснявших причину выделения Балкарии в желание проведения более широкой партийной работы на местах для последующего объединения с Кабардой. По словам Б.Э. Калмыкова, до сих пор никакой политической работы не проводилось [7, л. 34–35]. Конечно, возможно некоторые представители

балкарской политической элиты выступали за разделение этих двух народов, но нельзя полностью доверять словам Б.Э. Калмыкова, сказанным им в адрес М.А. Энеева и ничем не аргументированным. Сам же М.А. Энеев на этом заседании отсутствовал.

Б.Э. Калмыков заявил, что он против отделения Балкарии от Кабарды, поскольку экономически и географически Балкария и Кабарда всегда были связаны между собой [7, л. 34–35]. И обвинив М.А. Энеева в «згонизме», отметил, что из-за одного человека губить целый народ нельзя [8, с. 65].

Дальше на вопросы присутствовавшего на заседании Н. Шведова ответил заместитель предисполкома К.Э. Ульбашев. О разногласиях между кабардинцами и балкарцами К.Э. Ульбашев сказал, что таковых нет, но между руководством Кабарды и Балкарии они есть [7, л. 35]. В частности, в выработке общих механизмов аппаратов управления объединенной Кабардино-Балкарской автономной области. На вопрос Н. Шведова «Какие материальные выгоды получит балкарский народ при выделении Балкарии?» К.Э. Ульбашев ответил, что «Балкарская Автономная область в условиях автономных границ существовать самостоятельно не может и экономические условия в итоге заставят ее слиться» [7, л. 35]. Наверное, такого мнения придерживался не только один У.К. Ульбашев, а большинство руководителей Балкарии. На вопрос «Почему балкарцы хотят выделиться в самостоятельную единицу?» К.Э. Ульбашев ответил, что «такого течения в балкарских массах нет, т. к. народ сейчас не знает о выделении, но когда была организована Кабардино-Балкарская Автономия, то народ был этому рад и остался очень доволен, и что тенденция к выделению была тогда, когда Балкария находилась в составе Горской Республики» [7, л. 35]. На вопрос «На какие средства думает существовать Балкария?» К.Э. Ульбашев ответил, что «этот вопрос еще не обсуждался». На последний вопрос Н. Шведова: «Какие аппараты существуют в Балкарии?» К.Э. Ульбашев ответил, что «аппараты имеются, но не все, нет больниц, школы есть, но не везде, нет трибунала и др.» Также К.Э. Ульбашев высказал свою солидарность с Б.Э. Калмыковым в вопросе объединения Кабарды и Балкарии [7, л. 35].

Так, на основании докладов Б.И. Павловича и Б.Э. Калмыкова Кабардинский областной комитет постановил:

«1) Поставить в известность ЦК РКП и ВЦИК, что балкарские трудовые массы более склонны к сотрудничеству с кабардинским народом, чем к выделению в Автономную область.

2) Поставить в известность, что балкарский народ в период полуторалетнего существования отдельно от Кабарды убедился в невозможности и нецелесообразности такого существования.

3) Поставить в известность, что вопреки желанию балкарского трудового народа объединиться с Кабардой, его руководители продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам народа.

4) Вторично поставить в известность ЦК РКП и ВЦИК, что Кабардинский облпартком, состоящий в большинстве своем из присланных Центром товарищей, считается единственной организацией Кабардино-Балкарского облисполкома, созданной на основах конституции РСФСР.

5) В случае несогласия ВЦИКА с созданием единого Кабардино-Балкарского облисполкома на основах конституции РСФСР – просить ЦК РКП предложить ВЦИКУ назначить Кабардино-Балкарский съезд с представителями Краевой власти, для разрешения этого вопроса» [7, л. 37]. Смущает третий пункт постановления. Если К.Э. Ульбашев изложил позицию Балкарского руководства, то зачем надо было вставлять этот пункт в общее постановление.

По данным У.А. Улигова, на сельском сходе с. Гунделен большинство жителей проголосовало за оформление единой Кабардино-Балкарской автономной области [6, с. 306–307]. Стоит отметить, что не только балкарский народ выступал против отделения Балкарии от Кабарды, но и большинство руководителей Балкарии, свидетельством чему являются слова К.Э. Ульбашева, сказанные на заседании Кабардинского областного комитета партии РКП (б) 9 июля 1922 г., когда он заявил, что «Балкарская Автономная область в условиях автономных границ существовать самостоятельно не может, и экономические условия заставят ее слиться» [7, л. 36]. Повторимся, что, на наш взгляд, на этом заседании он выразил не только свою позицию, но и позицию большинства руководителей Балкарии. Немаловажно, что именно заместитель предисполкома К.Э. Ульбашев был единственным представителем от Балкарии, присутствовавшим на этом заседании и выражавшим интересы как самого народа, так и его руководства.

Вопрос выделения Балкарии в автономную область, исключительно связанную с РСФСР,

повторно был рассмотрен на Коллегии Наркомнаца 10 июля 1922 г. [3, с. 408]. И так, в высших эшелонах власти прекрасно понимали всю сущность объективных причин, делавших объединение Кабарды и Балкарии по сути единственно верным решением из всех возможных.

17 августа 1922 г. на заседании Кабардинского областного комитета партии обсуждали проект, представленный Антониновским по объединению советского партийного аппарата и партийного аппарата Кабарды и Балкарии. Постановлением Кабардинского областного партийного комитета проект был утвержден [7, л. 44]. Согласно постановлению, в состав областного комитета от Балкарии вошли тов. Потехин и М.А. Энеев [7, л. 44].

17 августа 1922 г. состоялось совместное заседание Кабардинского обкома и Балкарского оргбюро, где было утверждено «Положение по объединению Кабарды и Балкарии» [7, л. 48], состоявшее из трех частей. Первая касалась партийной линии. Было принято решение сформировать единый аппарат РКП (б) Кабарды и Балкарии, считать Балкарское оргбюро РКП(б) окружным, ввести в состав областного комитета РКП(б) Кабарды и Балкарии не менее 2 членов Балкарского окружного бюро [7, л. 48]. В итоге областком стал состоять из 11 представителей; Бюро Кабкома, ведущее работу по городу и Нальчикскому округу, состояло из 6 членов; Балкарское окружное бюро – из 2; Баксанское – из 1; Мало-Кабардинское – из 1; Урванское – из 1 [7, л. 48].

В Бюро областного комитета от Баксанского окружного оргбюро было решено утвердить еще двух человек, участвовавших в работе Кабардинского обкома РКП (б) 6 июля 1922 г. В соответствии с этим решением Бюро областного комитета, состоявшее из 11 человек, должно было проводить собрание минимум 1 раз в месяц, Бюро комитета – минимум 1 раз в неделю [7, л. 48].

Вторая часть касалась организации исполкомов и облисполкомов. В соответствии с постановлением было решено не создавать в Кабарде и Балкарии отдельных Национальных исполкомов [7, л. 48]. То есть был сформирован объединенный Кабардино-Балкарский исполком на равных началах. Балкарский же исполком стал окружным. Кабардино-Балкарский облисполком имел единые отделы, где разрешались дела по инстанциям. Каждый из отделов, за исключением заместителей отделов народного образования и внутреннего управления, имел единое управ-

ление [7, л. 48]. Во главе их стояли три человека (русский, кабардинец и балкарец). Облисполком имел право не считаться с их решениями, если в своем составе они не имели образованного человека, хорошо разбиравшегося в делах. Председатель Коллегии назначался облисполкомом на общих основаниях. Пленум состоял из 15 членов (5 русских, 5 кабардинцев, 5 балкарцев), Большой Президиум – из 7 членов (2 русских, 2 кабардинцев, 2 балкарцев и 1 секретаря обкома РКП (б)), Малый Президиум – из 4 членов (1 председателя, 2 заместителей, один из заместителей – от предисполкома Балкарии, 1 секретаря обкома РКП (б) [7, л. 48–49]. Пленум облисполкома в соответствии с постановлением должен был собираться 1 раз в два месяца, Большой Президиум – 1 раз в две недели, а Малый Президиум – 1 раз в неделю.

Ответственными за проведение в жизнь постановления были назначены Б.Э. Калмыков, М.А. Энеев и Н. Шведов. В недельный срок они должны были завершить свою работу, затем наметить новые созывы пленумов комитетов и исполкомов и в соответствии со сбором продналога на местах формировать повестку для пленумов. Также ими назначались ответственные работники в отделы облисполкома, «произведя их полную реорганизацию и пересмотр личного состава» [7, л. 48–49].

Несмотря на всю сложность механизма системы управления, хочется отметить и плюсы. Самый главный плюс заключается в принципе паритетности при формировании структуры облисполкома, где кабардинцы, балкарцы и русские получили равное количество мест.

31 августа 1922 г. на заседании Кабардино-Балкарского областного комитета партии РКП(б) был утвержден состав Кабардино-Балкарского облисполкома [7, л. 54]. В него вошли: Б.Э. Калмыков, Н.А. Катханов, З.П. Мидов, Х.Т. Пачев, А.Х. Кокожев, Ф.И. Фаддеев, Б.И. Павлович, И.Н. Боровицкий, Д.И. Колос, М.И. Ткаченко, М.А. Энеев, А.Д. Гемуев, К.Э. Ульбашев, А.Т. Мусукаев, Х.А. Акаев. Кандидатами стали: М. Сокуров, Х. Бесланев, Х. Карашаев и Н. Назаров [7, л. 54]. Практически все эти лица были видными общественными и политическими деятелями, известными всему населению Кабардино-Балкарии.

6 сентября 1922 г. были проведены выборы объединенного исполнительного комитета партии [9, с. 722–723]. В результате из состава пленума областного исполнительного комитета был

выделен Большой Президиум, состоявший из 7 человек: Б.Э. Калмыкова, М.А. Энеева, И.Н. Боровицкого, Н.А. Катханова, А.Д. Гемуева, Ф.И. Фаддеева и секретаря обкома партии, а также Малый Президиум в составе трех человек: Б.Э. Калмыкова, М.А. Энеева и Ф.И. Фаддеева. Председателем областного исполнительного комитета партии был избран Б.Э. Калмыков, заместителями – М.А. Энеев и Ф.И. Фаддеев, а секретарем был избран И.Н. Боровицкий [9].

Заседания Пленума Кабардино-Балкарского облисполкома было решено проводить не реже одного раза в месяц; Большого Президиума – раз в две недели; Малого Президиума – раз в неделю. В случае неотложных вопросов членам президиума было дано право созывать экстренные заседания по требованию одного из членов Малого Президиума. С этого момента Кабардинский областной исполком считался распущенным, в отношении Балкарского окрисполкома была намечена реорганизация в соответствии с порядком, существующим для всех округов [10, л. 3]. На этом же заседании были назначены заведующими следующие лица: финансовым – т. Гурбанов, облкомхозом – т. Перфильев, заводоуправлением – т. Киселев, рабоче-крестьянской инспекцией – Н.А. Катханов, собеса и труда – т. Жуков, юстиции – т. Гурской, военкоматом – И.Н. Боровицкий, облпродкомом – Ф.И. Фаддеев [10, л. 3]. Практически все эти должности заняли представители русской политической элиты. Такую диспропорцию можно объяснить кадровым голодом, который тогда испытывали как Кабарда, так и Балкария.

Несмотря на слияния аппаратов управления Кабарды и Балкарии, конфликтные ситуации продолжали возникать. Свидетельством этому является заседание Кабардино-Балкарского областного комитета партии РКП(б), где на повестку был вынесен вопрос «Об урегулировании отношений отделов облисполкома с Балкарским окрисполкомом» [7, л. 75].

Общую черту объединения Кабарды и Балкарии подвел Н. Шведов, выступая на пленуме ЦИК КБАО 1922 г. с докладом «О работе Кабардино-Балкарского областного комитета партии РКП(б)» [7, л. 100]. Он отметил, что споры по объединению Кабарды и Балкарии шли в течение целого года. «И только, благодаря решительному вмешательству партийного комитета, соглашение было достигнуто и обе части области соединены в одно неразрывное целое. Этим

был положен предел националистическим стремлениям группы балкарских руководителей, стремившихся к самостоятельности» [7, л. 100].

Таким образом, процесс объединения аппаратов управления между Кабардой и Балкарней вызвал много споров среди кабардинских и балкарских политических элит. Спорные моменты заключались в принципе паритетности. Так, кабардинская политическая элита считала, что постановление ВЦИК РСФСР от 16 января 1922 г., касающееся форм объединения, шло в разрез с интересами кабардинского народа. По вопросу отделения Балкарии от Кабарды высказался К.Э. Ульбашев на заседании Кабардинского областного комитета партии РКП(б) от 9 июля 1922 г., заявив, что Балкарская автономная область в условиях автономных границ существовать не сможет и экономические условия Балкарии заставляют нас объединиться с Кабардой. Все эти факторы способствовали окончательному слиянию Кабарды и Балкарии в единую автономию.

Литература

1. *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1963. 536 с.
2. *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления конституирования (начало 1920-х гг.) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2019. № 3 (42). С. 39–58.
3. *Кажаров А.Г.* Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги (1917–1920-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. 593 с.
4. *Кажаров А.Г.* Становление советской автономии Кабардино-Балкарии // Концепт. 2014. Т. 13. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64098.htm> (дата обращения: 16.02.2019).
5. *Сабанчиев Х.-М.А.* Русская революция и создание национальной государственности народов Кабардино-Балкарии (1917–1937 гг.) // Материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвященной 100-летию революции 1917 года. Элиста, 2017. С. 70–79.
6. *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.

7. Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ КБР). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9.

8. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. 2-е изд., доп. Нальчик : Эльбрус, 1983. 239 с.

9. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.) / Арх. упр. при Совете Министров Кабард.-Балкар. АССР и др.; сост. Р. Х. Гугов и др. Нальчик : Эльбрус, 1983. 800 с.

10. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Berbekov Kh.M. (1963). *The transition to socialism of the peoples of Kabardino-Balkaria*. Nalchik, Kabardino-Balkarian Book Publ., 536 p. (in Russian).

2. Dзамихов К.Ф., Казаров А.Г. (2019). On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of the formation of constitution (early 1920s). *Istoricheskii vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN*, No. 3 (42), pp. 39-58. (in Russian).

3. Kazharov A.G. (2018). *Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: preconditions, alternatives, results (1917–1920s)*. Dissertation Thesis. Nalchik, 593 p. (in Russian).

4. Kazharov A.G. (2014). Formation of the Soviet autonomy of Kabardino-Balkaria. *Konsept*, vol. 13. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/64098.htm> (accessed February 16, 2019). (in Russian).

5. Sabanchiev H.-M.A. (2017). The Russian revolution and the creation of the national statehood of the peoples of Kabardino-Balkaria (1917-1937). *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (with international participation), dedicated to the 100th anniversary of the Revolution 1917*. Elista, pp. 70-79. (in Russian).

6. Uligov U.A. (1979). *The socialist revolution and the Civil War in Kabarda and Balkaria and the creation of the national statehood of the Kabardian and Balkarian peoples (1917-1936)*. Nalchik, El'brus Publ., 354 p. (in Russian).

7. *Head quarter of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (CDCHAS KBR)*. Fund R-1. In. 1. File 9.

8. Kalmykov B.E. (1983). *Articles and speeches*. 2nd ed., add. Nalchik, El'brus, 239 p. (in Russian).

9. *Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917-1922)*. (1983). Arch. ex. under the Council of Ministers Kabard.-Balkar. ASSR and others; comp. by R.Kh. Gugov et al. Nalchik, El'brus Publ., 800 p. (in Russian).

10. *Head quarter of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (HQCSA AS KBR)*. Fund P-8. In. 1. File 6.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 330.142.222:330.147
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-101-109

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БАНКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНСОЛИДАЦИИ БАНКОВСКОГО КАПИТАЛА: ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2021 г. Н.Н. Евченко^а, К.А. Койка^б

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^б Евразия ООО «Пежо Ситроен Рус», Москва, Россия

REGIONAL BANKS OF RUSSIA IN CONDITIONS OF BANKING CAPITAL CONSOLIDATION: DYNAMICS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

N.N. Yevchenko^а, K.A. Koyka^б

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^б LLC "Peugeot Citroen Rus", Moscow, Russia

Евченко Наталья Николаевна –
доктор экономических наук, профессор,
старший научный сотрудник,
кафедра инновационного
и международного менеджмента,
Южный федеральный университет,
пр. Стачки, 200/1, корп. 1,
г. Ростов-на-Дону, 344090, Россия.
E-mail: natayevch@yandex.ru

Natalia N. Yevchenko -
Doctor of Economics, Professor,
Senior Researcher,
Innovational and International
Management Department,
Southern Federal University,
Stachki Ave, 200/1, bldg. 1,
Rostov-on-Don, 344090, Russia.
E-mail: natayevch@yandex.ru

Койка Кристиан Анатольевич –
финансовый контролер по работе
с дилерской сетью,
Евразия ООО «Пежо Ситроен Рус»,
2-й Сыромятнический пер., 1, г. Москва,
105120, Россия.
E-mail: kris_fesm_97@mail.ru

Kristian A. Koyka -
Dealer Eurasia Network
Finance Controller,
LLC "Peugeot Citroen Rus",
2nd Syromyatnicheskiy Lane, 1, Moscow,
105120, Russia.
E-mail: kris_fesm_97@mail.ru

Анализируются динамика и тенденции изменения числа региональных субъектов российского банковского рынка в сравнении с федеральными. Уточнено определение регионального банка, выявлена динамика изменения числа кредитных организаций по федеральным округам РФ и определены округа, сохраняющие устойчивость наличия региональных банков. Приведены результаты влияния банковской реформы (2017) на консолидацию банковского капитала и разделение банков по двум уровням. Сделан вывод о необходимости нормативно-законодательного определения и поддержки кредитного сектора региональной экономики, а также выявлены конкурентоспособные сферы деловой активности региональных банков РФ.

Ключевые слова: региональные банки, финансово-кредитные организации, консолидация, активы банков, региональная дифференциация банков, федеральные округа.

The article analyzes the dynamics and trends of changes in the number of regional entities of the Russian banking market in comparison with the federal ones. The definition of a regional bank has been clarified, the dynamics of changes in the number of credit institutions by federal districts of the Russian Federation has been identified, and dis-

tricts have been identified that retain the stability of the presence of regional banks. The results of the banking reform impact (2017) on the bank capital consolidation and the banks separation into two levels are presented. It was concluded that there is a need for a regulatory and legislative definition and support for the credit sector of the regional economy, and competitive areas of business activity of regional banks of the Russian Federation are identified.

Keywords: regional banks, financial and credit organizations, consolidation, bank assets, regional differentiation of banks, federal districts.

Развитый финансово-банковский сектор государства обеспечивает стабильное макроэкономическое состояние и устойчивое функционирование национальной экономики, ее включение в международное разделение труда и выполнение внешнеэкономических контрактов, обеспечение национальной безопасности, рациональное регулирование денежно-кредитного оборота. Банковский сектор является одной из ведущих сфер рыночной экономики России, обеспечивающей предоставление широкого спектра финансовых услуг корпоративному сектору отраслей промышленности и услуг, малым и средним предприятиям, индивидуальным предпринимателям, населению.

Банковский сектор в регионах территориально протяженной российской экономической системы обеспечивает доступ экономических субъектов к финансовым ресурсам, консультирует участников международного сотрудничества и выполняет экспертные функции для бизнес-проектов, обеспечивает решение ряда социальных задач, включая финансирование региональных проектов, кредитование бизнеса и населения.

Банковская система РФ – одна из наиболее прозрачных, открытых и детально представленных в аналитических и статистических базах данных и публикациях. Данные по отечественным банкам, включая объем уставного капитала, структуру и динамику активов, привлечение и выдачу финансовых ресурсов, доходность, доступны в помесечном разрезе. Особое внимание аналитики уделяют процессу ускоряющейся концентрации банковского капитала, сокращения числа финансово-кредитных организаций, а также состоянию и динамике изменений в региональном банковском секторе.

Многоаспектность задачи изучения взаимосвязи процесса консолидации банковского капитала и его влияния на состояние и развитие региональных банков позволяет рассмотреть некоторые значимые аспекты проблемы, включая уточнение экономической категории «региональный банк», выявление периодизации в ди-

намике численности банков РФ, изучение региональной дифференциации банков по федеральным округам РФ, а также определение первых итогов банковской реформы, проведенной на основе дифференцированного (пропорционального) подхода (2016–2017 гг.).

Процесс сокращения численности банков – объективный, наблюдаемый в значительном числе стран, даже экономически развитых, поскольку современные технологии позволяют повышать производительность труда, совершенствовать банковские продукты. Тем не менее, интенсивность сокращения числа кредитных организаций РФ – процесс, управляемый не только конкуренцией, но и комплексом внешних условий, включая регулирование (рис. 1, здесь и далее в рисунках и таблицах данные за 2021 г. – по состоянию на 01.07.2021 г.).

В 2000–2021 гг. сокращение числа банков РФ в целом представляется достаточно равномерным, однако более детальное изучение процесса ликвидации кредитных организаций позволяет выявить его периодичность и интенсивность (рис. 1, табл. 1).

Очевидно, что российская кредитная система по числу функционирующих организаций была наиболее устойчивой в 2000–2004 гг., а в 2015–2019 гг. – максимально волатильной, учитывая ликвидацию в среднем более 87 банков ежегодно в данном периоде. Поскольку процессы концентрации банковских активов имеют объективные границы, то регулирующим организациям и органам банковского надзора важно не только проводить мониторинг действующих организаций, но и содействовать сохранению конкурентных организаций, особенно – региональных, о чем заявляет экспертное сообщество.

В научной литературе деление банков на «центральные» и «региональные» пока остается условным, каждый автор поясняет (либо нет) свою позицию по данному классификационному признаку. Рассмотрим некоторые теоретические подходы к определению региональных банков и регионального банковского сектора.

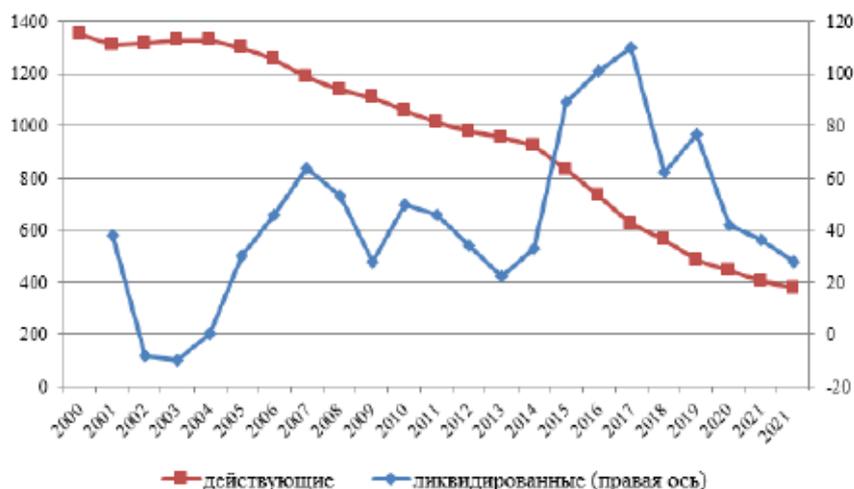

Рис. 1. Динамика числа действующих и ликвидированных кредитных организаций РФ, на 01.01 соответствующего года, 2000–2021, ед. [1] / Fig. 1. Dynamics of the number of operating and liquidated credit institutions in the Russian Federation, on the January 1 of the corresponding year, 2000-2021, units [1]

Таблица 1
Интенсивность процесса ликвидации кредитных организаций РФ (число ликвидированных организаций), ед., 2000–2021 гг. [1] / The intensity of the process of liquidation of credit institutions in the Russian Federation (the number of liquidated organizations), units, 2000-2021 [1]

Период	Количество банков	Ликвидировано	
		всего	в среднем за год
2000–2004	1349 1329	20	5,0
2005–2014	1299 923	376	40,6
2015–2019	834 484	350	87,8
2020–2021	442 406 378*	36	35,3

* – по состоянию на 01.07.2021.

Как показывает анализ опубликованных источников, в настоящее время категория «региональный банк» в научных исследованиях не имеет как общепринятого нормативно-правового, определенного законодательными актами, так и устоявшегося и признанного аналитико-научного определения, что не позволяет систематизировать его как объект научного знания, правового регулирования, сформировать единый базис для анализа и предложений в отношении текущего состояния и стратегии развития региональных банков и банковских систем.

Значительное число научных работ по проблематике регионального банковского сектора и деятельности региональных банков однозначно их не определяют, причем мнения авторов суще-

ственно разнятся именно по критерию отнесения банков к региональным либо иным. Так, при использовании критерия «территориальное базирование» некоторые авторы относят банки к «крупным» и «региональным банкам», где последние включают мелкие и средние коммерческие банки, действующие в регионах РФ [2, с. 157]. Другие исследователи относят к региональным все банки, действующие в субъекте Федерации и ориентированные на работу в регионе [3, с. 4796; 4].

Определенная часть исследователей полагает, что региональные банки – «локальные», «местные», часто – имеющие, например, статус уполномоченного банка Правительства [Оренбургской] области, поскольку доля последнего в акционерном капитале составляет 99,63 % [5, с. 803].

Наиболее детальный анализ теоретических подходов, практического применения и иных существенных оснований для обоснованного научного определения категории «региональный банк» проведен С.Б. Гладковой и А.А. Гулько. Авторы поддерживают точку зрения на определение «регионального банка» Т.Н. Зверьковой, указывая, что капитал такого банка должен формироваться, преимущественно, местными предприятиями и органами власти [6], склоняются к использованию более точной категории «локальный банк» и подчеркивают, что данный тип банков принимает активное участие в инвестиционных программах, национальных проектах, реализуемых в регионе [7, с. 13–15].

Соглашаясь с указанными выше авторами по миссии и приоритетной роли региональных банков в социально-экономическом развитии региона, полагаем, что учредителями региональных банков

могут быть и зарубежные банковские организации, которые могут обеспечить финансовую устойчивость. Региональные же руководители (и часто, крупные акционеры) банка формируют оперативную доходность и стратегическую привлекательность для зарубежных акционеров. По такой бизнес-модели, где 59,4 % доли уставного капитала принадлежат семи иностранным акционерам, работает крупнейший региональный банк Ростовской области ПАО КБ «Центр-Инвест» с активами в 121,1 млрд руб. (по данным на 1 июля 2021 г.) [8, 9]. В Краснодарском крае крупнейшим региональным банком КБ «Кубань Кредит» ООО с активами в 123,6 млрд руб. (по данным на 1 июля 2021 г.) [8] владеют физические лица (семья) [10].

Таким образом, для целей настоящей статьи и дальнейших исследований по проблематике примем, что «региональным банком» является банк, головной офис которого расположен в любом регионе РФ, за исключением Москвы, независимо от состава его акционеров.

Региональная дифференциация кредитных организаций РФ

Наряду с общим числом кредитных организаций РФ, важен анализ их распределения по территории РФ, по федеральным округам, поскольку процесс замещения региональных банков подразделениями центральных банков создает дополнительные риски для субъектов Федерации в силу специфики корпоративных решений и приоритетного сохранения головных офисов компаний в периоды нестабильности и кризисов.

Процесс сокращения числа действующих банков в РФ существенно затронул не только региональные, но и федеральные банки (г. Москва), которые, согласно статистике, составляют подавляющее число кредитных организаций Центрального федерального округа (ЦФО). На рис. 2 приведена динамика снижения числа банков ЦФО, а также – Москвы и ЦФО без Москвы. Для сравнения приводятся данные по федеральному округу, обладающему наибольшим числом региональных банков среди всех федеральных округов России – Приволжскому ФО.

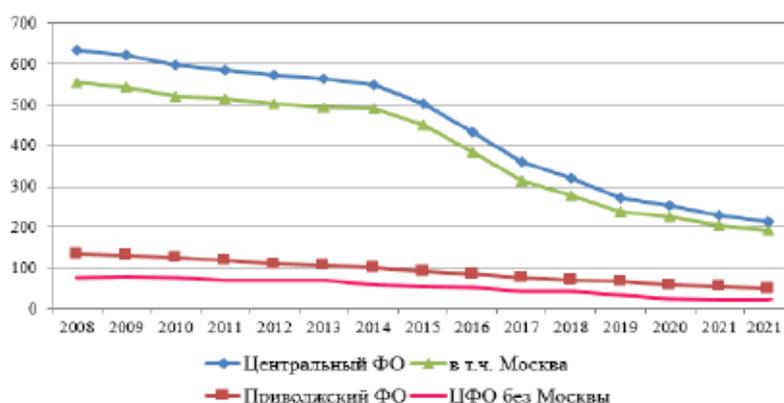

Рис. 2. Динамика числа действующих банков в Центральном и Приволжском федеральных округах на 01.01. соответствующего года, в 2008–2021 гг., ед. [1] / Fig. 2. Dynamics of the number of operating banks in the Central and Volga Federal Districts on the January 1 of the corresponding year, in 2008–2021, units [1]

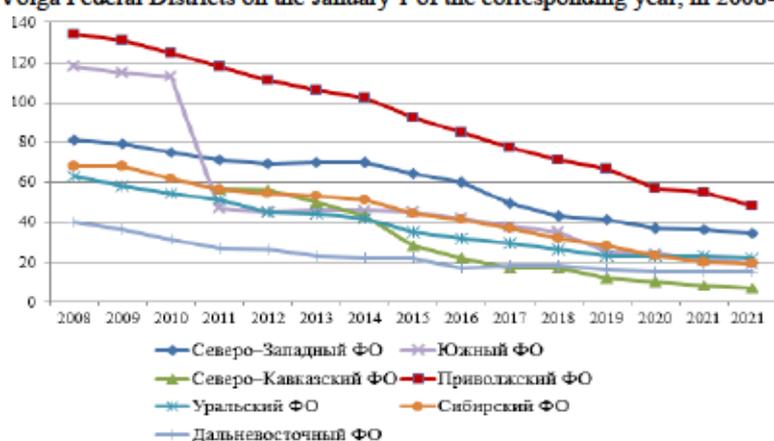

Рис. 3. Динамика числа действующих банков в федеральных округах РФ, 2008–2021 гг., ед. [1] / Fig. 3. Dynamics of the number of operating banks in the federal districts of the Russian Federation, 2008–2021, units [1]

Очевидно, что основой устойчивости и максимального сохранения региональных банковских систем является промышленный потенциал и конкурентоспособность российского макрорегиона. Выявленная ранее тенденция на общее сокращение числа банков имеет особенности и специфику в различных регионах России, что укрупненно возможно представить по данным для федеральных округов (рис. 3). Из данных следует, что все федеральные округа снижали число региональных банков, однако приведенный динамический ряд характеризует различную степень устойчивости региональных банков к процессу консолидации активов. Значительное падение количества банков Южного федерального округа (ЮФО) в 2011 г. вызвано разделением банков в связи с образованием в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

В целях более точного измерения устойчивости региональных банков федеральных округов произведен расчет доли банков, функционирующих в них на 2021 г. в сравнении с 2008 г. (табл. 2).

Таблица 2

Доля действующих региональных и федеральных банков на 01.07.2021 г. по отношению к функционировавшим на 01.01.2008 г., % [1] /
 The share of operating regional and federal banks on the July 1, 2021 in relation to those functioning as on the January 1, 2008, % [1]

Федеральный округ	2021*/2008
Центральный	33,86
в т.ч. Москва	34,59
Северо-Западный	41,98
Южный	16,10
Северо-Кавказский	12,28
Приволжский	35,82
Уральский	34,92
Сибирский	27,94
Дальневосточный	37,50
Всего по России	33,27

* Рассчитано авторами по [1].

Лидерами по устойчивости числа региональных банков являются Северо-Западный (41,98 %) и Дальневосточный (37,50 %) федеральные округа. Возможно предположить, что данные регионы привлекают и удерживают конкурентоспособных клиентов – предприятия-участники ВЭД, которые исторически привыкли обслуживаться в региональных кредитных учреждениях.

Существенно ниже среднероссийского уровня сохранены региональные банки в Сибирском

федеральном округе (27,94 %). Данные по ЮФО (16,10) и СКФО (28,38 %) по правилам анализа следует рассматривать как единый округ, так как на 2008 г. СКФО еще не был выделен из ЮФО (табл. 2).

Таким образом, по результатам изучения динамики изменения числа региональных банков в федеральных округах следует заключить, что процесс их сокращения носит объективный характер и наблюдается его неравномерность. На середину 2021 г. лидерами по числу работающих региональных банков РФ в федеральных округах выступают Приволжский, Северо-Западный, Уральский и Сибирский федеральные округа. Очевидно, что данные мегарегионы обладают значительным промышленно-производственным и экспортным потенциалом, а также стратегически нацелены на сохранение региональной кредитно-инвестиционной сферы экономики.

Реформа российского банковского сектора и региональные банки

Среднесрочные перспективы российских региональных банков представляются исследователям достаточно проблемными, требующими особого подхода в силу ряда объективных и субъективных причин регулирующего, технологического и организационно-управленческого характера в результате принятых решений (2016–2017 гг.).

Во-первых, в 2016 г. ЦБ РФ внес на обсуждение концепцию радикального реформирования банковской сферы путем выделения ниши «региональных банков» на основе дифференцированного (пропорционального) подхода [11]. Концепция предусматривала возможность смены статуса и перехода из «регионального» в «федеральный» банк при наличии или по мере достижения размера собственных средств (капитала). На момент принятия закона 54,8 % российских банков имели собственный капитал в размере более 1 млрд руб. [12, с. 336].

На основе Федерального закона от 01.05.2017 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] с 1 июня 2017 г. действующие банки РФ на основании величины собственных средств разделены на две категории – имеющих право работать по двум типам лицензий: а) универсальной банковской (при минимальном объеме средств (капитала) – 1 млрд руб., и максимальном объеме – без ограничений) и б) базовой

на выполнение банковских операций (минимальный размер собственных средств (капитала) – 300 млн руб., предельный – 3 млрд руб.). Опциями отказа банка от банковской лицензии являются его преобразование в небанковскую кредитную либо микрофинансовую организацию. Срок проведения изменений был предусмотрен до 1 января 2019 г.

На момент завершения процесса организационных изменений в РФ банков с универсальной лицензией было зарегистрировано в 2 раза больше, чем с базовой лицензией. Следовательно, процесс ликвидации (преобразования) региональных банков в 2017–2018 гг. проходил динамично (табл. 3), что еще раз подтверждает данные, приведенные в табл. 1.

Таблица 3

Количественные характеристики кредитных организаций России, ед. [1]
 / Quantitative characteristics of credit institutions in Russia, units [1]

Показатель	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020	01.01. 2021	01.07. 2021
Действующие кредитные организации – всего	561	484	442	406	378
из них:					
банки	517	440	402	366	341
– с универсальной лицензией		291	266	248	233
– с базовой лицензией		149	136	118	108
небанковские кредитные организации	44	44	40	40	37
Кредитные организации, лицензии у которых отозваны с начала года	54	60	28	16	19
Кредитные организации, лицензии у которых аннулированы с начала года		7	3	9	5
Кредитные организации, реорганизованные с начала года	9	10	12	13	4

Для вновь создаваемых банков предусмотрен минимальный размер уставного капитала для банка: с универсальной лицензией – 1 млрд руб., с базовой лицензией – 300 млн руб.

В.В. Сафронова отмечает одновременно и положительные стороны реформы, заключающиеся в «создании региональной банковской системы пропорционально укладу экономики промышленно развитых регионов России и диверсификации кредитных рисков экономики региона», и указывает на негативные тенденции: «новые требования привели к концентрации банковского бизнеса и рисков в крупных банках, вытеснению с рынка средних и малых банков, снижению доступности банковских услуг в регионах»; автор сообщает, что в Нижегородской области в 2011–2014 гг. «изъятие средств из региона в 2,7 раза превышало поступление средств через филиалы иногородних банков в регион» [12, с. 340].

В официальной статистике ЦБ приведены первые результаты внедрения банковской реформы на основе дифференцированного (пропорционального) подхода. За период функционирования в новых условиях (2018–2021 гг.)

процесс консолидации банковского сектора продолжился, причем число банков с базовой лицензией сокращается быстрее (72,5 % за 2,5 года), чем банков с универсальной лицензией (80,0 %) – табл. 3. Очевидно, что региональных банков с универсальной лицензией функционирует существенно меньше, чем с базовой.

Во-вторых, в связи с изменениями архитектуры функционирования отечественной банковской системы, связанной с технологическими новациями крупных банков в виде формирования банковских экосистем, создается новая конфигурация их взаимодействия с клиентами. Следствием внедрения новых IT-технологий является диверсификация банковских услуг на основе привлечения организаций-партнеров банков, более комплексное сервисное обслуживание клиентов всех типов. Очевидно, что финансовые и профессиональные ресурсы при реализации данной стратегии позволят наиболее крупным отечественным банкам получить новые смежные ниши и источники дохода за счет синергического эффекта улучшения качества и расширения номенклатуры услуг. При этом возможно предположить, что верным окажется

утверждение о том, что «небольшие банки не смогут осилить задачу поддержки конкурентоспособной экосистемы... очень высокая концентрация российского банковского сектора будет и дальше усиливаться» [5, с. 802].

Следует выделить еще один аспект трансформации региональных банков в среднесрочной перспективе. Анализ их доли в банковском секторе России показывает, что наиболее кон-

курентоспособными сферами региональных банков являются услуги для населения – привлечение средств и кредитование населения, где их доля в банковском секторе РФ составляет менее 6 % (рис. 4).

Корпоративное кредитование и взаимодействие с МСБ постепенно перемещаются в региональные структуры федеральных банков, что наглядно показано на рис. 5.

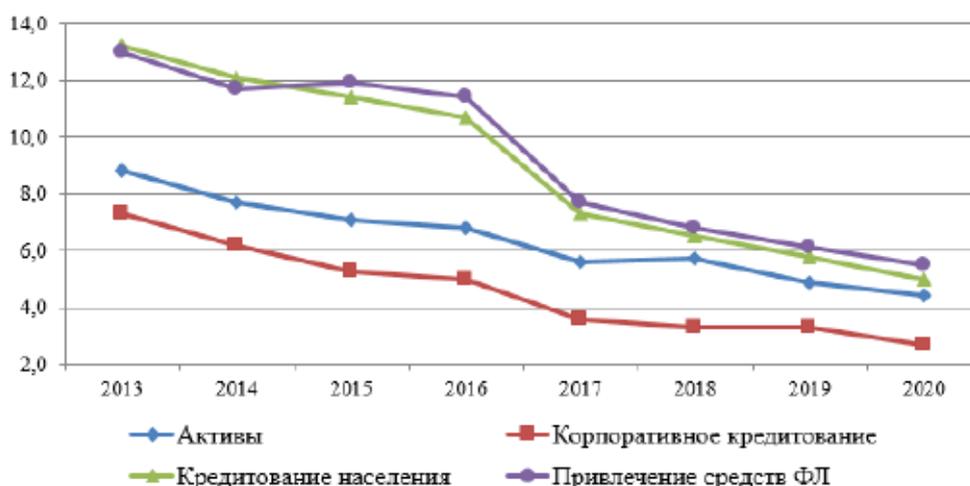

Рис. 4. Динамика доли региональных банков в активах, кредитовании и привлечении средств населения на 01.05 соответствующего года, 2013–2020, % [14] / Fig. 4. Dynamics of the share of regional banks in assets, lending and attracting funds of the population on the May 1 of the corresponding year, 2013-2020, % [14]

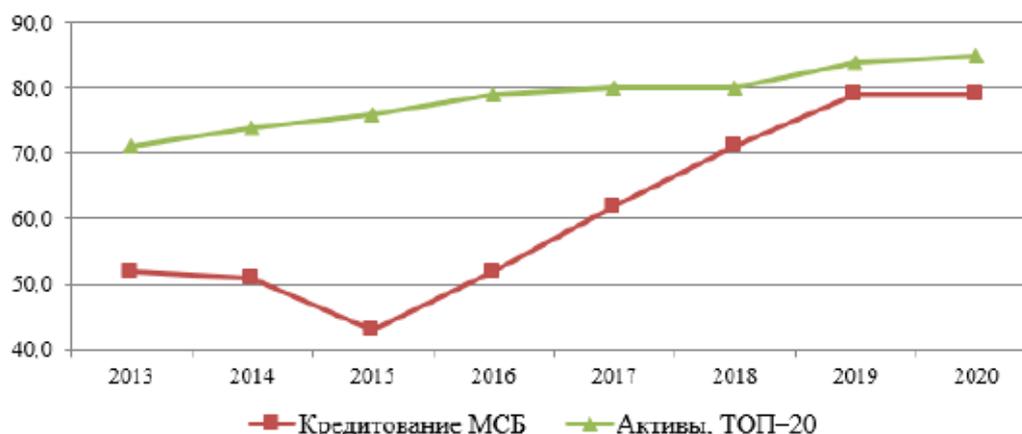

Рис. 5. Динамика доли крупных банков в активах топ-20 и кредитовании МСБ, на 01.05 соответствующего года, 2013–2020, % [14] / Fig. 5. Dynamics of the share of large banks in the assets of the top-20 and lending to SMEs, on the May 1 of the corresponding year, 2013-2020, % [14]

Определенный положительный (для региональных банков) импульс содержится в опубликованных ЦБ документах периода до 2023 г. В «Основных направлениях...» [15, с. 21] указывается на растущую роль региональных банков в связи с возможностями современных инновационных технологий. Несомненно, деклариру-

вание данного положения потребует дальнейшего развернутого плана, подкрепленного ресурсами.

Выводы

1. Национальная банковская система России находится в трансформационном периоде, вы-

ражающемся в процессах реформирования в целях перехода к полноценной двухуровневой структуре, включающей «федеральные» и «региональные» банки. Первые итоги реформы выразились в ускорении сокращения числа региональных банков по отношению к федеральным, процессе дальнейшей консолидации банковских активов.

2. Проектируемая в настоящее время единая государственная денежно-кредитная политика на период до 2023 г. подчеркивает значимость усиления влияния банков на региональном уровне России путем развития потенциала региональных финансовых организаций. В государственной денежно-кредитной политике России следует предусмотреть специальный блок в целях поддержки и повышения конкурентоспособности региональных банков, в том числе, используя инструментарий «распределенной локализации» – условия присутствия региональных банков в максимально возможном количестве субъектов РФ.

3. В исследовании выявлено, что конкурентным преимуществом региональных банков является, прежде всего, их взаимодействие с населением в процессе привлечения средств и кредитования. В перспективе перед региональными банками возникнут задачи финансирования региональных инвестиционных проектов и более тесного взаимодействия с предприятиями МСБ на нишевой основе; а также расширения комплекса услуг и клиентской базы в конкуренции с нерегиональными банковскими структурами.

4. Реализация стратегии крупных банков РФ, прежде всего Сбербанка, на создание конкурентоспособных экосистем может стать важным условием ускорения консолидации банковских активов России и снижения возможностей для региональных банков.

5. Стратегическим условием сохранения региональных банков в рамках одного субъекта Федерации может выступить создание их консорциума при наличии инициативы и сильного регионального банка, способного возглавить процесс сохранения системы региональных банков. Инициатором данного процесса может стать и Правительство региона.

Литература

1. Статистический бюллетень Банка России. М. : ПРАЙМ, 2008–2021.

2. Корешков В.Г. О взаимодействии региональных коммерческих банков и реального сектора экономики // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2017. № 4. С. 157.

3. Метелева И.С. Анализ уровня риска региональных банков // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сб. ст. Всерос. ежегодная науч.-практ. конф. Киров : Вятский гос. ун-т, 2017. С. 4795–4801.

4. Чузуров Д.Н., Счастливая Т.В. Состояние региональной банковской системы в Российской Федерации // Проблемы учета и финансов. 2014. № 4. С. 59–64.

5. Федосеева В.А. Региональный банк как субъект формирования экосистемы // Российские регионы в фокусе перемен : сб. докл. XIV Междунар. конф. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2020. С. 801–805.

6. Зверькова Т.Н. Региональные банки в трансформационной экономике: подходы к формированию концепции развития. Оренбург : Пресса, 2012. 214 с.

7. Гладкова С.Б., Гулько А.А. Региональные (локальные) банки и их роль в обеспечении безопасности банковской системы // Финансы и кредит. 2015. № 48. С. 11–21.

8. Рейтинг банков по объему активов на 1 июля 2021 года. URL: <http://www.riarating.ru> (дата обращения: 15.08.2021).

9. ПАО КБ «Центр-Инвест». URL: <https://www.centrinvest.ru/ru/investors/info/shareholders> (дата обращения: 15.08.2021)

10. Список лиц, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация КБ «Кубань Кредит» ООО. URL: http://cbr.ru/vfs/credit/depend/RB2518_20200813.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

11. О пропорциональном регулировании в банковской сфере: перспектива для региональных банков и банковской системы в целом. 9 сентября 2016. 5 с. URL: <http://www.cbr.ru/statichtml/file/17579/09092016pr.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

12. Сафронова В.В. Регулирование банковского сектора России. Новые тенденции // Финансы и кредит. 2018. Т. 24, № 2. С. 335–350.

13. Система «Консультант Плюс». URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216074/ (дата обращения: 15.08.2021).

14. Щурихина Е., Коршунов Р., Сараев А. В федеральных сетях: как выживают региональные банки URL: <http://www.raexpert.ru> (дата обращения: 15.08.2021).

15. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов. Проект от 1 сентября 2021 г.

URL: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (дата обращения: 05.09.2021).

References

1. *Statistical Bulletin of the Bank of Russia*. (2008–2021). Moscow, PRAIM Publ. (in Russian).
2. Koreshkov V.G. (2017). On the interaction of regional commercial banks and the real sector of the economy. *Ekonomicheskoe razvitiye regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*, No. 4, p. 157. (in Russian).
3. Meteleva I.S. (2017). Analysis of the level of risk of regional banks. *Society. The science. Innovations (NPK-2017)*. Collection of Articles. All Russian annual scientific practical. conf. Kirov, Vyatka State University Press, pp. 4795-4801. (in Russian).
4. Chugurov D.N., Schastnaya T.V. (2014). The state of the regional banking system in the Russian Federation. *Problemy uchyota i finansov*, No. 4, pp. 59-64. (in Russian).
5. Fedoseeva V.A. (2020). Regional bank as a subject of ecosystem formation. *Russian Regions in the Focus of Changes*. Collection of articles. XIV Int. conf. Yekaterinburg, UMC UPI Publ., pp. 801-805. (in Russian).
6. Zverkova T.N. (2012). *Regional banks in a transformational economy: approaches to the formation of a development concept*. Orenburg, Pressa Publ., 214 p. (in Russian).
7. Gladkova S.B., Gulko A.A. (2015). Regional (local) banks and their role in ensuring the security of the banking system. *Finansy i kredit*, No. 48, pp. 11-21. (in Russian).
8. *Ranking of banks by assets as of July 1, 2021*. Available at: <http://www.riarating.ru> (accessed August 15, 2021). (in Russian).
9. PJSC CB "Center-Invest". Available at: <https://www.centriinvest.ru/ru/investors/info/shareholders> (accessed August 15, 2021). (in Russian).
10. *List of persons who control or have significant influence over the credit institution KB Kuban Credit LLC*. Available at: http://cbr.ru/vfs/credit/depend/RB2518_20200813.pdf (accessed August 15, 2021). (in Russian).
11. *On proportional regulation in the banking sector: a perspective for regional banks and the banking system as a whole*. September 9, 2016. 5 p. Available at: <http://www.cbr.ru/statichhtml/file/17579/09092016pr.pdf> (accessed August 15, 2021). (in Russian).
12. Safronova V.V. (2018). Regulation of the banking sector in Russia. New trends. *Finansy i kredit*, vol. 24, No. 2, pp. 335-350. (in Russian).
13. *System "Consultant Plus"*. Available at: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216074/ (accessed August 15, 2021). (in Russian).
14. Shchurikhina E., Korshunov R., Saraev A. *In federal networks: how regional banks survive*. Available at: <http://www.raexpert.ru> (accessed August 15, 2021). (in Russian).
15. *The main directions of the unified state monetary policy for 2021 and the period of 2022 and 2023*. Draft of September 1, 2021. Available at: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (accessed September 5, 2021). (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

6 сентября 2021 г. / September 6, 2021

УДК 334
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-110-117

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ КОМПАНИЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОЕКТНО-ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА

© 2021 г. И.О. Жаринов ^а

^а Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

ECONOMIC MANAGEMENT OF A HIGH-TECH COMPANY USING PLANNING AND A PROJECT-PROCESS APPROACH

I.O. Zharinov ^а

^а ITMO University, St. Petersburg, Russia

Жаринов Игорь Олегович –
заслуженный машиностроитель РФ,
доктор технических наук, профессор,
факультет безопасности информационных
технологий,
Национальный исследовательский
университет ИТМО,
Кронверкский пр., 49а, г. Санкт-Петербург,
197101, Россия.
E-mail: mpbva@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-2508-5939

Igor O. Zharinov -
Honored Machine Builder
of the Russian Federation,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Faculty of Secure
Information Technologies,
ITMO University,
Kronverkskiy Ave, 49a, St. Petersburg,
197101, Russia.
E-mail: mpbva@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-2508-5939

Исследована задача организации экономического управления инновационной компанией, сфера деятельности которой связана с высокотехнологичным бизнесом. Предложена система экономического управления, в основе которой заложены функция планирования операционной деятельности компании и проектно-процессный подход к регулированию микроэкономических показателей, характеризующих эффективность выполнения бизнес-проектов и бизнес-процессов, совместно контролируемые во внутренней среде компании и пересчитываемые в интегральную экономическую результативность. Функция контроллинга возложена на смарт-контракты, отслеживающие исполнение договорных обязательств компании перед потребителями. Субъектами управления в системе определены менеджеры различных уровней иерархии, испытывающие на себе влияние вызовов продуктивности. Компания как объект экономического управления в системе подвержена влиянию рыночных вызовов. Система управления построена по замкнутой схеме, адаптивно реагирующей через локальные и глобальную обратные связи на внешние и внутренние вызовы.

Ключевые слова: планирование, управление компанией, проектное управление, процессное управление, система экономического управления.

The task of organizing the economic management of an innovative company, which field of activity is related to high-tech business, is studied. A system of economic management is proposed, which is based on the function of planning the company's operational activities and a project-process approach to regulating the company's microeconomic indicators. The indicators characterize the effectiveness of the implementation of business projects and business processes, jointly controlled in the internal environment of the company and recalculated into the integral economic performance of the company. The controlling function is assigned to smart contracts that track the fulfillment of the company's contractual obligations to consumers. The management subjects in the system are defined as managers of various levels of the hierarchy who are influenced by productivity challenges. The company as an object of economic management in the system is subject to the influence of market challenges. The control system is built according to a closed circuit that adaptively responds to external and internal calls through local and global feedbacks.

Keywords: planning, company management, project management, process management, management system.

Введение

Планирование операционной деятельности является функцией экономического управления хозяйствующим объектом, от эффективности которого зависит результативность компании. Механизм планирования заключается [1, 2] в разработке оперативных, тактических и стратегических планов, содержащих наборы целей и задач компании, а также предполагаемые способы их решения. Планы компании формализуются системой количественных показателей, достижение которых ожидается к определенным срокам. Контрольные точки планирования связаны с контрактными обязательствами компании, рассматриваемыми по каждой единице проектируемой, изготавливаемой и поставляемой продукции. Выполнение планов осуществляется ресурсами внутрифирменного регулирования, использующими инструменты проектного и процессного подходов к экономическому управлению компанией.

Объединение подходов к управлению компанией сегодня является [3, 4] актуальным направлением синтеза новых систем экономического управления и обусловлено необходимостью установления действенного контроля над бизнес-процессами компании, параллельно и зачастую независимо протекающими в разных проектах. Систематизация данных о проектах и процессах направлена на сокращение издержек компании, оптимизацию ее производственных запасов и логистики, повышение прозрачности финансовых потоков и другие эффекты, складывающиеся в инновационную бизнес-стратегию компании, отвечающую конъюнктуре рынка. Проектно-процессное управление обеспечивает раскрытие на новом уровне финансового и производственно-технологического потенциалов компании и позволяет ей сконцентрировать экономические ресурсы на звеньях цепочки добавленной стоимости, приносящих максимальный доход.

Управленческое решение, соответствующее проектно-процессному подходу, вырабатывается [5, 6] в системе ограничений, учитывающих способности компонентов внутренней среды компании воспринимать, анализировать и практически использовать экономические данные, контекстно характеризующие в реальном времени динамику информационных и материальных потоков. Данные позиционируются как информационный продукт [7, 8] внутрифирменно-

го взаимодействия иерархически организованных субъектов и объектов управления, приводящий к образованию ценности для конечного потребителя. Проекция данных на цепочки ценности, содержащие циклически повторяющиеся звенья, обуславливает выбор способа структуризации системы экономического управления, учитывающего волновые явления (итерации) в проектно-процессном механизме регулирования, обрабатываемые элементами контрольных обратных связей [9].

Цель исследования заключается в разработке системы экономического управления высокотехнологичной компанией, осуществляющей деятельность в промышленном сегменте производства в условиях цифровизации внутренней проектно-производственной среды и внешних институциональных условий.

Материалы и методы исследования

Исследования основаны на [10–12] промышленной концепции Индустрии 4.0, концепции управления экономическими системами, концепции цифровой экономики, положениях экономической теории (микроэкономика компаний), законах развития систем, методах системного анализа, методах декомпозиции и анализа иерархий, процессном и проектном подходах к экономическому управлению компаниями и др.

Результаты опубликованных к настоящему времени исследований в области организации экономического управления компаниями различного масштаба в высокотехнологичной промышленности подробно отразили в научных работах З.А. Арсимерзуева, Т.С. Тасуева, Д.С. Головкин, К.Б. Доброва, Е.А. Лютова, Е.Б. Ермишина, А.А. Макурина, А.С. Кадырбердиева, Э.Ш. Сатыганова, С.В. Козлова, А.В. Моисеева, М.А. Мызникова, А.Ю. Смагина [1, 3, 4, 6, 7, 9–13] и др. Рассмотрены различные аспекты экономического управления хозяйствующими объектами, связанные с изменением производственной культуры и повышением квалификации управленческого персонала, внедрением политики кайдзен и реинжинирингом бизнес-процессов, направленными на обеспечение финансовой результативности бизнеса. Вместе с этим в исследованиях указанных авторов и ряда других ученых [14, 15] не нашли своего отражения методологические аспекты сбалансированного и взаимосвязанного экономического управления компаниями, сочетающего проект-

ный и процессный подходы к сквозному формированию и развитию бизнеса, эффективность которых оценивается не только по финансовым, но и по технологическим критериям в пределах всей цепочки создания и распределения ценности для конечного потребителя.

Процессное управление компанией

Управление экономическим объектом на основе процессного подхода базируется на идее представления компании совокупностью бизнес-процессов, сконцентрированных на определенном результате. Процессный подход является альтернативой существующему и применяемому на практике функциональному подходу, заключающемуся в социальном (человекоцентричном) управлении компанией, внутренняя модель которой образована организационной структурой с субъектами и объектами управления, распределенными по уровням иерархии. Пересмотр традиционных стратегий управления обусловлен глобализацией экономических процессов и диктуемыми ею рыночными вызовами компаниям, сфокусированными на проблемах продуктивности и конкурентоспособности [13, 16].

Преимущества процессного подхода к управлению связаны с прогнозируемостью экономических показателей результативности компании, достигаемых с минимальными рисками, однако его масштабное внедрение в систему управления сегодня сдерживается недостаточным уровнем зрелости информационных и производственных технологий. В институциональных условиях цифровой экономики процессный подход к управлению имеет повышенные перспективы применения к компаниям Индустрии 4.0, специализация которых ориентирована на киберпроектирование (цифровая фабрика), киберпроизводство (умная фабрика) и киберобслуживание (виртуальная фабрика) промышленно изготавливаемой продукции.

Процессный подход к управлению обеспечивает менеджменту компании информационную поддержку в принятии экономически обоснованных управленческих решений, опирающихся на текущие и ожидаемые оценки эффективности совокупности бизнес-операций, относящихся к проблемам формирования потоков ценности и распределения конечной продукции потребителям. Объективный анализ эффективности бизнес-процессов и экономической результативности компании в целом, актуальный для мене-

джеров всех уровней управления, осуществляется в электронной среде по данным, полученным в результате контроллинга производственно-финансовой деятельности компании, отслеживаемой самоисполняемыми смарт-контрактами.

Электронная среда оперирует с информационными потоками цифровых цепочек ценности и создает адекватный рыночным вызовам ресурс, расширяющий возможности компании для роста инструментами системы экономического управления, комплементарно сочетающей влияния менеджмента и кибертехнологий. Баланс воздействий на компанию как объект экономического управления регулируется искусственным интеллектом, собирающим в многомерное пространство взаимосвязанные показатели, релевантные финансовому результату компании. Модель управления на основе комплементарности позволяет компании оперативно реагировать на динамику внешних и внутренних условий функционирования и имеет потенциал совершенствования, эволюционно развиваемый в соответствии с научно-техническим прогрессом в области информационных и производственных кибертехнологий.

Процессно-ориентированная система управления компанией обладает [17, 18] целостной структурой, внутренними связями, сквозным регулированием и ситуационной адаптивностью, играющими определяющую роль в экономическом положении компании на рынке. Целевое управление реализуется путем привлечения ресурсов, составляющих внутренний резерв компании, и инвестиций, рассматриваемых в качестве внешних ресурсов. Из всех вероятных траекторий развития компаний процессный подход к управлению способствует приведению компании к состоянию производственной, финансовой и маркетинговой устойчивости, согласующемуся с общими принципами хозяйствования экономического объекта (окупаемость затрат, бюджетная сбалансированность, рыночная востребованность продуктовой линейки и т.д.).

Проектное управление компанией

Управление экономическим объектом на основе проектного подхода построено на идее представления операционной деятельности компании совокупностью параллельно выполняемых бизнес-проектов, показатели эффективности которых подлежат регулированию. Каж-

дый бизнес-проект рассматривается самостоятельным объектом управления, контролируемым во внутренней среде компании на заданном временном интервале (горизонте планирования). Бизнес-проект направлен на создание компанией уникального продукта или продукции массового спроса и является основой производственного цикла. Достижение целевых показателей в каждом бизнес-проекте определяет общую результативность компании, оцениваемую по системе экономических показателей, распределенных в календарных графиках при планировании [19, 20].

Декомпозиция операционной деятельности на единицы бизнес-проектов осуществляется для повышения управляемости компанией и исключения конкуренции менеджеров проектов, связанной с делегированием полномочий и выделением доли экономических ресурсов на решение наиболее важных задач компании. Организационный компонент проектного управления обеспечивает согласованность управленческих стратегий менеджеров на различных уровнях иерархии компании и этапах реализации бизнес-проектов. Оценка качества и эффективности управления бизнес-проектами носит для менеджеров персонализированный характер и складывается из ключевых индикаторов, интегрально представляющих объемы затрат и сроки выполнения проекта.

Проектный подход актуален для экономического управления промышленными компаниями, специализирующимися на разработке и освоении в производстве новых видов продукции и кибертехнологий, требующих комплексного привлечения ресурсов в условиях ограничений на время, затраты и качество результата бизнес-проекта, имеющего ценность для конечного потребителя. Системообразующее свойство проектного подхода заключается [21, 22] в формализации отношений между субъектами и объектами управления во внутренней среде компании, контролируемой на различных этапах реализации жизненного цикла продукции.

Результаты исследования и их обсуждение

Схема системы экономического управления компанией, сочетающая проектно-процессный подход к управлению и управленческую функцию планирования, приведена на рисунке.

В системе используются механизмы экономического управления, основанные на регули-

ровании бизнес-процессов движения интеллектуального капитала бизнес-проектов, развивающихся в результате действий производителя. Интеллектуальный капитал высокотехнологичной продукции является экономической категорией и составляет информационный ресурс фабрики Индустрии 4.0, участвующий в образовании добавленной стоимости. Функция управления интеллектуальным капиталом определяется конкретным видом выполняемой операционной деятельности компании и выражена через полезность, максимизация которой обеспечивает интерес потребительского сообщества к продукции и формирует компаниям источник дополнительной прибыли. Стандартный цикл экономического управления в системе сконфигурирован цепочкой функций «целеполагание – планирование – реализация – контроль – коррекция», по своему смысловому содержанию соответствующей идеям А.Файоля с усилением информационного аспекта бизнес-процессов компании.

Экстремум функции управления интеллектуальным капиталом достигается в бизнес-стратегиях создания и продвижения ценности, в наибольшей степени отвечающей запросам и рыночным ожиданиям потребителей. Объемы реализации высокотехнологичной продукции по контрактным обязательствам в системе управления соотносятся с долей выручки (валовой прибыли) компании, в результате чего вырабатывается корректирующее воздействие, изменяющее внутренние и маркетинговые внешние бизнес-процессы компаний, связанные с оборотом интеллектуального капитала и ценообразованием. Адаптационные возможности, поддерживаемые системой экономического управления, определяют конкурентные преимущества фабрик на рынке и позитивно влияют на отношение потребительского сообщества к компании и ее продукции.

Технологический компонент бизнес-проектов в системе управления ассоциирован со структурой задач компании и с учетными механизмами сбора и обработки информации, адаптированными к операционной деятельности компании. Применяется сквозной подход к интерпретации результатов бизнес-процессов и бизнес-проектов, приложенный к обслуживанию смарт-контракта полного жизненного цикла продукции. Контролю подлежит каждая бизнес-операция, способная изменять финансовое положение экономического объекта и приращать добавленную стоимость продукции на протяже-

нии всей цепочки создания ценности. Дальнейшая детализация системы экономического управления связана с введением в схему уровней иерархии и внедрением проектного и процессного подходов к идентификации, анализу,

реализации, контролю и оптимизации бизнес-процессов, рассматриваемых в масштабах внутренней среды компании и ее взаимодействия с бизнес-партнерами и оцениваемых по критериям «эффективность – результативность».

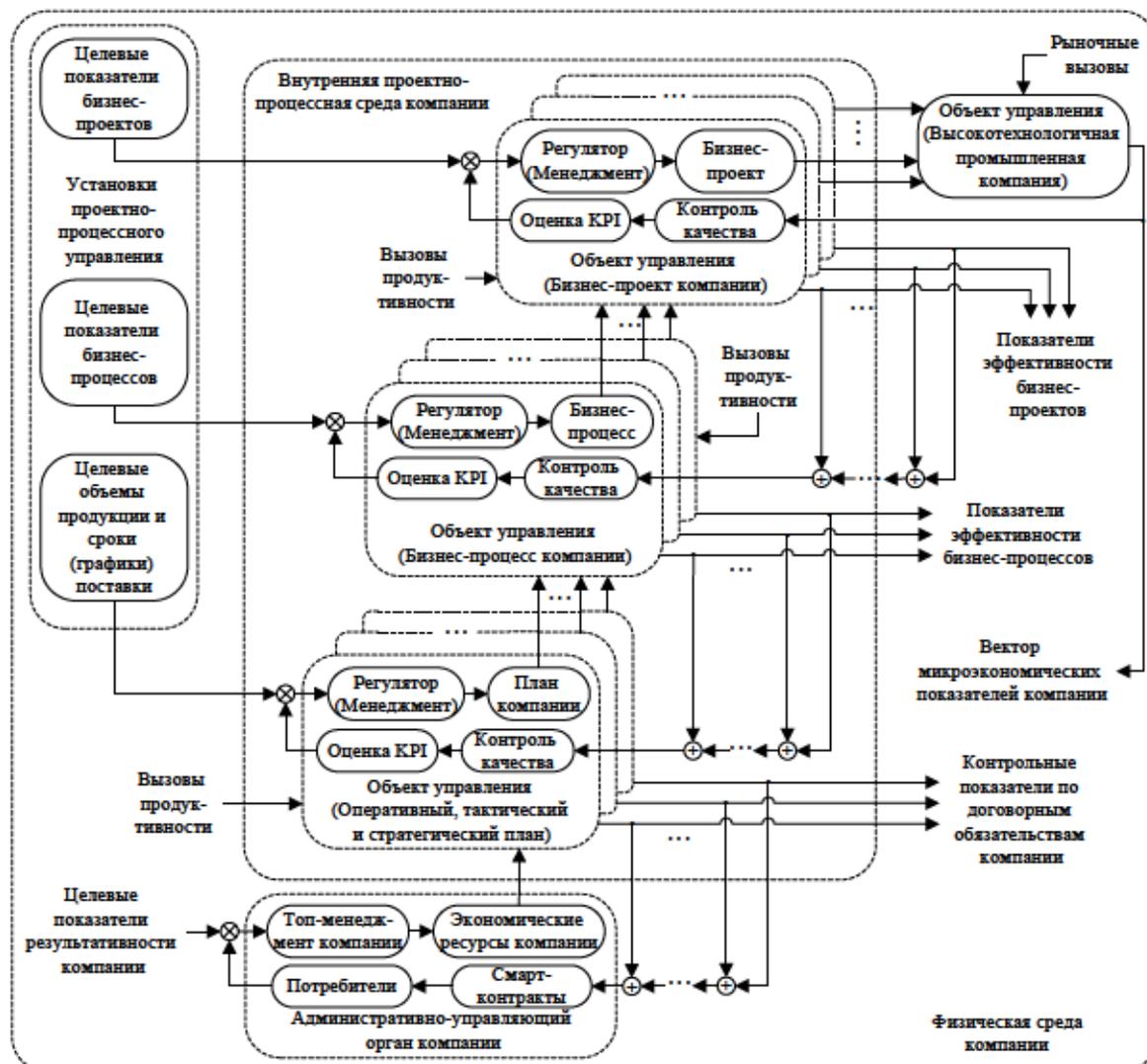

Схема системы экономического управления компанией, сочетающая проектно-процессный подход к управлению и управленческую функцию планирования / Scheme of the system of the company economic management, combining a project-process approach to management and a management planning function

Заключение

Разделение подходов к экономическому управлению компаниями на проектный и процессный обуславливает структурные различия в схемах систем управления, объектами в которых выступают бизнес-процессы или бизнес-проекты. Бизнес-процессы документально регламентированы процедурами, выполняются циклически и их регулирование может быть скорректировано параметрическими настройками, отождествляемыми с компетенциями мене-

джеров, объемами затраченных ресурсов, средствами автоматизации и т.д. Бизнес-проекты содержат ноу-хау и являются уникальным видом операционной деятельности компании, регулирование которого сопряжено с пределом сфер влияния управленческого звена внутри компании и перераспределением экономических ресурсов.

Практика обособления бизнес-процессов и бизнес-проектов в системах экономического управления получила широкое применение в компаниях Индустрии 3.0, использующих про-

дуктово-ориентированную бизнес-модель. Перевод промышленности на технологии кастомизации и идеи шеринговой экономики вводит новый тип сервис-ориентированной бизнес-модели, востребованной в Индустрии 4.0. Индивидуализация продукции потребителем на этапе ее создания «стирает» во внутренней среде компании четкие границы бизнес-процессов и бизнес-проектов, что приводит к отказу инновационных компаний от политики процессной стандартизации, закреплённой в системе менеджмента.

Каждый кастомизированный продукт имеет проекции на операционную деятельность компании и делает уникальными ее бизнес-процессы и бизнес-проекты, управление которыми необходимо осуществлять совместно и в общем цикле планирования. Такое управление реализуется проектно-процессными механизмами, составляющими основу для следующего поколения систем экономического управления компаниями, адаптивно реагирующих на запросы потребительского сообщества и другие рыночные вызовы. Планирование и выполнение бизнес-процессов создания кастомизированной продукции в этом случае осуществляются в проектной форме, допускающей формирование множественных траекторий в цепочках добавленной стоимости, подлежащих регулированию.

Литература

1. Арсимерзуева З.А., Тасуева Т.С. Сущность и роль экономических инструментов управления предприятием // Вестн. Комплексного науч.-исслед. ин-та им. Х.И. Ибрагимова РАН. 2020. № 2 (2). С. 153–158.
2. Брянецва Т.А., Иващенко Н.Ю. Система внутреннего контроля как основа управления экономическим субъектом // Белгородский эконом. вестн. 2020. № 4 (100). С. 152–157.
3. Головкин Д.С. Система управления промышленными предприятиями на базе концепции экономического потенциала // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 7–15.
4. Доброва К.Б., Лютова Е.А. Общая постановка задач развития экономических механизмов управления жизненным циклом вооружений, военной и специальной техники // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 375–386.
5. Дорошенко М.В., Кудряшова И.А. Процессный подход в управлении предприятием как фактор по-

вышения его экономической устойчивости // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20, № 1. С. 67–85.

6. Ермишина Е.Б., Макурина А.А. Организационно-экономический механизм управления интеллектуальным капиталом предприятия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1 (39). С. 33–37.

7. Кадырбердиева А.С., Сатылганова Э.Ш. Проблемы экономического управления предприятием и ее теоретическая роль в микроэкономике // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 9. С. 423–429.

8. Коган Л.П., Краснов А.Р., Сербер А.В. Анализ информационных процессов при формировании управленческих решений в концепции иерархической модели управления экономической системой // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 25–33.

9. Козлова С.В. Корпоративное управление как институциональный фактор экономического роста (эмпирическое исследование крупных российских компаний) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8-1. С. 335–345.

10. Моисеева А.В. Концепция механизма управления организационно-экономической гибкостью предприятия // Новое в экономической кибернетике. 2020. № 2. С. 132–147.

11. Моисеева А.В. Стимулирующая функция механизма управления организационно-экономической гибкостью предприятия // Вестн. Донецкого нац. ун-та. Серия В: Экономика и право. 2020. № 2. С. 158–167.

12. Мызникова М.А. Трансформация стратегического управления отечественных социально-экономических систем через призму смены парадигм стратегического управления // Вестн. Донецкого нац. ун-та. Серия В: Экономика и право. 2021. № 1. С. 150–159.

13. Смагина А.Ю. Проблемы учетно-информационного обеспечения управления экономическими субъектами в условиях цифровой экономики // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Серия: Экономика и управление. 2020. № 1 (40). С. 35–39.

14. Панин А.В., Тимохин Д.В., Демин С.А. Экономико-методологический подход к управлению производственной эффективностью посредством замыкания технологических циклов на основе модели «экономического креста» // Московский эконом. журн. 2020. № 2. С. 26.

15. Платунина Г.П., Васильева И.А. Управление бизнес-процессами инфокоммуникационных компаний в условиях трансформации мирового экономиче-

ского общества // Экономика и качество систем связи. 2020. № 1 (15). С. 22–29.

16. Рубинштейн А.Я. Институт корпоративного управления и экономический рост: теория, методология и расчеты // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4 (9). С. 151–160.

17. Солодовников С.Ю. Субординационное и ординационное управление в экономических системах: онтологическая природа и феноменологические особенности в инновационной сфере // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия D: Экономические и юридические науки. 2020. № 14. С. 100–108.

18. Толтегина О.А., Серегина Е.Ю. Оценка эффективности организационно-экономической системы управления по ценностям и их целям государственных корпораций // Финансовый менеджмент. 2020. № 1. С. 27–39.

19. Худяков С.В. Структуризация систем управления промышленных предприятий в условиях концентрации экономической активности // Вестн. Российского эконом. ун-та имени Г.В. Плеханова. 2020. № 1 (109). С. 164–171.

20. Чебыкина М.В., Леонов С.А. Теоретические аспекты инновационного управления в системе современных экономических условий // Вестн. Самарского ун-та. Экономика и управление. 2020. Т. 11, № 3. С. 82–91.

21. Чернер Н.В. Формирование среды функционирования организационно-экономического механизма внутрикорпоративного ценового управления российским высокотехнологичным промышленным холдингом // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1 (114). С. 1098–1101.

22. Шкарунета Е.В., Бачурин Д.Н. Концептуальные положения экосистемного подхода к управлению развитием экономических систем в условиях цифровой трансформации // Организатор производства. 2020. Т. 28, № 3. С. 7–15.

References

1. Arsimierzueva Z. A., Tasueva T. S. (2020). The essence and role of economic instruments of enterprise management. *Vestn. Kompleksnogo nauch.-issled. in-ta imeni Kh.I. Ibragimova RAN*, No. 2 (2), pp. 153-158. (in Russian).

2. Bryantseva T. A., Ivashchenko N. Yu. (2020). The system of internal control as a basis for the management of the economic entity. *Belgorodskii ekonom. vestn.*, No. 4 (100), pp. 152-157. (in Russian).

3. Golovkin D. S. (2020). System of management of industrial enterprises on the basis of the concept of economic potential. *Vestn. Nizhegorodskogo un-ta imeni*

N. I. Lobachevskogo. Series: Social Sciences, No. 3 (59), pp. 7-15. (in Russian).

4. Dobrova K. B., Lyutova E. A. (2020). General statement of tasks for the development of economic mechanisms for managing the life cycle of weapons, military and special equipment. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, vol. 10, No. 1, pp. 375-386. (in Russian).

5. Doroshenko M.V., Kudryashova I.A. (2020). Process approach in enterprise management as a factor of increasing its economic stability. *Mir ekonomiki i upravleniya*, vol. 20, No. 1, pp. 67-85. (in Russian).

6. Ermishina E.B., Makurina A.A. (2020). Organizational and economic mechanism of intellectual capital management of the enterprise. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, No. 1 (39), pp. 33-37. (in Russian).

7. Kadyrberdieva A. S., Satylganova E. Sh. (2020). Problems of economic management of an enterprise and its theoretical role in microeconomics. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki*, No. 9, pp. 423-429. (in Russian).

8. Kogan L. P., Krasnov A. R., Serber A.V. (2020). Analysis of information processes in the formation of management decisions in the concept of a hierarchical model of economic system management. *Vestn. Nizhegorodskogo un-ta imeni N. I. Lobachevskogo, Series: Social Sciences*, No. 2(58), pp. 25-33. (in Russian).

9. Kozlova S. V. (2020). Corporate governance as an institutional factor of economic growth (an empirical study of large Russian companies). *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, vol. 10, No. 8-1, pp. 335-345. (in Russian).

10. Moiseeva A.V. (2020). The concept of the mechanism for managing the organizational and economic flexibility of an enterprise. *Novoe v ekonomicheskoi kibernetike*, No. 2, pp. 132-147. (in Russian).

11. Moiseeva A.V. (2020). The stimulating function of the mechanism for managing the organizational and economic flexibility of an enterprise. *Vestn. Donetskogo nats. un-ta. Series B: Economics and Law*, No. 2, pp. 158-167. (in Russian).

12. Myznikova M. A. (2021). Transformation of strategic management of domestic socio-economic systems through the prism of changing paradigms of strategic management. *Vestn. Donetskogo nats. un-ta. Series: Economics and Law*, No. 1, pp. 150-159. (in Russian).

13. Smagina A. Yu. (2020). Problems of accounting and information support of management of economic entities in the conditions of digital economy. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos. un-ta. Series: Economics and Management*, No. 1(40), pp. 35-39. (in Russian).

14. Panin A. V., Timokhin D. V., Demin S. A. (2020). Economy-methodological approach to management of production efficiency by closing technological cycles based on the model of "economic cross". *Moskovskii ekonom. zhurn.*, No. 2, p. 26. (in Russian).
15. Platonina G. P., Vasilyeva I. A. (2020). Management of business processes of information and communication companies in the conditions of transformation of the world economic society. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*, No. 1 (15), pp. 22-29. (in Russian).
16. Rubinstein A. Ya. (2020). Institute of Corporate Governance and Economic Growth: theory, methodology and calculations. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, No. 4 (9), pp. 151-160. (in Russian).
17. Solodovnikov S. Yu. (2020). Subordination and ordination management in economic systems: ontological nature and phenomenological features in the innovation sphere. *Vestn. Polotskogo gos. un-ta. Series D. Economic and Legal Sciences*, No. 14, pp. 100-108. (in Russian).
18. Tolpegina O. A., Seregina E. Yu. (2020). Assessment of the effectiveness of the organizational and economic management system according to the values and their goals of state corporations. *Finansovyi menedzhment*, No. 1, pp. 27-39. (in Russian).
19. Khudyakov S. V. (2020). Structuring of management systems of industrial enterprises in the conditions of concentration of economic activity. *Vestn. Rossiiskogo ekonom. un-ta imeni G.V. Plekhanova*, No. 1 (109), pp. 164-171. (in Russian).
20. Chebykina M. V., Leonov S. A. (2020). Theoretical aspects of innovative management in the system of modern economic conditions. *Vestn. Samarskogo un-ta. Ekonomika i upravlenie*, vol. 11, No. 3, pp. 82-91. (in Russian).
21. Cherner N. V. (2020). Formation of the environment for the functioning of the organizational and economic mechanism of intra-corporate price management of a Russian high-tech industrial holding. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, No. 1 (114), pp. 1098-1101. (in Russian).
22. Shkarupeta E. V., Bachurin D. N. (2020). Conceptual provisions of the ecosystem approach to managing the development of economic systems in the conditions of digital transformation. *Organizator proizvodstva*, vol. 28, No. 3, pp. 7-15. (in Russian).

УДК 336.77

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-118-127

ДОХОДНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ БЕДНОСТЬ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ?¹

© 2021 г. Л.И. Ниворожкина ^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

INCOME INEQUALITY AND RELATIVE POVERTY IN RUSSIAN HOUSEHOLDS: IS THERE A LINK TO ECONOMIC GROWTH?

L.I. Nivorozhkina ^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Ниворожкина Людмила Ивановна –
доктор экономических наук, профессор,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: lin45@mail.ru

Ljudmila I. Nivorozhkina -
Doctor of Economics, Professor,
Rostov State University
of Economics,
B. Sadovaya Str., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: lin45@mail.ru

Анализируется взаимосвязь индикаторов экономического роста, неравенства и бедности в динамике с начала 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Показано, что экономический рост, начавшийся в 2000-х гг., имел следствием устойчивую тенденцию снижения уровня неравенства и бедности в России. На основе метода декомпозиции Раваллона-Датта рассчитаны эффекты роста и перераспределения доходов на изменение уровня относительной бедности и неравенства между 2000 и 2017 гг. Снижение уровня бедности в указанный период в основном обеспечивалось общим ростом доходов при слабой интенсивности процессов перераспределения доходов от высокообеспеченных групп домохозяйств к низкообеспеченным. Данный подход позволяет выявить проблемные сферы социальной политики и указать направления их устранения.

Ключевые слова: экономический рост, неравенство, бедность, доходы, перераспределение.

The analysis of the relationship between indicators of economic growth, inequality and poverty in dynamics from the beginning of the 90s of the last century to the present is carried out, it is shown that the economic growth that began in the 2000s resulted in a steady downward trend in the level of inequality and poverty in Russia. Based on the Ravallion-Dutt decomposition method, the effects of growth and income redistribution on changes in the level of relative poverty and inequality between 2000 and 2017 are calculated. The presented approach allows us to identify problem areas of social policy and indicate the directions for their elimination.

Keywords: economic growth, inequality, poverty, income, redistribution.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-010-00009.

Введение. Неравенство доходов населения – одна из наиболее острых тем общественно-политической повестки дня, что обусловлено как увеличением масштабов самого неравенства, так и ростом его негативных последствий, в первую очередь бедности [1–4]. В публикациях последнего времени затрагиваются проблемы воздействия высокого и быстро растущего уровня неравенства во многих странах мира на темпы экономического роста и динамику выхода из экономического спада, вызванного пандемией COVID-19 [5–7].

Оценка результативности мероприятий по преодолению бедности, элиминированию неравенства во взаимосвязи с экономическим ростом, позволяющая на достаточно длительном отрезке времени выявить тенденции во взаимосвязи темпов экономического роста в кратко- и долгосрочной перспективе с политикой доходов [8–10], способствующей сглаживанию неравенства и уменьшению бедности, представляется актуальной задачей, требующей всестороннего рассмотрения.

Экономический рост, неравенство и бедность. Неравенство доходов – это ситуация, при которой доходы в обществе распределены неравномерно между различными домохозяйствами. Люди, доходы которых ниже определенного порога, принятого за минимальный стандарт в обществе, считаются бедными. Это – лишь одно из нескольких определений бедности, однако оно тесно связано с неравенством и позволяет анализировать их в едином контексте [4, 11]. Социально-экономическая категория неравенства, несмотря на внешнюю простоту формулировки, представлена широким спектром теоретических подходов к ее использованию в качестве объекта научных, прикладных исследований [12]. Экономическая составляющая неравенства тесно связана с проблемой ограниченности ресурсов, рыночными механизмами, влияющими на их распределение. Аспекты социальной справедливости, политики перераспределения доходов существенно расширяют сферу обсуждения доходного неравенства, которое может рассматриваться и как причина, и как результат каких-либо социально-экономических явлений и процессов [2]. Рост или снижение неравенства в работах многих отечественных и зарубежных исследователей связаны со здоровьем населения [13], уровнем преступности [14], демографическими факторами [15], политической системой государства [16]. Неравенство

доходов выступает и как составляющая более общего понятия – экономического неравенства, а также такой емкой категории, как благосостояние в контексте элемента системы оценки уровня и качества жизни.

С. Кузнец в 1955 г. [17] выдвинул гипотезу, что устойчивое снижение неравенства и уровня бедности связано с ростом экономики, и подтвердил ее на данных первой половины XX в. Эта идея стала доминирующей в международных финансовых институтах, политических решениях, когда ускорение экономического роста считалось достаточной мерой для снижения неравенства и бедности. Однако уже в начале нового тысячелетия Т. Пикетти [16] на более длительном, временном отрезке с 1910 по 2010 г. обнаружил обратный результат: экономический рост сопровождался ростом доходного неравенства. Пикетти доказал, что значительное доходное неравенство является имманентным свойством капитализма, а выявленное Кузнецом снижение в период с начала до середины XX в. было результатом изменений налоговой политики и двух мировых войн, а не эволюции рыночной экономики, т. е. одного лишь экономического роста недостаточно для решения проблемы снижения уровня неравенства и сокращения бедности. Необходимо, чтобы результаты роста экономики были распределены между разными группами населения более равномерно, путем принятия соответствующих законодательных, фискальных мер. В некоторых исследованиях утверждается, что результатом роста уровня неравенства может стать снижение темпов экономического роста вследствие ограничения возможностей для накопления человеческого капитала среди сравнительно бедных групп населения, из-за чего темпы роста экономики остаются сравнительно невысокими [18, 19].

В России неравенство доходов выше, чем в большинстве развитых западных экономиках, но ниже, чем в странах с доходами, близкими к российским, такими как крупные страны Латинской Америки. Темпы роста российской экономики в 2019–2020 гг. показали отрицательный прирост, что стало результатом пандемии Covid-19. Как долго продлится период спада и стагнации, предсказать сложно, и поэтому перспективы неравенства в России состоят скорее в его увеличении. При низких или даже отрицательных темпах роста экономики неравенство доходов будет увеличиваться, поскольку доходы от капитала (собственность, финансовые активы,

капитал, природные ресурсы) продолжают рост, а трудовые доходы будут стагнировать. Что касается неравенства капитала, рассмотрение которого занимает центральное место в работе Т. Пикетти, то в соответствии с глобальным отчетом Всемирного банка о неравенстве богатства в 2013 г. уровень неравенства распределения богатства в России был самым высоким в мире. Одному проценту наиболее богатых граждан России принадлежал 71 % капитала, а накопленное состояние 94 % взрослого населения страны составляло менее 10 тыс. дол. [20]. В соответствии с выводами Т. Пикетти, часть доходов от богатства, принадлежащего в России верхнему доходному перцентиллю, будет инвестироваться, доходы и состояния таких индивидов продолжают возрастать, что при низких темпах экономического роста приведет к дальнейшему росту неравенства.

Однако критический анализ количественных результатов команды Пикетти, представленный Р. Капелюшниковым [21], выявил значительные недостатки их методологических подходов к измерению неравенства в России и показал, что авторы не учитывали экономию на масштабе, не применяли шкалы эквивалентности; в их выкладках присутствовали методологические нестыковки: использовались различные единицы наблюдения и определения доходов. В целом их технические манипуляции практически всегда направлены в сторону завышения масштабов неравенства. Более реалистические показатели концентрации доходов для России примерно на треть ниже тех, что приводят зарубежные источники, не слишком отличаются от данных официальной статистики (коэффициенты Джини по доходам 0,3–0,4).

Динамика неравенства и бедности населения России. Как измеряется неравенство между различными доходными единицами? Наиболее часто используемый показатель неравенства – коэффициент Джини, названный в честь итальянского статистика и экономиста Коррадо Джини. Он варьирует от 0, когда доходы у всех одинаковы, до 1 или 100 (выражается в виде процентной доли или индекса), когда один человек получает все доходы города, области, страны, мира в зависимости от того, для каких групп населения оценивается неравенство [8]. Какова динамика коэффициента Джини в России? Трансформационный спад, начавшийся в 90-х гг. XX в. в сфере экономики, повлек за собой резкие изменения в уровне благосостояния

населения: уровень потребления значительной части населения заметно снизился, резко возросло неравенство [4]. Индекс Джини, по данным Росстата РФ, возрос с 0,260 в 1991 до 0,409 в 1994 г., затем несколько снизился, вновь вырос в период кризиса 1998 г., в дальнейшем значительных скачков в его значениях не наблюдалось, но по сравнению с большинством европейских стран его значения характеризуют высокий уровень неравенства (рис. 1).

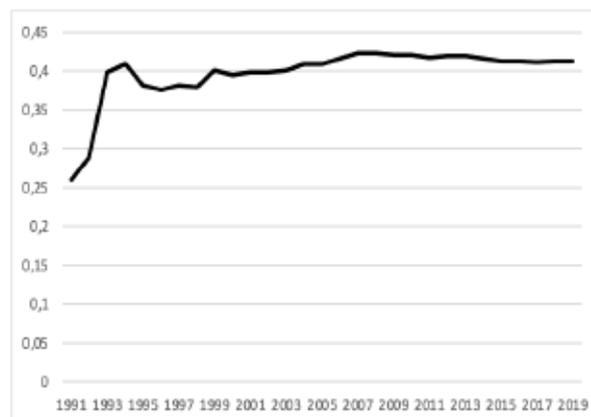

Рис. 1. Динамика индекса Джини в России по годам: 1991–2020 гг. Источник: данные Росстата / Fig. 1. Dynamics of the Gini index in Russia by 1991-2020. Source: Rosstat data

Неравенство, безусловно, является существенным фактором, влияющим как на уровень и динамику бедности, так и на её восприимчивость к экономическому росту. Либерализация цен 1992 г. имела результатом резкое падение уровня жизни населения. Официального показателя уровня бедности в этот период еще не было, однако оценочные данные указали на то, что до 1994 г. уровень бедности устойчиво снижался, хотя снижение, произошедшее в 1994 г., было обусловлено не мерами социально-экономической политики или значимыми институциональными изменениями, а изменением методики построения ряда распределения по доходам (рис. 2). Тем не менее наметившаяся тенденция снижения бедности была прервана кризисом 1998 г. С началом экономического роста в 2000-х реальные располагаемые доходы населения, заработная плата и пенсии начали расти ускоренными темпами, обгоняя темпы роста ВВП, и реальное снижение бедности началось уже в 2000 г. Однако именно в этом году Россия перешла к более дорогому прожиточному минимуму, поэтому рост реальных доходов населения не нашел своего отражения в

динамике численности населения с доходами ниже прожиточного минимума [22]. Начиная с 2001 г. стартовала устойчивая тенденция снижения численности бедного населения, подтверждающая позитивное влияние экономического роста на уровень кризисных явлений в экономике и, как видно из графика (рис. 2), пандемия Covid-19 не привела к росту численности бедного населения.

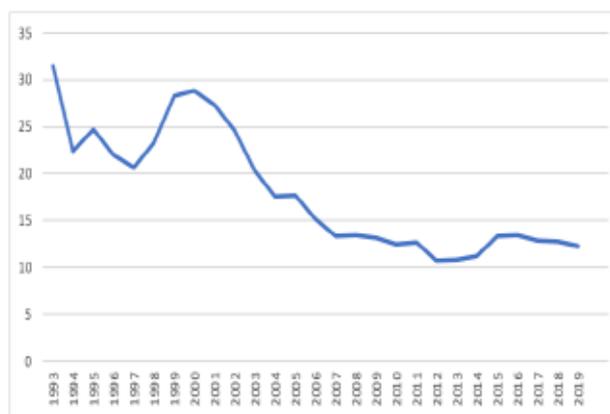

Рис. 2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения. Источник: данные Росстата / Fig. 2. The number of people with incomes below the subsistence minimum, % of total population. Source: Rosstat data

Если принять за точку отсчета 2000 г., то индикаторы бедности и неравенства (после 2007 г.) демонстрируют тенденцию их устойчивого снижения.

Динамика макроэкономических индикаторов уровня жизни российского населения. Динамика и структура неравенства и бедности российских домохозяйств отражает меры, предпринимаемые государством по их сокращению, и в этом контексте анализ динамики макроэкономической ситуации, на фоне которой происходила реализация социально-экономической политики государства, позволяет уточнить их воздействие.

Глубокий экономический кризис, сопровождающий рыночную трансформацию в России, продлился до конца 90-х гг. Стартовавший в новом тысячелетии период экономического роста привел к значительным позитивным сдвигам во всех сферах социально-экономической жизни.

Наиболее общей характеристикой динамики социально-экономического развития России является валовой внутренний продукт (ВВП), представляющий собой конечный результат де-

ятельности экономики, характеризующий взаимосвязанные аспекты экономического процесса: производство товаров и оказание услуг, распределение доходов, конечное использование товаров и услуг. На рис. 3 представлены темпы приростов ВВП за 30-летний период.

Прирост ВВП оставался негативным до конца 90-х гг. Либерализация цен 1992 г. и последующая инфляция обесценили денежные накопления населения, заработная плата, пенсии не успевали за ростом цен, уровень жизни резко снизился. В 1997 г. российская экономика продемонстрировала некоторые неустойчивые знаки выздоровления, которые были быстро уничтожены финансовым кризисом 1998 г., вовлекшим страну в пучину банкротств в банковском секторе, девальвацию рубля и коллапс фондового рынка. С 1999 г. стартовал период устойчивого восстановления и роста ВВП, достигший пика 10 % в 2001 г. С 2001 г. ВВП демонстрировал не столь высокие, но устойчивые приросты с 5,1 до 8,5 % в 2007 г. Глобальный финансовый кризис 2008 г. вновь обрушил ВВП РФ до -7,8 % в 2009 г. Начавшийся с 2010 г. рост вновь затормозился кризисом 2014 г. Дальнейший процесс подъема экономики был прерван пандемией Covid-19, в результате которой ВВП опять показал отрицательный прирост -2,0 %.

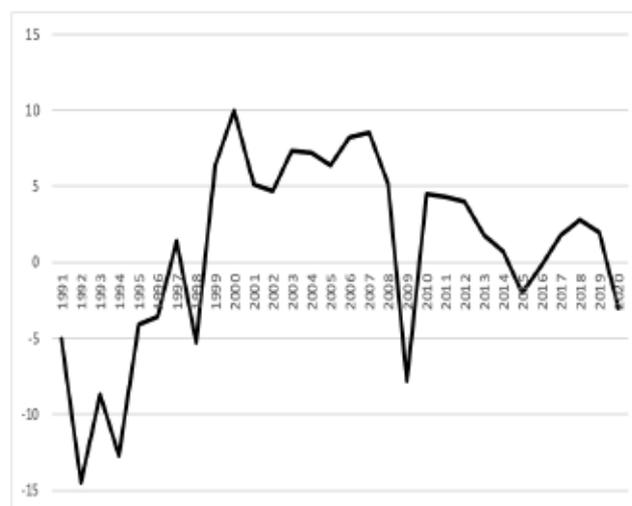

Рис. 3. Динамика ВВП России по годам: 1991–2020 гг. Источник: данные Росстата / Fig. 3. Dynamics of Russia's GDP by 1991–2020. Source: Rosstat data

Как реагировали доходы россиян на макроэкономические флуктуации двух последних десятилетий? Поскольку исследовательский инте-

рес представляет динамика показателей благосостояния населения с начала нового тысячелетия, то дальнейший анализ предпринят в терминах процентных пунктов роста как разность базисных темпов роста (%) двух смежных перио-

дов. В отличие от темпов прироста, которые нельзя ни суммировать, ни перемножать, пункты роста можно суммировать, в результате получаем базисные темпы прироста. Базисным принят 2000 г. (рис. 4).

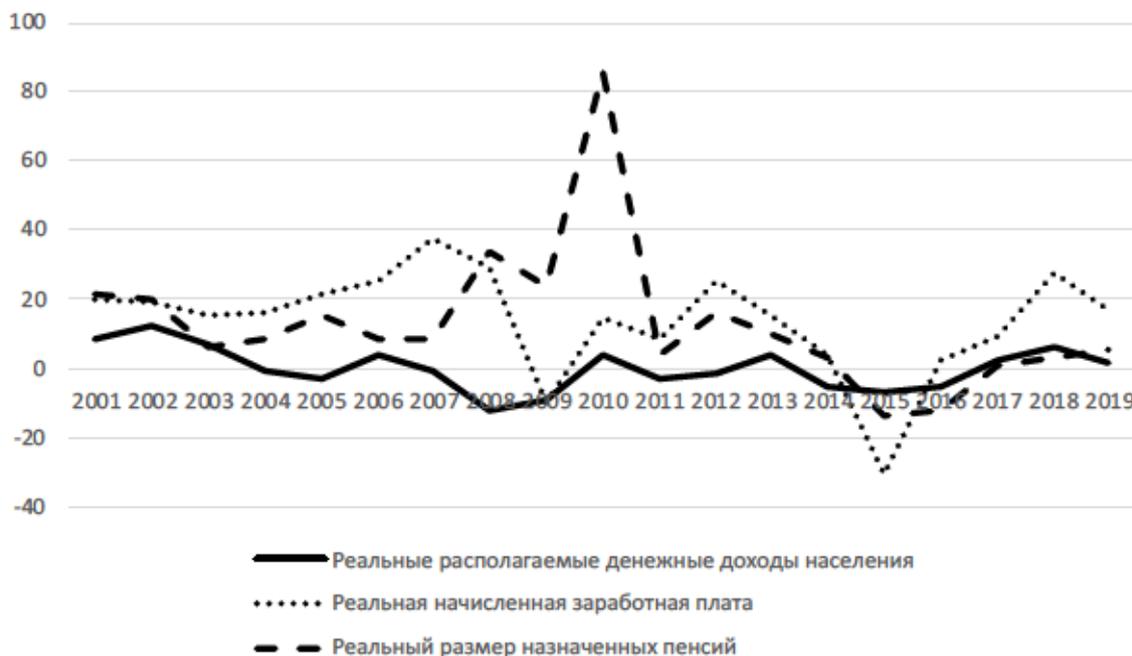

Рис. 4. Динамика показателей уровня жизни населения России с 2001 по 2019 г. Источник: данные Росстата / Fig. 4. Dynamics of indicators of the standard of living of the population of Russia from 2001 to 2019. Source: Rosstat data

Реальные располагаемые денежные доходы населения, данные о которых публикует Росстат, представляют собой показатель доходов, из которых вычтены налоги и сборы, проценты по кредитам и пр., скорректированные на инфляцию. В течение обсуждаемого периода тренд реальных располагаемых доходов населения был синхронизирован с трендом ВВП: резкий прирост в начале 2000-х, скорость которого далее затормозилась, в 2008 – падение более чем на 12 процентных пунктов, следующее падение совпало с кризисом 2014 г., но несмотря на то, что ситуация усугубилась с пандемией Covid-19, скорость дальнейшего падения несколько затормозилась. Следует отметить, что до 2011 г. скорость прироста доходов была выше, чем приростов ВВП.

Что происходило с такими составляющими располагаемых денежных доходов населения, как заработная плата и пенсии?

Пенсии составляют основную часть государственных трансфертов населению. Либерализация цен в 1992 г. и последовавшая в результате инфляция привели к тому, что реальный размер

пенсий уменьшился вдвое, и к концу 1994 г. средний размер пенсий упал ниже прожиточного минимума пенсионера, а минимальной пенсии – ниже 50 % прожиточного минимума пенсионеров. Индексация пенсий в 1995 г. привела к тому, что объем выплат превысил доходы пенсионного фонда и возникла задолженность по выплатам пенсий. Ситуация не улучшалась вплоть до кризиса 1998 г. и к началу 1999 г. задолженность по выплатам пенсий вдвое превышала размер общей суммы назначенных пенсий, реальный и средний размер пенсий снизились до 70 % прожиточного минимума пенсионера, а минимальная пенсия – до 45 % прожиточного минимума пенсионера, ставка замещения средней пенсии опустилась до 25 % средней заработной платы [23].

Лишь спустя три года после кризиса 1998 г. в пенсионной системе были созданы экономические возможности для её позитивного реформирования. Определенную роль в этом сыграла и демографическая ситуация. Старение населения приостановилось в связи с тем, что пенсионного возраста достигли малочисленные поколения,

родившиеся в годы Второй мировой войны. К 2002 г. средний размер пенсий удалось уравнивать с прожиточным минимумом пенсионеров. Тем не менее реальный размер пенсий составлял в 2005 г. лишь 66,4 % от уровня 1990 г. Однако начиная с 2000 г. приросты реальных размеров начисленных пенсий до 2011 г. стали заметно обгонять приросты реальных располагаемых денежных доходов, что можно объяснить тем, что, хотя в новое столетие пенсионеры вошли одной из наименее обеспеченных групп населения, правительство предприняло ряд радикальных мер по реформированию пенсионной системы. Одной из наиболее значимых стала валоризация пенсий, осуществленная в 2010 г. и вызвавшая резкий скачок этого показателя, значительно обогнавшего рост оплаты труда. Далее динамика реальных пенсий выровнялась и приблизилась к динамике доходов.

Заработная плата, являющаяся основным источником доходов значительной части российских домохозяйств, в начале 90-х гг. снизила реальное содержание в 2,5 раза, её устойчивый рост начался лишь с 1999 г. и моментом наибольшего роста стал 2000 г. В последующем реальная заработная плата продолжала расти, но темпы её роста замедлились.

Скорость роста оплаты труда, за исключением точек кризисных спадов 2009 и 2014 гг., обгоняла скорость роста реальных располагаемых доходов. Такая же динамика была характерна и для реальных пенсий. Более того, реальные доходы населения продолжали снижаться с 2014 г., в то время как реальная начисленная заработная плата возобновила рост. Выявленная тенденция представляется достаточно неординарной. Одно из объяснений этого парадокса – непропорциональный рост зарплат у небольшой доли наиболее высокооплачиваемых работников, который не отражается в статистике реальных доходов. По сравнению с докризисным 2013 г. доходы населения снизились к 2019 г. примерно на 10 %. Еще одно объяснение состоит в изменении структуры доходов населения, когда выросла доля государственных трансфертов, что очевидно в динамике пенсий, и снизилась доля собственных источников дохода у представителей среднего и малого бизнеса. Такая динамика доходов обусловлена отсутствием роста в экономике и жесткой бюджетной политикой.

Воздействие эффектов роста и перераспределения доходов на снижение бедности.

Известный экономист Б. Миланович сформулировал три концепции глобального неравенства [2, 8]. В соответствии с первой концепцией неравенство оценивается на основе средних доходов без учета удельного веса населения различных стран, территорий. Во втором подходе учитываются различия в численности населения. Самая важная третья концепция рассматривает мир как состоящий из людей, а не государств. В отличие от первых двух концепций в центре внимания этой концепции находится любой человек со своим доходом независимо от страны проживания.

Основная сложность перехода к третьей концепции измерения неравенства состоит в том, что для ее реализации необходимы данные о доходах, структуре потребления, получаемые непосредственно от отдельных людей, т. е. на микроуровне. Такие данные получают обычно в ходе специально организованных обследований населения. Это дорогостоящая и сложная процедура, которую осуществляют в развитых странах и согласовывают методологию таких работ. Однако ускоряющаяся цифровизация всех сторон жизнедеятельности общества позволит уже в ближайшие годы путем учета всех транзакций, совершаемых индивидом, учитывать и расшифровывать его цифровой след и получать точные сведения о его доходах и расходах.

В России один из наиболее крупных источников таких данных представлен проектом «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE), стартовавшим с 1994 года¹, который репрезентативно представляет население России. Основное достоинство RLMS-HSE – единая методология формирования показателей доходов и расходов домохозяйств в течение всего периода.

В качестве индикаторов доходов в RLMS фиксируется максимально возможное число источников различных доходов домохозяйств, отдельных индивидов и их размер, также денежная оценка натурального потребления. Совершенствование методов сбора и контроля данных RLMS имеют результатом тот факт, что рассчи-

¹«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

танные по ним обобщенные показатели доходов, неравенства и бедности очень близки к макроиндикаторам, публикуемым официальной статистикой.

В этом контексте использования для дальнейшего анализа этих данных значительный научный интерес представляет выяснение того, в какой мере тенденция устойчивого снижения бедности обусловлена пропорциональным ростом доходов всех групп населения, а в какой перераспределением средств к наименее обеспеченным слоям населения, т. е. политикой снижения неравенства?

Один из подходов, позволяющих оценить реакцию населения на эти процессы, дает метод разложения изменения бедности за период между t_1 и t_2 на эффекты роста доходов и их перераспределения, предложенный Равальоном-Даттом [24]:

$$P_2 - P_1 = \underbrace{[P(\mu_{t_2}, \pi_{t_1}) - P(\mu_{t_1}, \pi_{t_1})]}_{C_1} + \underbrace{[P(\mu_{t_1}, \pi_{t_2}) - P(\mu_{t_1}, \pi_{t_1})]}_{C_2} + R, \text{ для } t_1,$$

$$P_2 - P_1 = \underbrace{[P(\mu_{t_2}, \pi_{t_2}) - P(\mu_{t_1}, \pi_{t_2})]}_{C_1} + \underbrace{[P(\mu_{t_2}, \pi_{t_2}) - P(\mu_{t_2}, \pi_{t_1})]}_{C_2} + R, \text{ для } t_2,$$

где $(P_2 - P_1)$ – разница в бедности между периодами t_1 и t_2 ; C_1 – эффект воздействия роста; C_2 – эффект перераспределения; R – неразложимый остаток; $P(\mu_{t_2}, \pi_{t_1})$ – уровень бедности для первого периода при увеличении всех доходов $Y_i^{t_1}$ в μ_{t_2}/μ_{t_1} раз; $P(\mu_{t_1}, \pi_{t_2})$ – уровень бедности для второго периода при увеличении всех доходов $Y_i^{t_2}$ в μ_{t_1}/μ_{t_2} раз.

В качестве порога (уровня) относительной бедности был принят доход равный 50 % от медианы распределения доходов домохозяйств (рис. 5).

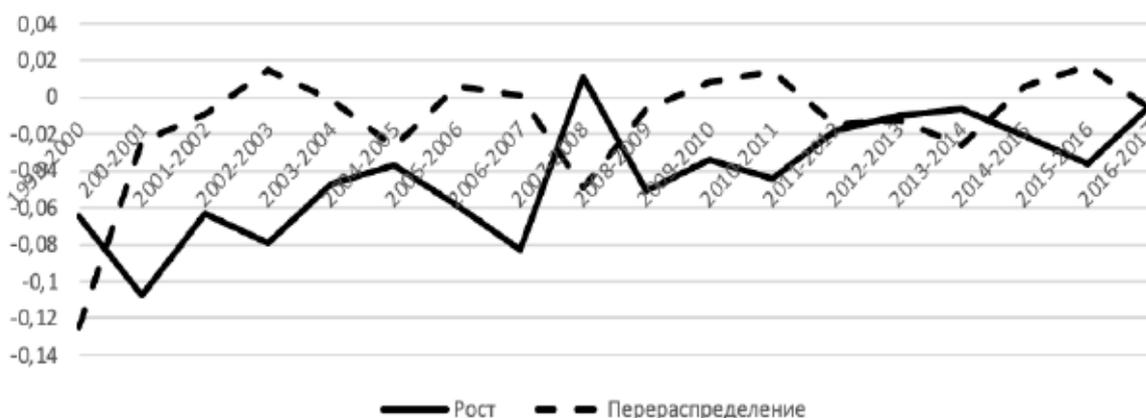

Рис. 5. Декомпозиция разности в уровнях бедности между смежными периодами на эффекты роста и перераспределения доходов / Fig. 5. Decomposition of the difference in poverty levels between adjacent periods into the effects of growth and income redistribution

Разложение уровней бедности на приросты благодаря росту доходов и за счет перераспределения указало на то, что практически для всех периодов и компонента роста, и компонента перераспределения имели отрицательные знаки, следовательно, они способствовали снижению бедности. Однако эффект роста доходов более существенно влиял на снижение бедности, а перераспределительные процессы в течение исследуемого периода играли относительно невысокую роль в изменении уровня бедности и даже в некоторых периодах незначительно, но способствовали росту бедности.

График декомпозиции указал, что с 2000 по 2008 г. доля эффекта роста доходов на снижение

бедности постепенно росла, а затем резко снизилась и почти не изменялась до 2011–2014 гг. Возрастание доли перераспределительного эффекта в этот период можно объяснить активной социальной политикой государства, призванной не допустить падения доходов населения в кризис 2008 г., последовавшей затем валоризацией пенсионных выплат. После 2014 г. снижение бедности происходило в основном за счет роста среднего дохода, а не перераспределения доходов в пользу бедных.

Заключение. Анализ индикаторов роста ВВП, неравенства, бедности и основных показателей уровня жизни населения, таких как реальные доходы населения, заработная плата и пен-

сии, выявил, что экономический рост, начавшийся в 2000-х гг., имел следствием устойчивую тенденцию снижения уровня неравенства и бедности в России. В течение обсуждаемого периода тренд реальных располагаемых доходов населения был синхронизирован с трендом ВВП, однако следует отметить, что до 2011 г. скорость прироста доходов была выше, чем приростов ВВП. Причины этого феномена состоят в том, что скорость роста оплаты труда, за исключением точек кризисных спадов 2009 и 2014 гг., обгоняла скорость роста реальных располагаемых доходов. Такая же динамика была характерна и для реальных пенсий, поскольку принятые правительством радикальные меры по реформированию пенсионной системы, имели результатом то, что темпы роста реальных размеров начисленных пенсий до 2011 г. заметно обгоняли приросты реальных денежных доходов. Начиная с 2014 г. снижение реальных доходов населения происходило на фоне продолжающегося роста реальной заработной платы. Выявленная тенденция достаточно неординарна. Необходим дальнейший анализ структуры и динамики доходов населения с учетом изменений доходов представителей малого и среднего бизнеса, обусловленного отсутствием роста в экономике в период пандемии Covid-19 и влияния этих процессов на уровень и структуру неравенства и бедности. Оценка влияния эффектов роста и перераспределения доходов на изменение уровня относительной бедности и неравенства между 2000 и 2017 гг. на основе метода декомпозиции Равальона-Датта показала, что снижение уровня бедности в указанный период в основном обеспечивалось общим ростом доходов при слабой интенсивности процессов перераспределения доходов от высокообеспеченных групп домохозяйств к низкообеспеченным. Представленный подход позволяет выявить проблемные сферы социальной политики и указать направления их устранения.

Литература

1. Капелюшников Р. И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.
2. Миланович Б. Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 333 с.
3. Ниворожкина Л.И. От социализма к рынку: динамика уровня доходного неравенства российских

домохозяйств (1994–2018 гг.) // Учет и статистика. 2020. № 1. С. 56–67.

4. World Bank. Introduction to Poverty Analysis. Washington, DC: World Bank Institute, 2005. URL: <http://siteresources.worldbank.org/PGLP/Resources/PoveartyManual.pdf> (дата обращения: 22.04.2021).

5. Matytsin M., Popova D., Freije S. RUSMOD. A Tool for Distributional Analysis in the Russian Federation // Policy Research Working Paper. 2019. № 8894.

6. Ravallion M. Poverty is Good for Development // Economic Ideas you should Forget / B. Frey, D. Iselin (eds.). Springer, 2017.

7. World Bank. 2020. Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (дата обращения: 15.05.2021).

8. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время: обзор: доклад к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апреля 2014 г. / пер. с англ.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 31 с.

9. Чиньяно Ф. Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // Вестн. междунар. организаций. 2015. Т. 10, № 3. С. 97–133.

10. Bouincha M., Karim M. Income Inequality and Economic Growth: An Analysis Using a Panel Data // International Journal of Economics and Finance. 2018. Vol. 10, № 5.

11. Sen Amartya K. Poverty: An Ordinal Approach to Measurement // Econometrica. 1976. Vol. 44. P. 219–231.

12. Бутаева К.О. Неравенство доходов как объект экономических исследований в контексте анализа уровня жизни и общественного благосостояния // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 3. С. 71–86.

13. Кислицына О.А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журн. исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 289–302.

14. Morgan K. Inequality And Crime // Review of Economics and Statistics. 2000. Vol. 82 (4). P. 530–539.

15. Шваков А.Ю., Куртуа А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009. 192 с.

16. Piketty T. Capital in the 21st century. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 685 p.

17. Kuznets S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45, № 1. P. 1–28.

18. Любимов И. Взгляд на эволюцию неравенства доходов: Пикетти против Кузнецца – 60 лет спустя // *Экономическая политика*. 2016. Т. 11, № 1. С. 27–42.

19. Rajan R.G., Zingales L. Saving Capitalism from the Capitalists: Unleashing the Power of Financial Markets to Create Wealth and Spread Opportunity. Princeton University Press, 2004.

20. Piketty T., Yang L., Zucman G. Capital Accumulation, Private Property and Rising Inequality in China, 1978–2015 // *World Wealth and Income Database, WID.world. Working Paper Series*. 2017. № 6.

21. Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // *Вопросы экономики*. 2020. № 4. С. 67–106.

22. Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журн. Новой экономической ассоциации*. 2016. № 3(31). С. 170–186.

23. Социальные индикаторы доходов и уровня жизни населения // *Бюл. Министерства труда и социального развития РФ*. 2002. Вып. 9 (107).

24. Kuznetsov N., Nivorozhkina L. The Poverty Reduction in Russia: The Dynamics and Structure // *South-Eastern Europe Journal of Economics (SEEJE)*. 2010. Vol. 8, № 2. P. 227–240.

References

1. Kapelyushnikov R.I. (2019). Economic inequality - a universal evil? *Voprosy ekonomiki*, No. 4, pp. 91-106. (in Russian).

2. Milanovic B. (2017). *Global inequality: a new approach for the age of globalization*. Moscow, Gaidar Institute Press, 333 p. (in Russian).

3. Nivorozhkina L.I. (2020). From socialism to the market: dynamics of the level of income inequality of Russian households (1994-2018). *Uchet i statistika*, No. 1, pp. 56-67. (in Russian).

4. *World Bank. Introduction to poverty analysis*. (2005). Washington, DC, World Bank Institute. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/PGLP/Resources/PovertyManual.pdf> (accessed April 22, 2021).

5. Matytsin M., Popova D., Freije S. (2019). RUSMOD. A Tool for Distributional Analysis in the Russian Federation. *Policy Research Working Paper. WPS, World Bank Group*, No. 8894.

6. Ravallion M. (2017), Poverty is Good for Development. *Economic Ideas you should Forget*. B. Frey, D. Iselin (eds.). Springer.

7. *World Bank. 2020. Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune*. Washington, DC:

World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org> (accessed May 15, 2021).

8. Milanovic B. (2014). *Global Income Inequality in Figures: Throughout History and Present: An Overview: Report to the 15th Apr. int. scientific conf. on the problems of economic and social development, Moscow, Apr. 1-4, 2014 / Tr. from English; Nat. issled. University Higher School of Economics. Moscow, Higher School of Economics Press*, 31 p. (in Russian).

9. Chignano F. (2015). Trends in income inequality and its impact on economic growth. *Vestn. mezhdunar. organizatsii*, vol. 10, No. 3, pp. 97-133. (in Russian).

10. Bouincha M., Karim M. (2018). Income Inequality and Economic Growth: An Analysis Using a Panel Data. *International Journal of Economics and Finance*, vol. 10, No. 5.

11. Sen Amartya K. (1976). Poverty: An Ordinal Approach to Measurement. *Econometrica*, vol. 44, pp. 219-231.

12. Butaeva K.O. (2017). Income inequality as an object of economic research in the context of the analysis of living standards and social welfare. *Vestn. Tyumenskogo gos. un-ta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, No. 3, pp. 71-86. (in Russian).

13. Kislitsyna O.A. (2015). The influence of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation. *Zhurn. issledovaniy sotsial'noi politiki*, No. 2, pp. 289-302. (in Russian).

14. Morgan K. (2000). Inequality And Crime. *Review of Economics and Statistics*, vol. 82 (4), pp. 530-539.

15. Shevyakov A.Yu., Kiruta A.Ya. (2009). *Inequality, economic growth and demography: unexplored relationships*. Moscow, M-Studio Publ., 192 p. (in Russian).

16. Piketty T. (2014). *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 685 p.

17. Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, vol. 45, No. 1, pp. 1-28.

18. Lyubimov I. (2016). A look at the evolution of income inequality: Piketty versus Kuznets - 60 years later. *Economicheskaya politika*, vol. 11, No. 1, pp. 27-42. (in Russian).

19. Rajan R.G., Zingales L. (2004). Saving Capitalism from the Capitalists: Unleashing the Power of Financial Markets to Create Wealth and Spread Opportunity. Princeton University Press.

20. Piketty T., Yang L., Zucman G. (2017). Capital Accumulation, Private Property and Rising Inequality in China, 1978-2015. *World Wealth and Income Database, WID.world. Working Paper Series*.

21. Kapelyushnikov R.I. (2020). T. Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts. *Problemy ekonomiki*, No. 4, pp. 67-106. (in Russian).

22. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. (2016). Decomposition of income inequality factors in modern Russia. *Zhurn. Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, No. 3 (31), pp. 170-186. (in Russian).

23. Social indicators of income and living standards of the population. (2002). *Byul. Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya RF*, No. 9 (107). (in Russian).

24. Kuznetsov N., Nivorozhkina L. (2010). The Poverty Reduction in Russia: The Dynamics and Structure. *South-Eastern Europe Journal of Economics (SEEJE)*, vol 8, No. 2, pp. 227-240.

Поступила в редакцию / Received

14 июля 2021 г. / July 14, 2021

УДК 303.01:327:930
doi 10.18522/2687-0770-2021-3-128-133

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В XXI ВЕКЕ

© 2021 г. И.М. Узнародов^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

PROSPECTS OF GLOBALIZATION IN THE 21st CENTURY

I.M. Uznarodov^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Узнародов Игорь Миронович –
почётный работник высшего профессионального
образования РФ, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой мировой
политики и глобализации,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Igor M. Uznarodov –
Honorary Worker of Higher Professional
Education of Russia, Doctor of History, Professor,
Head of the Department of World Politics
and Globalization,
Rostov State University
of Economics,
B. Sadovaya Str., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Рассматривается вопрос о перспективах глобализации, который получает в экспертном сообществе и средствах массовой информации неоднозначные и противоречивые оценки. Анализируются тенденции развития глобальной экономики в контексте этапов глобализации, поскольку негативные суждения о будущем глобализации основываются на состоянии современной экономики. Показаны изменения, происходившие в мировом хозяйстве, обращено внимание на рост его унификации и единообразия, на то, что к началу XX в. успешно протекавшие глобализационные процессы достигли своего пика. Потом начинается спад, связанный с двумя мировыми войнами и появлением биполярного мира. После окончания холодной войны происходит новый подъём глобализации, формируется единый механизм мировой экономики. В целом исторический контекст и последние события в мире не дают оснований говорить о конце глобализации. Сегодня налицо лишь некоторое замедление глобальных процессов, после которого следует ожидать нового подъёма.

Ключевые слова: глобализация, глобальные процессы, глобальная экономика, пандемия коронавируса, унификация, этапы глобализации.

The article considers the issue of the prospects of globalization, which receives ambiguous and contradictory assessments in the expert community and the mass media. Since negative judgments about the future of globalization are mainly based on assessments of the state of the contemporary economy, the article analyzes the trends in the development of the global economy in the context of the stages of globalization. The changes that took place in the world economy are shown, attention to the growth of its unification and uniformity is paid. It is concluded that by the beginning of the 21st century, the successful globalization processes had reached their peak. Then the recession, associated with the two world wars and the emergence of a bipolar world began. After the end of the cold war, a new rise in globalization begins, a single mechanism of the world economy is being formed. In general, it is concluded that the historical context and recent events in the world do not give grounds to talk about the end of globalization. Today, there is only some slowing down of global processes, after which a new recovery should be expected.

Keywords: globalization, global processes, global economy, coronavirus pandemic, unification, stages of globalization.

В XXI в. процессы экономической, политической, культурной интеграции и унификации приняли поистине планетарный характер. На наших глазах происходит становление единых глобальных структур, связей, отноше-

ний в различных сферах общественной жизни. Накопленный фактический материал и теоретические наработки позволяют рассматривать глобализацию как объективно-историческое явление [1].

Сегодня актуальность глобализации и её последствий не только не снизилась, но и существенно возросла. Идёт активное приращение и уточнение теоретических и практических знаний, касающихся глобализации. Как отмечает академик А.Н. Чумаков, объективный характер глобализации в научном сообществе перестал быть предметом острых дискуссий и уже мало кем оспаривается [2, с. 7]. Однако перспективы глобальных процессов получают у экспертов и в средствах массовой информации неоднозначные оценки, которые зачастую противоречат друг другу. В качестве примера можно привести мнения известных специалистов В.Б. Кувалдина и М.Г. Делягина. Первый говорит о том, что нам суждено жить в глобальном мире, хотя мы пока не до конца представляем, каким он будет [3, с. 8]. Второй же считает, что глобализация в целом завершается, что открывает нам возможности для её реального познания [4, с. 77].

Объясняется такой разброс мнений в первую очередь содержательной многогранностью глобальных процессов, охватывающих по сути дела все сферы жизни современного общества. И если технологические изменения, научно-технические открытия и достижения в области культуры только способствуют осознанию человечеством своей общности и единого пути развития, то происходящее в современной экономике, да ещё в условиях пандемии коронавируса, даёт основания для негативных суждений о будущем глобальной экономики и глобализации в целом.

Чтобы ответить на вопрос, быть или не быть глобализации, необходимо проанализировать этапы, которые она прошла, выявить их особенности и динамику развития. Причём в центре данной статьи будет рассмотрена именно экономическая сторона глобализации – появление мирового рынка и соответствующей структуры глобального хозяйства, свобода торговли и перемещения людей и капиталов. Такой подход позволит выяснить, насколько поступательным и необратимым было развитие глобальных экономических процессов и насколько они были подвержены взлётам и падениям. Может то, что мы наблюдаем сегодня, не закат глобализации, а всего лишь её замедление?

В.Б. Кувалдин отмечает, что в научной литературе насчитывается как минимум семь вариантов начала процесса глобализации и каждый имеет право на существование, поскольку за ним стоит достаточно серьёзная аргумента-

ция [3, с. 13]. Реальная глобализация, как нам видится, начинается с великих географических открытий. Всё, что происходило до этого, трудно назвать глобализацией, поскольку человек ещё не представлял нашу планету в её географических пределах и поэтому не мог осознать, что такое глобальный мир, который воспринимался им как совокупность нескольких крупных регионов.

Начало *первому* большому этапу в развитии глобальных процессов положила в XVI в. эпоха Великих географических открытий. У людей возникает представление о едином мировом пространстве, которое затем становится объектом хозяйственного освоения. Появляются новые торговые пути – вместе с великим шёлковым путём морская торговля создаёт условия для освоения этого пространства. Южноамериканское золото способствует формированию европейского рынка [5].

Промышленная революция, развернувшаяся на европейском континенте в последней трети XVIII в., значительно ускоряет все эти процессы, закладывает экономический фундамент будущего глобального мира [6]. В Европе в результате бурного развития промышленного капитализма складывается индустриальное общество и, как следствие, во второй половине XIX в. – мировой рынок. В то же время ведущие промышленные державы достаточно быстро приобретают обширные колониальные владения, и к концу XIX в. завершается колониальный раздел мира, который позволяет странам Запада не просто контролировать земное пространство, но устанавливать там свои порядки и жизненные стандарты.

Переход к индустриальному обществу привёл к глобальным изменениям в экономической, технологической, демографической, социальной и культурной сферах. Говоря о тенденциях глобализации, проявившихся в XIX в., авторы пятого тома «Всемирной истории» подчёркивают, что мировые процессы становились всё более взаимосвязанными, а в качестве главной тенденции утверждается глобальная унификация. Возрастает единообразие в общественных институтах и в поведении людей. Усиление глобальной однородности подтверждает развернувшаяся стандартизация времени, валюты, техники, одежды [7, с. 845–860]. Следует также отметить, что в конце XIX в. для посещения отдельных стран гражданам не требовались визы, а границы не являлись серьёзным препятствием

на пути свободного перемещения товаров и денег. Поэтому с учётом последовавших затем событий вполне правомерно сделать вывод, что к началу следующего столетия успешно протекавшие глобализационные процессы достигли своего пика.

Важнейшим явлением начала XX в. стала деятельность монополий – новых структур, игравших роль экономических регуляторов индустриального общества. Тогда же возникли и соответствующие теории, авторы которых пытались объяснить обозначившиеся тенденции. Понятие «глобализация» тогда ещё никто не использовал, но появилось понятие «империализм», а вслед за ним – «ультраимпериализм», «суперимпериализм», «гиперимпериализм», в которых говорилось о стирании границ между государствами и создании глобального, мирового правительства. Об этом писали многие ученые, принадлежавшие к разным научным школам и политическим направлениям.

В качестве примера обратимся к идее ультраимпериализма, которая сочетала отказ от насилия в отношениях между развитыми государствами с их сотрудничеством на разных уровнях, а также предполагала распространение свободы торговли, объединение национальных капиталов и замену конкуренции между государствами взаимодействием монополий. Этим ультраимпериализм отличался от империализма, которому было свойственно стремление к защите зон национальных экономических интересов.

Считается, что само понятие «ультраимпериализм» впервые использовал К. Каутский в своей статье с таким же названием, опубликованной в «Die Neue Zeit» накануне Первой мировой войны [8]. Тогда он обратил внимание на особый интерес индустриально развитых стран к так называемым аграрным территориям, которые были важны для первых в качестве рынка сбыта промышленной продукции, а также источника продуктов питания и сырья для производства. Отмечая, что подобная экспансия не безгранична, он указал на перспективу распространения картелизации на сферу внешней политики с последующим достижением на глобальном уровне союза между империалистами и созданием некоего мирового правительства.

Однако мир так и не увидел то, о чём писали теоретики, поскольку начавшаяся мировая война приостановила развитие глобальных хозяйственных процессов, вернув границы и нарушив свободное перемещение людей, товаров и капи-

талов. Так начался *второй* этап глобализации, отличавшийся стремлением к территориальному переделу мира, а также сфер влияния в международных делах.

Борьба за экономическое пространство велась и в ходе Второй мировой войны, приведшей в конечном итоге к биполярному миру и новой войне – на этот раз холодной. Послевоенное соперничество столь разных общественно-политических систем никак не способствовало появлению единых глобальных структур, хозяйственных связей и отношений в различных сферах общественной жизни.

Однако, несмотря на ограниченные возможности, развитие глобальных процессов всё же продолжилось. Особую роль в этом сыграли компании, которые расширяли свой международный бизнес, приобретали зарубежные активы и создавали производственные подразделения в разных странах. В 1960-е гг. новое понятие «транснациональные корпорации» (ТНК) отражало появление достаточно крупных фирм, способных вести самостоятельную экономическую деятельность на международных пространствах. Заявили о себе и наднациональные валютно-финансовые органы, ускорился процесс интернационализации производства. Начавшаяся научно-техническая революция способствовала формированию технологической базы глобализации [4, с. 690].

Конечно, это всё происходило в ограниченных условиях, в пределах существовавшего мира капитализма. Но эти процессы набирали силу и уже в 1980-е гг. подготовили почву для нового подъёма глобализации.

После окончания холодной войны и ликвидации биполярного мира в начале 1990-х гг. наступает время *третьего* этапа глобализации, главной отличительной чертой которого становится развитие единого механизма мировой экономики. Производство любого продукта становится поистине международным делом, в котором участвуют фирмы из разных стран. Меняется структура мировой торговли, в которой ведущую роль начинают играть ТНК. Растёт мобильность капитала. В глобальный по своим масштабам рынок товаров и услуг вовлекается всё большее число стран и секторов экономики.

Благодаря новым информационным технологиям развитые страны поднимаются на качественно новый уровень интернациональной взаимозависимости, кооперации и международного разделения труда; появляются органы управле-

ния глобальной экономикой – Международный валютный фонд, Мировой банк, Всемирная торговая организация и другие правительственные и неправительственные структуры [9].

В XXI в. глобализационные процессы рассматриваются политиками и учёными в качестве одной из основных характерных черт нашего времени. Глобализации посвящены многочисленные книги и статьи, в которых авторы отмечают её успехи, принципиальные сдвиги, произошедшие в международном разделении труда и механизмах воспроизводства. Однако перед человечеством открылись не только невиданные ранее возможности.

Появились и беспрецедентные угрозы [3, с. 22–24]. Тут и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., в результате которого сократилось мировое производство и замедлились темпы экономического роста, и увеличение госдолга ведущих стран мира, и рост безработицы. При этом в мире растёт социальное неравенство, увеличивается разрыв в уровне развития вырвавшихся вперёд государств и остальных стран, накапливаются экологические проблемы.

Некоторые авторы также указывают на неоднозначность нынешней картины состояния основных направлений глобализации. Международные потоки капитала резко сократились, торговля пребывает в состоянии стагнации. Только темпы перемещения людей между разными странами продолжают расти [10].

Не случайно в последние годы появились сомнения в безоблачном будущем глобализации, что в первую очередь связано с экономическим положением Соединённых Штатов.

По мнению М.Г. Делягина, уже президент Б. Обама понял, что у США не хватает сил для доминирования на всех глобальных рынках. Поэтому он решил отделить наиболее привлекательную часть, чтобы сохранить там позиции Америки. Осуществляя стратегию разрушения глобальных рынков, Обама продвигал три проекта: Соглашение о торговле услугами, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнёрство и Транстихоокеанское партнёрство. Проекты партнёрства были направлены на обеспечение рынка сбыта американской продукции в Евросоюзе и на отделение Юго-Восточной Азии от Китая. А при помощи Соглашения о торговле услугами национальные государства должны были в конечном итоге попасть в подчинение ТНК. Стратегию разрушения глобальных рынков позже осмыслил Д. Трамп, чьи тор-

говые войны по сути дела продолжили политику его предшественника [4, с. 756–759].

Победив на выборах президента в 2016 г., Трамп выступил с националистических позиций, провозгласив своей целью восстановление производства в стране и американских позиций в мировой торговле. Пытаясь уменьшить отрицательный эффект глобализации, его администрация предприняла ряд шагов, которые можно расценить как замедление глобальных процессов или даже их откат назад.

В 2020 г. к этому добавилась пандемия коронавируса, которая также отрицательно сказалась на современном состоянии процессов глобализации, существенно нарушив международное разделение труда и сложившиеся мирохозяйственные связи.

В то же время на фоне политики Трампа совсем по-другому выглядят заявления китайских руководителей о «глобализации с китайским лицом» и о том, что Китай готов заменить США в качестве локомотива глобализации [11]. Первый раз подобным образом высказался в 2017 г. в Давосе председатель КПК Си Цзиньпинь. Он поддержал свободную торговлю и снятие всех и всяческих ограничений в глобальной экономике, дав понять, что теперь глобализация – это принципиальное дело Китая, который получает от неё большие выгоды [12].

Реализации китайских планов будут способствовать проект «Новый шёлковый путь», направленный на преобразование торгово-экономической модели Евразии, а также впечатляющая своими масштабами зона свободной торговли в Азии, о создании которой объявили в ноябре 2020 г. В неё вошли Китай, Австралия, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия вместе с 12 членами АСЕАН. Объединение назвали «Всесторонним региональным экономическим партнёрством». На него приходится 25,56 трлн дол. общего ВВП, 82 % мирового промышленного производства и почти 30 % совокупной экономики планеты [13].

Тем временем после выборов президента США в 2020 г. изменилась и политика американского руководства. Победивший Дж. Байден вместе со своим окружением начал ревизовать политику Трампа. Это означает, что глобалисты перешли в наступление. Зазвучали речи о «новой нормальности», т.е. об отказе от мира традиционных государств и традиционных ценностей. На передний план выдвигаются идеи инклюзивного капитализма. США вернулись во

Всемирную организацию здравоохранения и в Парижское соглашение по климату.

Зелёная экономика, изменение климата и природоохранная тематика приобрели особое значение для администрации Байдена, поскольку таким образом американские лидеры рассчитывают восстановить позиции Соединённых Штатов в качестве мирового лидера. Не случайно в ходе официального визита в Вашингтон федерального канцлера Германии А. Меркель в середине июля 2021 г. был подписан специальный документ, в котором подчеркнута приверженность борьбе против климатических изменений и говорится о будущем сотрудничестве для поддержки энергобезопасности и развития новых энергетических технологий [14].

Рассматривая возможные пути развития глобальных процессов, нельзя не упомянуть и о книге основателя Всемирного экономического форума профессора Клауса Шваба, написанной совместно с экономистом Тьерри Маллере [15]. Она называется «COVID-19: Великая перезагрузка» и основывается на анализе социально-экономических последствий коронакризиса, содержит различные идеи о том, каким может быть посткоронавирусный мир. По мнению авторов, экономическое восстановление после пандемии возможно благодаря новым технологиям в цифровом, биологическом и физическом мире, но они должны служить обществу, обеспечивая справедливый доступ к ресурсам. Лучший, более справедливый мир возможен, но на пути формирования единого международного сообщества, которое должно переосмыслить сущность человечества и выбрать новые жизненные приоритеты. Перезагрузка для людей связана с изменением отношения к среде обитания, а повышенное внимание к нашим природным активам должно превратиться в новую жизненную философию. По сути дела авторы предлагают читателю зелёный вариант глобализации.

Вскоре после выхода книги в свет в ходе интервью информационному телеканалу Euronews К. Швабу среди прочих был задан вопрос об идее многосторонности в современном мире, которую он продвигает. По его мнению, нельзя вернуться к системе многосторонности, которая сформировалась после Второй мировой войны, необходима реформа всей международной системы. В качестве примера профессор взял Всемирную торговую организацию, в структуру которой следует интегрировать новые измере-

ния глобальной торговли, всё, что связано с электронной коммерцией, другие инновации. Шваб считает, что сторонники мультилатерализма получили новый импульс с избранием президентом США Дж. Байдена; появилась надежда наладить в скором времени систему, столь необходимые миру в XXI веке [16].

Как представляется, исторический контекст и последние события в мировой политике не дают оснований для вывода о конце глобализации. Человечество необратимо движется к общеглобальной цивилизации. Идёт процесс сближения между различными существующими обществами и нациями по всему миру, будь то в экономической, социальной, культурной или политической сфере. Несмотря на то, что в прошлом унификация экономических отношений и хозяйственной деятельности регулярно переживала спады и замедления, скорее всего скоро мы увидим новый подъём глобальных процессов. Однако этот этап наверняка будет отличаться от предыдущего. Возможно, он будет связан с четвёртой промышленной революцией или с великой перезагрузкой, обрисованной в книге К. Шваба и Т. Маллере. Ясно, что мир уже не будет прежним.

Литература

1. Чумаков А.Н. Глобализация как естественно-исторический процесс: философский аспект // «Философский пароход»: материалы XXI Всемирного философского конгресса. Доклады российских участников. URL: <http://rfo1971.ru/wp-content/uploads/2018/09/chumakov-a.n> (дата обращения: 12.02.2021).
2. Чумаков А.Н. Контуры целостного мира : 3-е изд. М. : Проспект, 2016. 525 с.
3. Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М. : Весь мир, 2017. 400 с.
4. Делягин М.Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. I : Общая теория глобализации. 12-е изд., перераб. и доп. М. : ИПРОГ, Книжный мир, 2019. 812 с.
5. Магидович В.И., Магидович И.П. Эпоха великих открытий до середины XVI века. М. : Астрель, 2009. 462 с.
6. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира : пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 448 с.
7. Всемирная история : в 6 т. Т. 5 : Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В.С. Мирзеханов. М. : Наука, 2014. 940 с.

8. Kautsky K. Ultra-imperialism. URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (дата обращения: 05.12.2020).

9. Юнусов Л.А. Глобализация мировой экономики: понятие и основные этапы // Проблемы современной экономики. 2008. № 4. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nartid=2246> (дата обращения: 15.04.2021).

10. Смыслов Д. Эволюция глобализации мировой экономики: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 2. С. 5–12.

11. Информационный мультипортал KMRU. URL: <http://www.km.ru/economics/2018/01/27/vsemirnyi-ekonomicheskii-forum-v-davose/818834-davos-i-krizis-globalizma> (дата обращения: 10.03.2021).

12. Информационный портал «Политическое обозрение». URL: <https://politobzor.net/190208-kitay-i-ssha-delyat-mir-rossiyu-ne-pozvali.html> (дата обращения: 10.03.2021).

13. Информационное агентство Regnum. URL: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/3121936.html> (дата обращения: 10.12.2020).

14. Международная телерадиокомпания Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/dzho-bajden-i-angela-merkel-podpisali-vashingtonskuju-deklaraciju/a-58283818> (дата обращения: 16.07.2021).

15. Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 212 p.

16. Европейский информационный телеканал Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet> (дата обращения: 01.12.2020).

References

1. Chumakov A.N. Globalization as a Natural-Historical Process: a Philosophical Aspect. *The philosophical steamer: Proceedings of XXI World Philosophy Congress*. Reports of Russian participants. Available at: <http://rfo1971.ru/wp-content/uploads/2018/09/chumakov-a.n> (accessed February 12, 2021). (in Russian).

2. Chumakov A.N. (2016). *The contours of the whole world*. 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., 525 p. (in Russian).

3. Kuvaldin V.B. (2017). *The global world. Politics. Economy. Social relations*. Moscow, Ves' mir Publ., 400 p. (in Russian).

4. Delyagin M.G. (2019). *End of an Era: Watch out, the Doors are Opening!* Vol. I. The General Theory of Globalization. 12th ed., rev. and exp. Moscow, IPROG, Knizhnyi mir Publ., 812 p. (in Russian).

5. Magidovich V.I., Magidovich I.P. (2009). *The Era of Great Discoveries until the Middle of the 16th Century*. Moscow, Astrel' Publ., 462 p. (in Russian).

6. Allen R. (2014). *The British industrial revolution in the global picture of the world*. Moscow, Gaidar Institute Press, 448 p. (in Russian).

7. *World history: in 6 vols.* (2014). Vol. 5. The World in the 19th Century: on the Way to Industrial Civilization. V.S. Mirzekhanov (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 940 p. (in Russian).

8. Kautsky K. *Ultra-imperialism*. Available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (accessed December 5, 2020).

9. Yunusov L.A. (2008). Globalization of the world economy: the concept and main stages. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, No. 4. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nartid=2246> (accessed April 15, 2021). (in Russian).

10. Smyslov D. (2019). The evolution of the globalization of the world economy: current trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No. 2, pp. 5-12. (in Russian).

11. *Information multiportal KMRU*. Available at: <http://www.km.ru/economics/2018/01/27/vsemirnyi-ekonomicheskii-forum-v-davose/818834-davos-i-krizis-globalizma> (accessed March 10, 2021). (in Russian).

12. *Information portal "Political Review"*. Available at: <https://politobzor.net/190208-kitay-i-ssha-delyat-mir-rossiyu-ne-pozvali.html> (accessed March 10, 2021). (in Russian).

13. *Information Agency Regnum*. Available at: <https://regnum.ru/turbopages.org/regnum.ru/s/news/3121936.html> (accessed December 10, 2020).

14. *International TV and Radio Company Deutsche Welle*. Available at: <https://www.dw.com/ru/dzho-bajden-i-angela-merkel-podpisali-vashingtonskuju-deklaraciju/a-58283818> (accessed July 16, 2021).

15. Schwab K., Malleret Th. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva, Forum Publ., 212 p.

16. *European Information TV Channel Euronews*. Available at: <https://ru.euronews.com/2020/11/17/schwab-sujet> (accessed December 1, 2020).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-134-136

Итоги проведения IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса.

**Государственное и муниципальное управление туристско-рекреационным комплексом: российский и зарубежный опыт»
(г. Ростов-на-Дону, 22–23 апреля 2021 г.)**

**Results of the IV International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists “Modern problems and technologies in the sphere of tourism, hotel business, service. State and municipal management of the tourist and recreational complex: Russian and foreign experience”
(Rostov-on-Don, April 22-23, 2021)**

Конференция проходила в гибридном формате: в конференц-залах Южного федерального университета для очных участников и в дистанционном формате для участников из других городов России и зарубежных стран. В очном формате конференцию посетило более 150 чел., среди них студенты и преподаватели вузов из Еревана, Санкт-Петербурга, Перми, Уфы, Мурманска, Ростова-на-Дону, а также учителя, учащиеся школ, гимназий, лицеев и колледжей Ростовской области. В общей сложности в конференции приняло участие в качестве докладчиков и слушателей более 400 чел. С каждым годом это мероприятие привлекает все большее количество заинтересованных лиц из разных городов России и зарубежных стран. Доклады были представлены на русском и английском языках. Наибольшее количество их поступило от бакалавров (56 %), высокую активность проявили магистры (36 %) и аспиранты (8 %), что позволяет говорить о широком охвате основной целевой аудитории. От преподавателей вузов насчитывалось 26 заявок на публикацию статей. Традиционно высокой была активность школьников и студентов вузов – 26 статей.

Всего в редколлегию для публикации в сборнике трудов конференции поступило более 160 статей из 26 российских и 5 зарубежных вузов: Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), Чеченского государственного университета (г. Грозный), Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (г. Уфа), Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин), Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (г. Саранск), Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань), Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар), Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Карачаевск), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов), Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ), Кубанского государственного университета (г. Краснодар), Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Кемеровского государственного института культуры (г. Кемерово), Мытищинского филиала Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (г. Мытищи), Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь), Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа), Института экономики и права

(филиала) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Тверского государственного университета (г. Тверь), Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург), Ростовского государственного университета путей сообщения (г. Ростов-на-Дону), Института стратегии развития образования Российской академии образования (г. Москва), Ростовского государственного медицинского университета (г. Ростов-на-Дону), Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск), Института экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН (г. Мурманск), Ереванского государственного университета (Республика Армения, г. Ереван), Ереванского государственного университета архитектуры и строительства (Республика Армения, г. Ереван), Азербайджанского университета туризма и менеджмента (Республика Азербайджан, г. Баку), Бухарского государственного университета (Республика Узбекистан, г. Бухара), Абхазского государственного университета (Республика Абхазия, г. Сухум).

В рамках специальной секции в конференции приняли участие учащиеся школ, колледжей, лицеев и гимназий Ростовской области: гимназии № 12 (г. Ростов-на-Дону), колледжа прикладного профессионального образования ЮФУ (г. Ростов-на-Дону), лицей № 6 (г. Шахты), Ростовского колледжа рекламы, сервиса и туризма «Сократ», школы № 94 (г. Ростов-на-Дону).

В первый день конференции было проведено пленарное заседание и осуществлена работа шести секций.

На пленарном заседании с докладами на английском и русском языках выступили: Дэвид Спрешер – партнер-руководитель юридической практики в области авиации, транспорта и туризма (Shibolet&Co), преподаватель Высшей школы туризма (г. Труа, Франция); А.Ю. Александрова, профессор кафедры рекреационной географии и туризма Московского государственного университета; Бахадур Билалов Анвер оглы – декан факультета туризма и гостеприимства Азербайджанского университета туризма и менеджмента; Б.Н. Навруз-Зода – профессор Бухарского государственного университета (Узбекистан); С.Г. Горайнов – директор Высшей школы бизнеса ЮФУ; Т.В. Горайнова – директор Агентства по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области; Р.И. Сухов – заведующий кафедрой туризма Высшей школы бизнеса ЮФУ; М.В. Якименко – заведующая кафедрой технологий управления в индустрии туризма Высшей школы бизнеса ЮФУ; А.В. Шмыткова – ст. преподаватель кафедры туризма Высшей школы бизнеса ЮФУ.

Работа в рамках секционных заседаний отличалась активностью участников конференции. В структуре представленных докладов преобладали темы, посвященные развитию туризма и индустрии гостеприимства в России. Настоящая тенденция четко обозначилась с 2020 г. Гибридный формат позволил выступить с докладами всем желающим, вне зависимости от их места нахождения и ограничительных мер. Представленные исследования выполнены на высоком научно-практическом уровне и отвечают современным вызовам и проблемам туристского бизнеса и индустрии гостеприимства. В результате было решено определить победителей по следующим секциям:

– Секция «Туристско-рекреационные ресурсы регионов России и мира». Победитель – Р.Т. Мустафаев, Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Территориальная организация коллективных средств размещения в Краснодарском крае». Призёры: Д.Т. Козлов – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Поливариантные туристские маршруты в проектом поле туристской деятельности Республики Дагестан»; М.С. Федотова – Ростовский государственный университет путей сообщения, доклад «К проблеме использования культурно-исторического наследия в туристской практике»;

– Секция «Актуальные аспекты развития туроператорской и турагентской деятельности, рынка туристских услуг, экскурсионного и музейного дела». Победитель – Н.Е. Золотухин, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, доклад «Разработка проекта дистанционного образовательного курса как инструмента адаптации сотрудников гостиничного предприятия». Призёры: В.Е. Смирнов – Пермский государственный национальный исследовательский университет, доклад «Роль корпоративных музеев в развитии промышленного туризма Пермского края»; А.И. Комина, Д.Ф. Веселова – Уфимский государственный нефтяной технический университет, доклад «Внедрение инновационных

технологий и средств размещения в сфере экологического туризма в Республике Башкортостан»;

– Объединенные секции «Формирование и развитие современного туристско-рекреационного комплекса в Российской Федерации: современный подход, глобальные тренды, анализ зарубежного опыта и отечественной практики» и «Современные технологии и инновационные подходы к управлению предприятиями индустрии туризма и гостеприимства». Победители: Л.А. Кравцова, Д.Ю. Корсикова, В.С. Криченко, М.В. Быстрова, Г.Ю. Черемисина, Д.Т. Козлов, Ван Тяньчу – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Новые парадигмы в менеджменте коммерческих предприятий на примере туристского стартапа «DAR». Призёры: Е.С. Ляшко – Институт управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, доклад «Проблемы и перспективы развития рынка экологического туризма в Ростовской области»; М.Ж. Хайретдинова – Уфимский государственный нефтяной технический университет, доклад «Внедрение специального меню на предприятия питания»; А.К. Чурикова – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Инструменты digital-маркетинга для современных предприятий индустрии туризма»; А.В. Лысун – Институт управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, доклад «Анализ проблем развития сельского туризма в России»; К.А. Саркисян – Институт управления в экономических, экологических и социальных системах ЮФУ, доклад «Отраслевые особенности развития рынка труда гостиничной индустрии»;

– Секция «Развитие индустрии сервиса: проблемы, тенденции и перспективы». Победитель: М.С. Бирик – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Мотивация персонала и качество предоставления услуг предприятия сервиса». Призёры: А.А. Барма – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Анализ бизнес среды при планировании деятельности частного театра “Человек в Кубе”»; А.А. Айдушев – Высшая школа бизнеса ЮФУ, доклад «Анализ производственного процесса сервиса ООО “Океан”»;

– Секция «Научно-практические исследования студентов колледжей и учащихся школ, лицеев, гимназий в сфере сервиса, туризма и индустрии гостеприимства». Победители: Д.В. Вартамян – гимназия №12 (г. Ростов-на-Дону), доклад «Aviation museum in Rostov-on-Don»; М.В. Храмова – Ростовский колледж рекламы, сервиса и туризма «Сократ», доклад «Современные технологии и инновационные подходы к управлению предприятиями индустрии гостеприимства». Призёры: Д.И. Диклова – гимназия №12 (г. Ростов-на-Дону), доклад «Historical and tourist aspects of the Komi Republic»; С.С. Кузина – школа № 94 (г. Ростов-на-Дону), доклад «Роль экологизации туризма в развитии страны»; Р.Р. Снеговой – лицей № 6 (г. Шахты), доклад «The Extreme North Travel»; А.А. Римыга – Донской педагогический колледж (г. Ростов-на-Дону), доклад «Качество жизни населения в Дании и Южном Судане – выбор туристической поездки»; Н.Д. Свиридов – школа № 94 (г. Ростов-на-Дону), доклад «Космический туризм: туристы, стоимость, возможности»; Е.Д. Степаненко – школа № 94 (г. Ростов-на-Дону), доклад «Воздушные экскурсии на вертолетах: достижения и перспективы».

Во второй день конференции был проведен круглый стол, посвященный вопросам высшего образования: обмену опытом в реализации программ межвузовской мобильности студентов. В его работе приняли участие преподаватели российских и зарубежных вузов. В ходе дискуссии были обсуждены перспективы и целесообразность дистанционных форм академической мобильности студентов, методики и технологии преподавания в онлайн-формате. Состоялось обсуждение перспектив сотрудничества Высшей школы бизнеса ЮФУ и Международного научно-образовательного центра Национальной академии наук (г. Ереван, Армения). По окончании работы участникам круглого стола была предложена пешеходная экскурсия по историческому центру Ростова-на-Дону, организованная членами студенческого научного общества «Навигатор» Высшей школы бизнеса ЮФУ.

Р.И. Сухов,
кандидат географических наук, доцент,
заведующий кафедрой туризма,
Высшая школа бизнеса, Южный федеральный университет

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOK REVIEWS

doi 10.18522/2687-0770-2021-3-137-140

**О трагедии осетин 1920 года
(Пухаев К.П. История геноцида осетин в 1920 г. Цхинвал, 2020)**

**On the Tragedy of the Ossetians in 1920
(Pukhaev K.P. History of the Genocide of Ossetians in 1920. Tskhinval, 2020)**

В рецензируемой монографии канд. ист. наук, заслуженного деятеля науки РЮО Константина Петровича Пухаева освещается трагедия осетинского народа, которую весь цивилизованный мир с 1948 г. называет геноцидом. Геноцид евреев («холокост») в период Второй мировой войны или геноцид армян в годы Первой мировой войны, разумеется, не признают ни Германия, ни Турция. Хотя многие государства геноцид армян признали, в том числе и США. Такой процесс, как считают специалисты по истории Северной Осетии, будет продолжительным, упорным, утомительным, а местами и противоречивым. К этому нужно быть готовыми в первую очередь ученым, разрабатывающим сложнейшую тему научного анализа геноцида, где пока делаются лишь первые шаги.

Книга К.П. Пухаева – многолетний и в высшей степени актуальный научный труд, включает введение, 35 отдельных глав (параграфов), а также литературу, именную указатель, указатель географических названий и перечень сокращений и аббревиатур. Выход ее приурочен к 100-летию геноцида осетин Южной Осетии, организованного меньшевиками Грузинской Демократической Республики, стоявшими непродолжительное время (с 1918 по февраль 1921 г.) у руководства независимой от РСФСР Грузии.

Напомним, что Грузия, воспользовавшись правом нации на самоопределение, вполне мирно и цивилизованно отделилась от РСФСР в 1918 г. Таким образом, началось создание независимого суверенного государства, в истории которого было много интересного, поучительного и трагического, особенно для негрузинских народов. Так, 1920 год в исторической памяти осетин навсегда останется как одна из самых трагических страниц их многовековой истории. Именно в том году жители Южной Осетии по решению высшего политического руководства Грузии, в составе которой они оказались, кстати сказать, по волюнтаристскому решению политиков Тбилиси и Москвы, подверглись чудовищному истреблению. Количество погибших летом 1920 г. в Южной Осетии и беженцев, покидавших в тяжелейших условиях родные дома и искавших спасение в Северной Осетии, с абсолютной точностью невозможно даже подсчитать. Но если брать самые заниженные цифры, то погибшие исчисляются тысячами. В процентном отношении для малочисленного коренного населения Южной Осетии это представляется внушительной и страшной цифрой.

К.П. Пухаев приводит разные данные не только из архивных источников, но также из различных монографических публикаций. Их авторами в основном были грузинские исследователи, например, академик Г.В. Хачапуридзе; видный политический и общественный деятель Ф.Е. Махарадзе, и др. В общей сложности число погибших по самым минимальным подсчетам исчисляется 5 тыс. чел. [1–3].

Автор монографии ввел в научный оборот уникальные документы, которые проливают свет на огромное желание «партии войны» в Тбилиси выступать против Южной Осетии. Представители этой партии всегда присутствовали в руководстве Грузии, и не только при меньшевиках, но и среди других политических партий. Анализ исторических фактов и

уникальных архивных документов, который осуществил в своей работе К.П. Пухаев, позволяет однозначно утверждать, что руководство Грузии при всех политических режимах стремилось решить две важнейшие проблемы: во-первых, осетинский вопрос, во-вторых, абхазский вопрос. Для политического руководства Грузии они всегда были большой «головной болью».

Над их решением бились «выдающиеся деятели», фактически ярые осетинофобы независимой Грузии. Среди них руководитель меньшевистской Грузии Н.Н. Жордания и командир Национальной гвардии В. Джугели – талантливый исполнитель геноцида абхазского и югоосетинского народов 1920 г. К.П. Пухаев нашел верные и нужные слова в оценке каждого из них. Он дает точные характеристики и многим другим активным разработчикам плана геноцида и ключевым фигурам его осуществления, например Н.В. Рамишвили, А.И. Чхенкели, Н.С. Чхеидзе, Г.И. Квинитадзе, И.Г. Церетели и др. При этом автор монографии нигде не впадает в крайности, исповедует академический стиль изложения материала, избегая эмоциональности, жестких и поверхностных оценок.

Добавим, что руководство Грузии прилагало невероятные усилия, чтобы решить и некоторые другие вопросы в сфере национальной политики и межнациональных отношений. Автор настоящих строк на протяжении многих лет внимательно изучает не только проблемы национальной политики в бывшей Грузинской ССР, но и многие другие острые этнополитические вопросы, связанные с грузино-российскими отношениями, глубинными причинами распада Грузинской ССР, продолжительной национально-освободительной борьбой абхазского и югоосетинского народов, возникновением, развитием и укреплением государственности абхазского и югоосетинского народов и т.д. [4–7].

В этой связи подчеркнем, что позиции крайних грузинских националистов точно совпадают как в 1920 г., так и в последующие годы. Ничего у них не меняется, начиная от чрезмерного высокомерия, амбициозности, крайнего шовинизма и заканчивая примитивной фальсификацией истории и исторических фактов. Грузинские национал-шовинисты фальсифицируют не только собственную историю, но еще больше историю негрузинских народов, «случайно», по воле политиков, оказавшихся в составе «территориально целостной Грузии».

Абхазия и Южная Осетия, как известно, добровольно никогда не вступали в состав «территориально целостной Грузии». Именно поэтому они всегда были настоящим «бельмом на глазу» у руководства Грузии. Не только у меньшевиков, но и у коммунистов, что довольно четко обозначает в своем исследовании К.П. Пухаев. В подтверждение сказанного можно привести не десятки, а сотни конкретных примеров. Остановимся на том, что меньшевики Грузии, стоявшие у власти, не допускали и мысли, что есть коренной осетинский народ, проживающий с древних времен на территории Южной Осетии. Они хотели доказать всем, что есть Грузия, но нет Южной Осетии.

Такая версия истории, кстати сказать фальсифицированная, нужна была, чтобы убедить всех, что на территории Грузии, кроме этнических грузин, проживали многие другие негрузинские народы, например, абхазы, армяне, азербайджанцы, южные осетины, турки-месхетинцы и многие другие, которых не только руководители страны, но и историки, публицисты, журналисты окрестили «гостями на гостеприимной земле Грузии». Эту, глубоко ошибочную версию настойчиво руководители Грузии и историки повторяют до сих пор. Причем в современных условиях даже пытаются использовать различные фантастические интерпретации. Так, первый президент Республики Грузия Звиад Гамсахурдиа, лидер постсоветских грузинских нацистов в «Открытом письме» к Нобелевскому лауреату А.Д. Сахарову позволил целый ряд фальсификаций исторических фактов, в том числе привел и следующий: «Абхазия – это второе название Грузии, как Альбион – второе название Англии» [8].

Таких извращений исторических фактов не только Грузии, но и Абхазии и Южной Осетии более чем достаточно. В исследовании К.П. Пухаева не все, но многие из них анализируются с профессиональных позиций вдумчиво и всесторонне. Это еще одно очевидное преимущество рецензируемой работы. Но автору следовало бы хотя бы в тезисной форме изложить, с одной стороны, случаи фальсификации истории, к чему постоянно прибегают в Грузии (создается впечатление, что проблемами истории здесь занялись не только профессиональные историки и журналисты, но и все, кто может писать), а с другой – двойные стандарты, которые стали нормой поведения высших руководителей.

Так, Эдуард Шеварднадзе в июле 1990 г., являясь министром иностранных дел СССР, талантливо и упорно разрушавший великую страну, по вопросу объединения Германии торжественно провозглашал, что право нации на самоопределение священно и не продается. Однако он, будучи формально коммунистом, не должен был выступать против права нации на самоопределение в отношении абхазов и южных осетин, которые могут и обязаны воспользоваться этим правом. Здесь, как и во многих других вопросах, двойные стандарты экс-министра СССР и экс-президента Грузии налицо. Можно привести и другие примеры, нехватки в которых не испытываем.

Итак, автор проделал большую и полезную работу, результатом которой стала данная монография. Перечисление только положительных аспектов займет слишком много места и времени. Но в то же время необходимо подчеркнуть и отдельные недостатки и упущения. Во-первых, в любом научном исследовании, как известно, необходимо цитаты подкреплять соответствующими сносками на первоисточник, что и делает в большинстве случаев автор. Между тем на с. 39, 91, 94, 104 и др. их почему-то нет, отчего глубина исследования, академический стиль изложения снижается. Во-вторых, в работе встречаются отдельные спорные, недостаточно проверенные с точки зрения истории утверждения, предположения и выводы. Так, на с. 44 отмечается, «что не существует ни одного исторически подтвержденного документа, будь то договор или какой-то иной правовой акт, о полном завоевании Южной Осетии грузинскими князьями (тавадами), систематически посягавшими на южноосетинских крестьян, никогда не признававших над собой их власти». Возникают вопросы. Если крестьяне Южной Осетии никогда не признавали над собой власти грузинских князей, то почему они ежегодно им платили дань? Непонятно также, идет ли речь «о полном завоевании» или частичном. Здесь есть над чем поразмыслить. Тем не менее указанные недостатки не умоляют ту работу, которую проделал К.П. Пухаев, подняв фактически в одиночку огромную научную проблему, над которой должны работать целые коллективы научных исследователей.

Литература

1. Сиукаев Н.В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 2004. 32 с.
2. Осетинская трагедия. Белая книга преступлений против Южной Осетии. Август 2008 года. М.: Европа, 2008.
3. Захаров В.А., Лаквитав А.Б. Правовые аспекты грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта. М., 2010. 40 с.
4. См.: Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994, 1997, 2002.
5. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995, 1998, 2000.
6. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Владикавказ, 2000, 2004.
7. Дзидзоев В.Д. Проблемы и перспективы суверенитета молодых государств. Владикавказ, 2019.
8. Гамсахурдиа З.К. Открытое письмо академику А.Д. Сахарову // Вечерний Тбилиси. 1989. 12 сент.

References

1. Siukaev N.V. (2004). *Two tragedies of South Ossetia*. Vladikavkaz, 32 p. (in Russian).
2. *Ossetian tragedy. White Book of Crimes against South Ossetia. August 2008*. (2008). Moscow, Evropa Publ. (in Russian).
3. Zakharov V.A., Lakvitava A.B. (2010). *Legal aspects of the Georgian-Abkhaz and Georgian-Ossetian conflicts*. Moscow, 40 p. (in Russian).
4. Dzidzoev V. D. (1994, 1997, 2002). *National policy: Lessons from experience*. Vladikavkaz. (in Russian).

5. Dzidzoev V.D. (1995, 1998, 2000). *National relations in the Caucasus*. Vladikavkaz. (in Russian).
6. Dzidzoev V.D. (2000, 2004). *Caucasus at the end of the 20th century: tendencies of ethnopolitical development (historical and political research)*. Vladikavkaz. (in Russian).
7. Dzidzoev V.D. (2019). *Problems and prospects of the sovereignty of young states*. Vladikavkaz. (in Russian).
8. Gamsakhurdia Z.K. (1989). Open letter to academician A.D. Sakharov. *Vechernyi Tbilisi*, Sept. 12. (in Russian).

*В.Д. Дзидзоев,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
теории государства и права и политологии,
Горский государственный аграрный университет*

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках** (8–10 слов).
9. Список литературы также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi 10.18522/2687-0770-2021-3.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2021. № 3